

Методология, теория и история психологии

В.А. Кольцова

История психологии

Проблемы методологии

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

JOHANNES
STRATENSIS

Методология, теория и история психологии

Вера Кольцова

**История психологии.
Проблемы методологии**

«Когито-Центр»

2008

УДК 159.9
ББК 88

Кольцова В. А.

История психологии. Проблемы методологии / В. А. Кольцова —
«Когито-Центр», 2008 — (Методология, теория и история
психологии)

ISBN 978-5-9270-0130-9

В книге обсуждаются основные проблемы методологии историко-психологического исследования. С позиций онтологического подхода дано понимание объекта и предмета истории психологии, специфики используемых ею методов, историографии и источниковедческого базиса. На основе рассмотрения междисциплинарных связей истории психологии в системе научного знания обоснована важность ее культурологической и источниковедческой ориентации. Выделены основные направления разработки отечественной историографии в XX столетии и тенденции ее современного развития. Книга адресована специалистам в области истории психологии, ученым гуманитарного профиля, студентам психологических факультетов.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-9270-0130-9

© Кольцова В. А., 2008

© Когито-Центр, 2008

Содержание

Введение	5
Глава I	7
1 Объект истории психологии	7
2 Предмет истории психологии: подходы к пониманию	12
3 Критерии научности знаний	17
4 Формы вненаучного психологического познания	39
Житейские психологические представления как вид вненаучного психологического познания	40
Искусство как важный источник психологического познания	59
Психологические представления, формирующиеся в русле мифологии	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Кольцова В. А.

История психологии.

Проблемы методологии

Введение

Психологическая наука чутко реагирует на макросоциальные процессы, происходящие в обществе, так как именно во взаимодействии с общественной практикой она получает главные импульсы для своего развития. Парадигмальные преобразования всех сторон жизни современного российского общества создают принципиально новую ситуацию для развития психологической науки.

Завершается эпоха монопольного господства марксистской философии, что приводит к отказу от априорных и универсальных теорий и методов научного познания и определяет необходимость методологического переосмысления научных достижений прошлого, а также разработки новых перспективных линий развития науки.

На смену гносеологическому монизму приходят принципы «методологической дополнителности» (Н.Л. Смирнова), «коммуникативной методологии» (В.А. Мазиллов), «познавательного плюрализма» (И.Д. Ковальченко), «методологического либерализма» (А.В. Юревич), обосновывающие необходимость синтеза многообразных философско-теоретических подходов и методов, установления взаимопонимания между различными научными направлениями на основе стратегии комплексного многоуровневого исследования, объяснения и интерпретации изучаемых явлений.

Новыми реалиями, характерными для современной науки в целом, и психологии в частности, являются кризис позитивистской методологии и усиление тенденций гуманитаризации, рассмотрение научной мысли в контексте социально-культурных процессов, возрастание роли субъектной составляющей познавательной деятельности как основания интеграции разных областей знания в целостном изучении человека.

В истории психологии, опирающейся при реконструкции и оценке прошлого на методологические принципы и концептуальные подходы современной науки, трудности, связанные с утратой методологических ориентиров в проведении историко-психологического исследования, ощущаются особенно остро. Этим объясняется расширение сферы и углубление методологической рефлексии в области истории психологии на современном этапе развития науки. Особую актуальность приобретают задачи переосмысления предмета, методолого-теоретических подходов и методов истории психологии, поиска способов ассимиляции различных источников психологического знания, их научной трактовки и интерпретации. Разработка проблем методологии историко-психологического исследования – условие обеспечения достоверности и объективности получаемых знаний, предпосылка успешной реализации основной функции истории психологии – исследования и сохранения всего позитивного и ценного, что накоплено в ходе исторического развития психологического познания.

Проблемы методологии истории психологии освещаются в работах многих отечественных и зарубежных ученых: Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анцыферовой, В.В. Аншаковой, В.В. Большаковой, А.В. Брушлинского, Е.А. Будиловой, Л.С. Выготского, А.Н. Ждан, В.А. Карашана, Е.А. Климова, Е.С. Кузьмина, Н.Н. Ланге, Е.В. Левченко, Н.А. Логиновой, В.А. Мазилова, Т.Д. Марцинковской, И.А. Мироненко, О.Г. Носковой, Ю.Н. Олейника, А.В. Петровского, К.К. Платонова, М.В. Соколова, Е.Е. Соколовой, Б.М. Теплова, А.Н. Ткаченко, О.М. Тутунджяна, В.В. Умрихина, Е.В. Шороховой, В.А. Юревича, В.А. Яку-

нина, М.Г. Ярошевского, Д. Берри, Е.Г. Боринга, Д.Ф. Бреннана, А. Гилгена, У. Кима, Д. Наэма, С. Пасс, Д. Шульц и С. Э. Шульц и др.

В последние годы на фоне усиления рефлексии истории психологического познания появился ряд значимых исследований в области методологии истории психологии (Н.В. Богданович; О.В. Гордеева; М.С. Гусельцева; В.А. Мазилов; Т.Д. Марцинковская; М.Д. Няглова; А.В. Юревич и др.).

Однако следует отметить, что освещение проблем методологии истории психологии все еще является фрагментарным и не имеет целостного характера; многие ее аспекты остаются неразработанными. Это касается прежде всего раскрытия противоречивости и альтернативности процесса психологического познания; нового, соответствующего реалиям современной науки понимания и концептуализации ее предметной области; классификации методов историко-психологического исследования; рассмотрения проблем источниковедения и историографии истории психологии. Требуют осмысления новые тенденции и задачи историко-психологического исследования, объективно обусловленные социально-экономическими преобразованиями, происходящими в современном российском обществе, существенными изменениями в его идеологии и научном мировоззрении, возрастанием гуманитаризации научного знания, интеграцией отечественной психологии с мировой психологической мыслью, расширением проблемного поля истории психологии, усилением ее культурологической ориентации и взаимодействия с другими отраслями науки. Все это подтверждает важность и актуальность дальнейшего анализа методологических проблем истории психологии и определяет задачи настоящей работы, состоящие в целостном освещении основных проблем методологии истории психологии: ее объекта и предмета, методов историко-психологического исследования, историографии и источникового базиса. Многие из указанных вопросов рассматриваются впервые в отечественной истории психологии, чем обусловлен поисковый характер предпринятого исследования.

Хочу выразить глубокую благодарность моим учителям – К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинскому, Е.А. Будиловой, А.Н. Ждан, Б.Ф. Ломову, Е.В. Шороховой, М.Г. Ярошевскому, идеи которых способствовали возникновению замысла этой работы и явились важным источником его реализации.

Глава I

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

1 Объект истории психологии

Одной из главных проблем методологического анализа является определение объекта и специфики предмета рассматриваемой области знания. Методологический анализ истории психологии призван обозначить особенности той объективной реальности, которая ею изучается, а также те ее аспекты, которые определяют предмет историко-психологического исследования. Адекватное понимание объекта и предмета истории психологии позволяет точно очертить диапазон ее исследовательских задач, границу проблемной области, специфику научных подходов и методов познания, задавая тем самым исходные ориентиры научного поиска.

Говоря об объекте истории психологии, необходимо выделить ряд важных исходных положений. Первое положение касается дифференциации объекта истории психологии и объекта психологии как науки в целом. Если психология изучает собственно психическую реальность в ее содержательном и процессуально-динамическом аспектах, то история психологии имеет дело не с самой психической реальностью, а с предметом психологии в его историческом развитии, со способом его определения, теорией, возникающей на его основе, являясь тем самым своеобразной рефлексией психологической науки.

Второе положение направлено на разграничение объекта и предмета истории психологии, что представляется важным в силу часто недифференцированного использования указанных понятий в научной литературе. На необходимость четкого определения объекта и предмета историко-научного познания указывает М.Г. Ярошевский: «Всегда нужно разграничивать объект познания и его предмет. Первый существует сам по себе, независимо от информированности о нем человеческих умов. Другое дело – предмет науки. Она его строит с помощью специальных средств, своих методов, теорий, категорий» (Ярошевский, 1996, с. 7).

Под объектом (от лат. *objectum*) понимается часть объективной реальности, которая противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. Это «совокупность качественно определенных явлений и процессов реальности, существенно отличных по своей внутренней природе, основным чертам и законам функционирования и развития от других объектов этой реальности» (Ковальченко, 2003, с. 53).

С.Л. Рубинштейн в качестве важнейшей характеристики объекта выделяет его независимость от субъекта – «человека и человечества». В его работах дается развернутое определение объекта и объективного: «Термин *объективный* в настоящее время не однозначен. Под объективными свойствами бытия, действительности и т. п. разумеют собственные свойства бытия, действительности того или иного явления такими, каковы они есть – в отличие от того, какими они представляются тому или иному субъекту, воспринимающему их» (Рубинштейн, 1957, с. 56).

Признание объективности бытия (означающего, что «оно есть то, что оно есть, независимо от того, каким оно познается и даже от того, познается ли оно вообще») в то же время, как подчеркивает С.Л. Рубинштейн, отнюдь не предполагает отождествления понятий бытия и объекта. С одной стороны, «для сознания субъекта бытие всегда выступает как противостоящая ему объективная реальность. Там, где есть сознание, есть и это противопоставление; где есть сознание, бытие выступает перед ним в этом качестве» (там же). С другой стороны, «бытие, мир может существовать и не становясь объектом для субъекта, для его сознания,

может существовать и не выступая в этом качестве» (там же). Критически оценивая тенденцию отождествления бытия и объекта, ученый отмечает, что она была присуща как домарксовому материализму, так и субъективному идеализму, отвергавшему существование действительности, независимой от субъекта. Рубинштейн вскрывает ложность указанного аргумента: «Чтобы быть объектом для кого-нибудь, надо существовать, но чтобы существовать, не обязательно быть объектом для субъекта. Неверно не то, что в качестве объекта нечто существует только для субъекта; неверно, что бытие существует только в *качестве* объекта для субъекта» (там же, с. 57).

Отсюда вытекает принципиально важный для понимания объекта тезис – существование бытия как объекта предполагает его соотнесенность с субъектом. «Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект вступает в связь с вещью, и она выступает в процессе познания и действия как вещь для нас» (там же). Таким образом, условием выделения объекта и его конституирующей характеристикой как формы существования бытия является установление взаимодействия субъекта с бытием, в ходе которого происходит его познание. «Взаимодействие индивида с миром, его жизнь, потребности которой и привели к возникновению мозга как органа психической деятельности человека, *практика* – такова реальная материальная основа, в рамках которой раскрывается познавательное отношение к миру, такова “онтологическая” основа, на которой формируется познавательное отношение субъекта к объективной реальности» (там же, с. 7)

С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что именно конституирование объекта в процессе познавательной деятельности, где объект и субъект представлены в единстве, является онтологической предпосылкой возникновения объективной истины. Истина имманентна познанию, так же как познание имманентно бытию. «Истина объективна в силу адекватности своему объекту, не зависимо от субъекта – человека и человечества. Вместе с тем истина не существует вне и помимо познавательной деятельности людей. Объективная истина – не есть сама объективная реальность, а объективное познание этой реальности субъектом. Таким образом, в понятии объективной истины получает конденсированное выражение единство познавательной деятельности субъекта и объекта познания» (там же, с. 37). Причем на уровне существования в качестве объекта вещи определяются не только в их исходной объектной данности, но и в преломленной через призму их субъективной значимости для познающего их индивида, той роли, которую они играют в его жизнедеятельности.

Опираясь на указанные положения, попытаемся охарактеризовать *объект истории психологии* и описать его особенности.

История психологии изучает реальный процесс становления и развития предмета психологии как области знания и науки в процессе эволюции человеческого общества. В ней в органичном единстве и нерасторжимой целостности представлено *объективное и субъективное* содержание. С одной стороны, будучи определением реальности психических явлений и продуктом познавательной деятельности человека, психологическое знание включает в себя объективное содержание. С другой стороны, оно является результатом субъективного психического осмысления человека, воплощает развитие самосознания познающего субъекта. История психологии, отслеживающая складывающуюся в ходе развития общества систему знаний о психической реальности и являющаяся тем самым рефлексией второго порядка – «познанием познанного», еще более усиливает роль и вес субъективной компоненты. Это определяет особую важность методологической проблемы определения объективных критериев истинности создаваемой в ходе историко-психологической рефлексии картины развития психологического знания.

Особенностью объекта истории психологии является то, что она имеет дело с *реальностью прошлого*, недоступной для ее непосредственного наблюдения современным исследователем и не воспроизводимую в экспериментальной ситуации. Являясь обращенным в

прошлое, историко-психологическое познание носит ретроспективный характер, чем определяется особая *роль реконструкционных методов* изучения исследуемых им явлений.

Объект познания истории психологии принципиально динамичен. Говоря об особенностях исторического познания, М. Блок подчеркивал, что оно отражает «стремление к лучшему пониманию», а следовательно, выступает как «нечто, пребывающее в движении» (Блок, 1986, с. 11). Это утверждение непосредственно относится и к характеристике психологического познания как непрерывно развивающегося процесса углубления знаний о психическом мире, начинающегося на самых ранних этапах человеческого общества и сопровождающего всю его дальнейшую историю. Непрерывность психологического познания объясняется той огромной ролью, которую играют психологическое знание и психологическое самосознание в жизнедеятельности человека, являясь базовыми предпосылками и фундаментальными факторами ее продуктивного функционирования. Осознание человеком своих психических сил и способностей открывает ему новые ресурсы в его взаимодействии с миром, а, в свою очередь, активная деятельность по преобразованию действительности обеспечивает более глубокое познание им своей собственной природы. Динамика психологического познания обусловлена расширением познавательной практики человека, являющейся ответом на новые запросы и актуальные потребности жизни, совершенствованием средств познания, развитием когнитивных структур, сменой методологических и теоретических основ. Развитие психологического познания состоит в поступательном расширении сферы изучаемых им явлений, раскрытии их сущности во все более полном и системном виде.

Изучение динамичного по своей природе процесса психологического познания определяет необходимость использования в его исследовании диалектической методологии как наиболее адекватной и соответствующей его сущности. Задача истории психологии – исследовать не только знание о психической реальности, но и процесс его получения, трансформации, его генезис и современные формы существования, проследить его преобразование на различных этапах истории, в разных историко-культурных контекстах. Логическое и историческое здесь выступают в единстве, и воссоздание этого единства является важнейшим принципом методологии истории психологии.

Объект истории психологии включает сложную совокупность явлений психологического познания: тип и характер психологического знания, способы презентации (категоризации, теоретизации и т. д.), содержание и структуру, противоречивое развитие и преобразование на различных этапах истории человеческой мысли, его опосредствованность особенностями исторического времени и духом эпохи, субъектно-личностными характеристиками творцов психологической мысли. Понимание природы и причин исследуемых историей психологии явлений определяет необходимость ее выхода в культурное пространство бытия психологической мысли, апелляции к проблемам психологии творчества, учета субъектной составляющей познавательного процесса, т.е. реализации в историко-психологическом познании комплексной методологии¹.

История психологии изучает не материальные вещи и предметы, а идеальный объект и способы его идеализации. Однако созданные человеком в конкретное историческое время, в контексте той или иной конкретной культуры, они входят в способ мышления, мировоззрения данной эпохи; знание становится частью реального мира, мощным средством воздействия на человека, организации и преобразования бытия. Более того, в определенный момент оно отчуждается от своего творца, приобретая самостоятельное, независимое от него существова-

¹ «Любая наука, взятая изолированно, представляет собой лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию... Чтобы правильно понять и оценить методы исследования данной дисциплины – пусть самые специальные с виду, – необходимо уметь их связать вполне убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно проявляются в других группах наук» (Блок, 1986, с. 14).

ние. *Знание столь же реально, сколь реальна любая вещь, созданная человеком. Идеальное столь же объективно, как и материальное.*

Как же сочетаются определение знания как идеального воспроизведения, воссоздания и его понимание как реальности бытия человеческого мира? Как разрешается данная дилемма? Ответ на этот вопрос обращает нас к рассмотрению гносеологической и онтологической природы знания как формы познанной действительности и как продукта человеческой деятельности. Гносеологический аспект определения знания включает его рассмотрение в контексте познавательного отношения к объективной действительности, где знание выступает как идеальный объект. Но знание – это одновременно и *продукт познавательной деятельности человека*, в ходе которой оно воплощается в созданных им произведениях (научных трактатах, статьях, исследовательских методиках, приборах). Сохраняя свою гносеологическую характеристику как познания сущности мира, знание получает, таким образом, онтологическую форму своего бытия в качестве объективированного в духовном производстве, духовном способе жизни. В этом своем аспекте оно выступает уже непосредственно как феномен культуры, как реальность, доступная для ее объективного исследования и познания. *Бытие знания как продукта человеческой деятельности в качестве культурного феномена составляет, таким образом, реальную предпосылку историко-научного познания прошлого.*

Психологическое знание, возникающее на разных этапах исторического развития, не дано исследователю в той форме, в которой оно было презентировано в свое время. Как пишет И.Д. Ковальченко, с одной стороны, прошлое «так же реально и объективно для настоящего, как реальна и объективна для отдельного человека его предшествующая жизнь». С другой стороны, «*настоящее* представляет собой *непосредственное бытие*, а *прошлое* – лишь *бытие опосредованное*» (Ковальченко, 2003, с. 109). Знание, полученное в прошлом, представлено в различных памятниках культуры, дошедших до нас. Памятник культуры, созданный ее субъектом на определенном этапе исторического развития, является продуктом деятельности человека, объективированной формой выражения воплощенной в нем психологической мысли. Характеризуя его природу, А.С. Лаппо-Данилевский оценивает его как «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» (Лаппо-Данилевский, 1913, с. 375). По мнению Лаппо-Данилевского, «только “мысль”, сопровождаемая действием, через посредство которого она осуществляется, и становится источником» (там же, с. 370). Об этом же пишет и основатель французской школы исторической психологии И. Мейерсон:

«Все человеческое объективируется и проецируется в творениях, весь физический и социальный опыт и все то, что в этом опыте и через этот опыт выступает как состояние или функция: аспекты анализа реальности, аспекты мысли, желания, чувства, личность – наиболее абстрактные идеи и наиболее интимные чувства» (Meyerson, 1948, р. 142). По словам Ж. Дюби, единственная доступная для исторического анализа «реальность заключается в документе, в этом следе, который оставили после себя события прошлого» (Дюби, 1991, с. 58). Таким образом, памятники культуры прошлого выступают в качестве той *реальности*, с которой имеет дело исследователь, реконструируя развитие психологического познания.

Исследуя памятники культуры, историк психологии воссоздает заключенное в них психологическое знание и способ его получения. Установление познавательного отношения исследователя к изучаемым им памятникам культуры приводит к превращению последнего в исторический источник, выступающий как объект историко-психологического познания, позволяющий реконструировать заключенное в нем психологическое знание и психологические характеристики его создателя. «В последовательности творений психолог должен найти ум, который их создал, выявить его уровни, аспекты и трансформации и, таким образом, через историю творений воссоздать историю ума, психологических функций, – писал Мейер-

сон» (Meyerson, 1951, p. 82). Это, в свою очередь, требует реализации в истории психологии источниковедческого подхода.

Выделенные особенности объективной реальности, изучаемой историей психологии, позволяют определить ее объект. Объектом истории психологии является реальный процесс психологического познания в единстве его гносеологической и онтологической характеристик – как идеального воссоздания процесса исторического формирования представлений о психической реальности, конструирования предмета психологии и как объективированного продукта человеческой деятельности, представленного системой психологического знания, дошедшей до нас в виде исторических источников как ее носителей.

2 Предмет истории психологии: подходы к пониманию

В историко-психологической литературе подчеркивается специфика предмета истории психологии, его отличие от предмета психологической науки в целом. М.Г. Ярошевский отмечает, что история психологии представляет собой особую отрасль знания, имеющую собственный предмет, не сводимый к предмету психологии как науки: «...у психологии один предмет, а у истории психологии – другой. Их непременно следует разграничивать» (Ярошевский, 1996, с. 6). Данное положение подчеркивается и другими авторами (А.Н. Ждан; В.А. Кольцова; Т.Д. Марцинковская; Ю.Н. Олейник; В.А. Якунин и др.). Так, А.Н. Ждан пишет: «В отличие от предмета и методов психологии, в истории психологии изучается не сама психическая реальность, но представления о ней, какими они были на разных этапах поступательного развития науки» (Ждан, 1999, с. 5). Действительно, если психология исследует закономерности психической деятельности и в качестве предмета своего изучения рассматривает психику во всем многообразии ее свойств, функций и проявлений, то история психологии изучает то, как происходило формирование и развитие знаний о психике, как конституировался предмет психологии. Что касается концептуального определения предмета истории психологии, то в отечественной историографии доминирует его понимание как изучения развития *научного знания о психике*. В книге М.Г. Ярошевского и А.В. Петровского подчеркивается, что история психологии «выступает как история научно-психологической мысли» (Петровский, Ярошевский, 1996, с. 47). Согласно определению М.Г. Ярошевского, история психологии «изучает в исторической перспективе исследовательскую деятельность тех, кто добывает *научное знание о психике*... Ее предмет – не психика как таковая, сама по себе, а деятельность тех, кто, используя специальные методы, изучает ее механизмы и законы...» (Ярошевский, 1995б, с. 6). Еще более четко границы предмета истории психологии очерчиваются А.Н. Ждан: «Задачей истории психологии является анализ возникновения и дальнейшего развития *научных знаний о психике* (выделено мной. – В.К.). Знания, полученные в обыденной практической деятельности, религиозные представления о психике, результаты других ненаучных способов умственной деятельности при этом не рассматриваются» (Ждан, 1999, с. 5).

Естественно, что понимание предмета истории психологии как науки, изучающей историю развития научного знания, предполагает рассмотрение эволюции самой психологической науки и, в первую очередь, анализ преобразования ее предметной области. Наиболее полно и детально вопрос об эволюции предмета психологии в истории научной мысли прослеживается А.Н. Ждан (Ждан, 1994). Причем понимание предмета психологии справедливо рассматривается ею в качестве важнейшего критерия периодизации психологии. Соответственно, начало истории научной психологической мысли как предмета историко-психологического познания датируется периодом античной психологии, характеризующейся возникновением философии, в русле которой она зарождается, и представлено восхождением от понимания психологии как науки о душе к ее трактовке как науки о сознании, и далее – к определению психологии как науки о психической деятельности.

Более широкое понимание предметной области истории психологии представлено в учебнике «История психологии» В.А. Якунина, где ее проблемное поле не ограничивается только изучением развития научных идей, а трактуется как история возникновения и формирования психологических знаний: «Процесс возникновения и формирования собственно психологических знаний и составляет основу предмета истории психологии» (Якунин, 1998, с. 9). Близкое к этому определение предмета истории психологии дается Т.Д. Марцинковской, подчеркивающей, что «история психологии изучает закономерности формирования и развития взглядов на психику на основе анализа различных подходов к пониманию ее природы, функций и генезиса» (Марцинковская, 2001, с. 5).

Выявленные разночтения в понимании предмета истории психологии приводят к необходимости более детального анализа основных понятий, лежащих в основе его конструирования: «психологическое знание» и «психологическое познание», с одной стороны, и «психологическое познание» и «научное психологическое познание», с другой.

Психологическое знание представляет результат познавательной деятельности, направленной на изучение особенностей психической реальности, уже оторвавшийся во времени от нее самой. Являясь итогом исторического познания и осмысления психической реальности, оно воплощается в сложившейся, кристаллизованной и определенным образом зафиксированной системе значений – в совокупности идей, взглядов, психологических концепций и теорий, подходов и методов изучения психических явлений.

Структура психологического знания как важнейший аспект изучения истории психологии достаточно полно описана В.А. Якуниным и включает:

- «формирование основных понятий и категорий психологии: категории образа, действия, мотивации, личности и др.;
- вопросы развития психологических принципов: принципы детерминизма, отражения, развития, нервизма, единства сознания и деятельности, ассоциативный и рефлексорный принципы и др.;
- ретроспективный анализ различных способов решения основных проблем психологии: психофизической, психофизиологической, психогностической, психопрактической, и психосоциальной;
- структурные представления о психических процессах, состояниях и свойствах» (Якунин, 1998, с. 9–10).
- Выявление закономерностей развития психологического знания составляет логико-научный аспект истории психологии.

Психологическое познание – более широкое понятие, охватывающее наряду с содержательной компонентой (исторически сформировавшейся системой знания) также процессуальный момент – собственно динамику получения и развития знания в ходе предметно-практической и познавательной деятельности человека и связанные с ней субъектно-личностные и социально-культурные аспекты. Психологическое познание включает также методолого-операциональный аспект, воплощающий способы психологического познания – преобразования объекта в предмете и предмета – в теории и исследовательской стратегии. Поэтому при определении предмета истории психологии целесообразно, с нашей точки зрения, в качестве базового использовать более широкое и емкое понятие, отражающее в единстве как содержательные, так и динамические, методолого-операциональные, субъектно-личностные и социально-культурные аспекты – *психологическое познание во всей его полноте и целостности*.

Система психологического познания включает, наряду с научной разработкой психологических проблем, также широкий спектр психологических идей, возникающих во вненаучных сферах. Отсюда вытекает еще одна важная задача, состоящая в рассмотрении соотношения понятий «психологическое познание» и «научное психологическое познание».

Психологическое познание – генетически исходное, базовое и более широкое понятие, вбирающее в себя научное психологическое познание в качестве одного из уровней своего развития. Оно зарождается на самых ранних ступенях становления человечества и является важнейшим условием его исторического развития. Как пишет М.Г. Ярошевский, «психологическое познание столь же древне, как сам человек. Он не мог бы существовать, не ориентируясь в мотивах поведения и свойствах характера своих близких» (Ярошевский, 1976, с. 3).

Возникновение психологического познания продиктовано насущной объективной потребностью самопознания человека как субъекта деятельности и общественных отношений, необходимостью позиционирования себя относительно других явлений окружающего

мира, определения своих возможностей, внутренних, психологических ресурсов, выступающих условием эффективного взаимодействия с миром. Этим обусловлена чрезвычайно длительная, уходящая к глубинным истокам существования человеческого сообщества история развития психологического познания.

Научное психологическое познание – это одна из форм психологического познания, возникающая на определенном этапе развития общества, характеризующаяся целевой направленностью процесса получения знания и опирающаяся на систему динамично преобразующихся в ходе истории научных понятий и специальных методических средств выявления и осмысления психической реальности. Таким образом, являясь одной из наиболее продуктивных и объективированных форм психологического познания, научное психологическое познание не исчерпывает его и поэтому не тождественно психологическому познанию в целом. Психологическое познание – более широкое и емкое понятие, включающее в себя различные формы познавательной деятельности человека, направленной на изучение психического мира человека.

В свете понимания истории психологии как области знания, изучающей развитие научной психологической мысли, принципиальное значение приобретает решение вопроса *об ее границах и критериях* выделения в системе психологического познания в целом. При ответе на этот вопрос в историографической литературе отсутствует однозначное решение.

Так, Б.М. Теплов, разграничивая понятия «психологическое познание» и «психологическая наука», указывает, что «психология – очень молодая наука», но одновременно она «очень древняя область знаний... Последняя продолжается тысячелетия; первая насчитывает едва ли 100 лет» (Теплов, 1960, с. 7, 10). Подчеркивается, что накопление психологических знаний и их теоретическое осмысление происходит в течение тысячелетий, ярким подтверждением чего является, в частности, учение Аристотеля о душе, выступающее «как область знаний, значительно отчетливее очерченная и систематизированная, чем многие другие, впоследствии далеко обогнавшие психологию как самостоятельные науки» (там же, с. 7). Отсюда следует важный вывод, что история науки, базирующаяся на строго научном, теоретически и методически обоснованном исследовании психологических проблем, неотделима от истории психологического знания, вырастает из него, что и определяет необходимость его систематического изучения и позитивного, целостного взгляда на прошлое психологической мысли. «Нельзя, – пишет Теплов, – полностью отделять друг от друга историю строго-научных, методически проводимых исследований психологических проблем, и историю развития психологических знаний, получаемых другими путями... Содержание психологии настоящего времени почерпнуто из обоих источников; удельный вес того и другого различен в разных отделах психологии» (там же, с. 9–10). Тем самым Б.М. Теплов обосновывает наличие *объективной преемственности* в развитии знания и важность ее осознания как условия реализации исторического подхода в психологии, что, в свою очередь, позволяет выделять и продолжать разработку перспективных линий в структуре психологического знания, а не начинать каждый раз развитие с нулевой точки зрения, «с земли». Он возражает против дизъюнктивного взгляда на исторический процесс, его механического членения – произвольного выделения в нем изолированных периодов и вех. Развитие психологической мысли, согласно взглядам ученого, – это непрерывный процесс, и любой момент в его истории опирается на предшествующие этапы и стадии. Соответственно, задачу истории психологии он видит в том, чтобы «показать историю развития положительных психологических знаний», выступает против ее рассмотрения «в виде галереи взаимоисключающих теорий, как это имеет место в большинстве книг по истории психологии». Преемственность познания – условие создания единой теории психологии, поэтому «каждое конкретное исследование должно быть включено в систему науки» (Теплов, 1985, с. 312). Так, например, важнейшее, рубежное событие в истории развития психологии, – ее выделение в самостоятельную науку – он считал неправомерным связывать «с каким-либо определенным событием и приурочивать к какой-либо определенной дате. Выделение психо-

логии как самостоятельной науки – это не момент, а процесс, и процесс очень длительный и сложный» (Теплов, 1960, с. 7). Таким образом, подчеркивая длительность и целостность психологического познания, преемственность разных его стадий, Б.М. Теплов разделяет историю психологии на два этапа – накопление «положительных психологических знаний» и развитие собственно научной психологии, связанное с концептуальным и организационным оформлением психологической науки, ее институционализацией как самостоятельной дисциплины во второй половине XIX в. Соответственно, научное психологическое знание рассматривается как знание, системно организованное в рамках самостоятельной науки и базирующееся на всей предшествующей истории развития психологического познания.

Аналогичный подход обосновывается В.В. Петуховым и В.В. Столиным, дифференцирующими научную психологию и вне- или до-научные формы психологического знания. Они пишут: «Психологическое знание включено во многие сферы человеческой практики – педагогику, медицину, художественное творчество. И все же эти области справедливо считаются вне- или до-научными». Подчеркивая роль философии в становлении психологии и отмечая, что в ходе ее развития было создано немало «оригинальных психологических концепций, описаний психической жизни – восприятия, мышления, эмоциональных состояний», они в то же время указывают, что «философское представление человека является обобщенным и особенности конкретного, индивидуального человека не становятся в философии предметом специального изучения» (Петухов, Столин, 2001, с. 36). Создание научного психологического знания связывается с формированием психологии как научной дисциплины, обладающей собственным понятийным аппаратом и методическими процедурами.

Более широкое толкование понятия «научная психология» дается С.Л. Рубинштейном, который не ограничивается ее соотношением с периодом дисциплинарного оформления психологической науки. «Психология, – пишет он, – и очень старая, и совсем еще молодая наука, она имеет за собой 1000-летнее прошлое, и, тем не менее, она вся еще в будущем. Ее существование как самостоятельной научной дисциплины исчисляется лишь десятилетиями, но ее основная проблематика занимает философскую мысль с тех пор, пока существует философия. Годам экспериментального исследования предшествовали столетия философских размышлений, с одной стороны, и тысячелетия практического познания людей – с другой» (Рубинштейн, 1940, с. 37).

Попытка обозначения границ научной психологии представлена также в работе Д. Шульца и С.Э. Шульц, в которой развитие психологии разделяется на два больших периода: «современную психологию», начинающуюся с конца XIX в., с момента выделения психологии в качестве самостоятельной независимой дисциплины, и «психологию и философию, которые ей предшествовали» (Шульц, Шульц, 1998, с. 5). В данном подходе, однако, вызывает сомнение, во-первых, правомерность чрезмерно расширительного толкования понятия «современная психология», во-вторых, неопределенность критериев выделения научного психологического познания в системе психологического познания в целом.

В работах М.Г. Ярошевского уточняются понятия «научная психологическая мысль» и «психология как самостоятельная наука». Подчеркивается, что психология как самостоятельная наука оформляется достаточно поздно, в то время как психологическая мысль, стимулируемая общественной практикой, развивалась с давних пор: попытками описания психических явлений и их объяснения пронизана вся история научно-философской мысли. «Все преобразования – от древнего выведения различий в темпераментах людей из смеси соков в организме до использования в современной психологии средств электроники, биохимии и кибернетики – представляют различные фазы восходящего движения психологического познания. История психологии, таким образом, начинается значительно раньше периода, когда она сложилась как самостоятельная наука» (Ярошевский, 1996, с. 4).

В качестве критерия научного психологического знания М.Г. Ярошевский выделяет прежде всего его детерминационный характер – направленность на выявление и исследование объективной, материальной причинности (внутренней и внешней) психических явлений: «Научное знание – это знание причин явлений, факторов (детерминант), которые их порождают, что относится ко всем наукам, в том числе и к психологии» (там же, с. 13). Становление научных психологических идей, создание психологической теории он связывает «с укреплением принципа всеобщей зависимости наблюдаемых явлений от естественных причин. Этот принцип, названный детерминизмом, придал объяснению психики научный характер...» (Ярошевский, 1976, с. 3). Таким образом, согласно заданному критерию, рубежом возникновения первых научных психологических идей признается период античности, знаменующийся возникновением научных детерминистических объяснений психологической феноменологии. Указанный подход утвердился и стал наиболее распространенным в отечественной историографии истории психологии (А.Н. Ждан; Т.Д. Марцинковская). Не случайно учебники истории психологии, освещая историю развития психологической научной мысли, начинают ее рассмотрение с периода античности.

Проведенный анализ дефиниций, структурирующих пространство предметной области истории психологии, позволяет в качестве основного выделить понятие «психологическое познание», охватывающее все ее аспекты: содержательный (логико-научный), процессуальный (возникновение и развитие знания), субъектно-личностный и социально-культурный. Именно это понятие, как представляется, составляет сущностное основание определения предмета истории психологии, который, соответственно, можно охарактеризовать как изучение закономерностей становления и развития психологического познания на разных этапах эволюции общества.

Рассмотренные выше подходы вскрывают значительные разночтения в понимании предмета истории психологии. Он рассматривается одними авторами как история развития психологического знания, другими – как развитие научной психологической мысли. В одном случае история научной психологической мысли ограничивается этапом ее развития в рамках психологии как самостоятельной науки, в другом она включает также философский этап развития, начало которого датируется периодом античности. Недостаточно четко обозначены исходные основания рассматриваемой исторической хронологии. Поэтому более глубокое и точное определение предмета истории психологии предполагает *уточнение критериев научности психологической мысли, ее генезиса, сфер ее формирования и развития*. А это, в свою очередь, ставит перед необходимостью более детального рассмотрения *соотношения научной и вненаучных сфер накопления и существования психологического знания*.

3 Критерии научности знаний

Особенности научного и вненаучного психологического познания и определение предмета истории психологии

В науковедческой и философской литературе наряду с наукой выделяются различные сферы вненаучного знания, в которое разные авторы включают искусство, мораль, область практической жизнедеятельности человека (экономику, политику, инженерное дело) (М.М. Бахтин; Г.Г. Гадамер; В.А. Канке; А.А. Потебня и др.), мифологию (А.Ф. Лосев; Б. Малиновский; Дж. Фрэзер и др.), религию (Н.А. Бердяев; С. Булгаков; В.В. Зеньковский; С.Л. Франк; В.Ф. Эрн и др.). В книге «Философия и методология науки» подчеркивается, что знания возникают в различных сферах деятельности человека, хотя их получение вне пределов науки не является главной целью: искусство направлено в первую очередь на создание эстетических ценностей, в нем отсутствуют четкие критерии истинных и ложных идей; практическая деятельность человека, опираясь на знание о действительности, ориентирована прежде всего на получение полезного результата, направленного на освоение и преобразование действительности (Философия и методология науки, 1996). В.А. Канке разделяет понятия «наука» и «не-наука», относя к последней обыденное знание, определяемое «как знание, используемое людьми в обиходе» (Канке, 2000, с. 158). Он анализирует спектр дефиниций, вводимых для обозначения сферы обыденного знания, и обосновывает правомерность использования в этих целях термина «не-наука» в частности, в качестве неадекватного оценивается словоупотребление «ненаука» в силу его чрезмерно резко негативной смысловой нагрузки, означающей фактически противопоставление науки и вненаучных сфер познания. Указывается, что «уроки XX в. таковы, что они подчеркивают дополнительность науки и ее окружения, связь, соотносительность одного с другим. Не-наука – это ненаука, которая сохраняет соотносительность (эту позицию выражает дефис) с наукой» (там же, с. 157). Недостаточно точным для определения областей знания, выходящих за пределы науки, Канке считает также термин «вненаука» в силу его громоздкости и неправомерной отсылки «к феномену пространственности (вне)» (там же). Аргументы, касающиеся критической оценки термина «вненаука», представляются недостаточно обоснованными, что позволяет рассматривать понятия «не-наука» и «вненаука» как очень близкие по своему семантическому значению. Таким образом, первый важный для нас вывод касается *признания различных сфер человеческого познания, связанных с наукой, соотносимых с ней, являющихся питательной почвой ее становления и развития.*

Более точное описание различных сфер познания достигается при рассмотрении границ и критериев научности знания. В решении этого вопроса в наукознании имеет место широкая палитра мнений – от резкого противопоставления науки и не-научных сфер знания в сциентистски ориентированных подходах до утверждения отсутствия их принципиального различия.

Наиболее продуктивным представляется рассмотрение указанной дилеммы на основе дифференциации понятий «наука» и «научность», «истинность» знания, логическим следствием чего является вывод об *отсутствии монопольного права науки на научность идей*, о возможности ее существования также во вненаучных сферах познавательной деятельности (В.А. Канке; П. Фейерабенд; М. Хайдеггер и др.). В.А. Канке справедливо утверждает, что, с одной стороны, «в самой науке недостижима стерильная чистота, внутри науки то и дело, особенно при новациях, обнаруживаются элементы ненаучности... Науку принято считать оплотом рациональности, который противостоит нерациональности (иррациональности). В действительности же наука является оплотом, как научной рациональности, так и научной иррациональности...» (Канке, 2000, с. 157, 158). Данный вывод подтверждается ссылкой на

представленность в структуре научной мысли направлений и подходов, не отвечающих критериям научности. К ним относятся «квазинаука», или «мнимая, не настоящая наука» (образец которой – лысенковская сельскохозяйственная наука), «анормальная наука», или «наука вне норм, принятых современным научным сообществом» (например, астрология), «антинаука», под которой понимается «обскурантизм, крайне враждебное отношение к науке» и ее ценностям, а также близкое по своему смысловому значению понятие «лженаука», фиксирующее резко негативное отношение к тем областям науки, которые по тем или иным соображениям отвергаются (там же, с. 158). В то же время подчеркивается, что накопление научных идей может происходить и за пределами науки, в сфере развития обыденного знания, которое «может быть как научным, так и не-научным, все зависит от уровня научной компетентности индивидов» (там же).

Бликие к этому представления развиваются и другими авторами. Так, в книге «Философия и методология» подчеркивается нетождественность понятий «истинное» и «научное», подтверждение чего усматривается в том, что, во-первых, «вполне может быть получено истинное знание, которое, вместе с тем, не является научным»; во-вторых, понятие научности применяется «в таких ситуациях, которые отнюдь не гарантируют получения истинных знаний» (Философия и методология науки, 1996, с. 9). В качестве критериального признака научности знания К. Поппер называет отсутствие абсолютной истинности и принципиальную возможность его фальсификации. Таким образом, второй важный вывод состоит в необходимости разведения понятий «наука» и «научность» и утверждения неправомочности сведения научного знания исключительно к сфере науки.

Насколько объективны критерии научности? Не есть ли это субъективно-оценочная категория, зависящая от сложившихся на определенном этапе развития знания научных установок и господствующей в обществе идеологии? Очевидно, что представления о научности и ненаучности исторически изменяются, трактуясь по-разному в те или иные периоды истории, в различных философских подходах и областях науки. Особенно остро этот вопрос встает относительно гуманитарного знания, не доступного для строгой опытной проверки. XX век в отечественной науке ярко обнажил эту проблему, обнаружив зависимость научных выводов и ориентаций от идеологических установок. Известно, например, сколь часто переписывалась история нашей страны и отечественной научной мысли, получая в различные периоды кардинально противоположные оценки. В связи с этим встает следующая важная проблема, состоящая в более детальном рассмотрении критериев научности знания.

История философии при определении критериев научного знания выдвинула проблему истины, хотя ее понимание на различных этапах развития философского знания и в разных концепциях существенно различалось. Согласно Платону, наука («эпистема») и «чистое знание» («ноэзис») – высшие уровни познания, включающие истинное и безусловное знание о вечных и неизменных идеях и противопоставляемые мнению – недостоверному, ошибочному знанию («полузнанию») об изменчивых процессах материального и чувственного мира. Отвлечение от чувственного² привело в учении Платона к смещению познания в область интеллектуального. «Иные из них губят себе глаза, если смотрят прямо на Солнце, а не на его образ в воде или еще в чем-нибудь подобном, – вот и я думал со страхом, как бы мне совершенно не ослепнуть душой, рассматривая вещи глазами и пытаясь коснуться их при помощи

² Вслед за Сократом Платон призывает отказаться от всего чувственного, телесного, видя в этом важнейшее условие познания истины. Он утверждает, что тело нас «путает, сбивает с толку, приводит в замешательство, в смятение, так что из-за него мы оказываемся не в силах разглядеть истину». «И напротив, – пишет он, – у нас есть неоспоримые доказательства, что достигнуть чистого знания, чего бы то ни было, мы не можем иначе, как отрешившись от тела и созерцая вещи сами по себе самою по себе душой... Очистившись таким образом и избавившись от безрассудства тела, мы, по всей вероятности, объединимся с другими такими же, как мы, чистыми сущностями и собственными силами познаем все чистое, а это, скорее всего, и есть истина» (Платон, 1999, с. 18).

того или иного из чувств. Я решил, что надо прибегнуть к отвлеченным понятиям и в них рассматривать истину бытия... именно этим путем двинулся я вперед, каждый раз полагая в основу понятие, которое считал самым надежным; и то, что, как мне кажется, согласуется с этим понятием, я принимаю за истинное – идет ли речь о причине или о чем бы то ни было ином, – а что не согласно с ним, то считаю неистинным» (Платон, 1999, с. 58–59). Сходное понимание истины дается Августином Аврелием.

В отличие от Платона Аристотель возвращает истину в реальный мир, связывая ее с бытием. Он считает, что задача познания состоит в установлении соответствия или несоответствия знания реальности, и именно таким путем человек восходит к истине. Он вскрывает особенности доказательного мышления, отличающего научное познание и состоящего в логической последовательности мысли, установлении связи между суждениями и определении степени их необходимости, выявлении причинно-следственных зависимостей. Завершенным выражением научной мысли в логике Аристотеля выступает силлогизм, направленный на обоснование истинности входящих в него пропозиций и достоверность вывода. В связи с этим наука определяется им как доказательный вывод из предпосылок, или силлогизм. Наука, согласно Аристотелю, выявляет общее, то, что существует «по необходимости». Она относится к сфере рациональной мысли (есть «разумное нечто»). Наряду с доказательностью и логичностью, в качестве важной нормы науки Аристотель вводит также принцип непротиворечивости суждений. Таким образом, Аристотель выделяет те основные критерии научности, которые и поныне с определенными дополнениями и уточнениями рассматриваются в качестве ее важнейших атрибутивных признаков: рациональность, доказательность, логическую обоснованность и непротиворечивость.

Рационалистический подход в решении этого вопроса представлен в работах Декарта. Признавая роль чувств и опыта в познании, Декарт однозначно отдавал приоритет разуму. Он утверждал, что чувства часто обманчивы, являются источником ошибок и заблуждений. Истина открыта только разуму; лишь интеллект способен ее осознать, хотя при этом он опирается на помощь воображения, чувств и памяти. Декарт воспевае силу человеческого разума, говорит об его безграничных возможностях в познании истины, считает, что поиск истины – главная цель науки и ценность, и ничто не может быть с этим сравнимо по своей красоте. Опираясь на идеи скептицизма, развиваемые Э. Роттердамским и М. Монтенем, Декарт обосновывает философию сомнения как основу методологии научного исследования и поиска истины. Одновременно, стремясь предохранить истину и науку от дискредитации, он ставит задачу выявления исходных бесспорных истин как основания создаваемой им научной системы. Для этого он считает необходимым довести до логического завершения скептическую точку зрения, превратить сомнение в подлинный инструмент познания, критически оценить и отбросить все, что представляется недостоверным. Согласно Декарту, истины не порождаются данными органов чувств, не выводимы из опыта; они априорны. Врожденные идеи осознаются субъектом с помощью интуиции или состояния умственной самоочевидности, свидетельствующего о бесспорности и достоверности знания, присутствующего в уме и еще не доказанного. Истинно, по мнению Декарта, то, что воспринимается субъектом в наиболее ясном и отчетливом виде как нечто самоочевидное и не вызывающее у него сомнения³. Наличие сомнения –

³ В противовес схоластической силлогистике Декарт обосновывает методические принципы исследования и поиска истины, выдвигая четыре правила: «*Первое* – никогда не принимать за истинное ничего, что я познал бы таковым с очевидностью... включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению. *Второе* – делить каждое из исследуемых мною затруднений на столько частей, сколько возможно и нужно для лучшего их преодоления. *Третье* – придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых и восходя постепенно к познанию наиболее сложного... *И последнее* – составлять всегда перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений» (Декарт, 1950, с. 272). Выделенные Декартом правила просты, ясны; они защищают от ошибок и поспешных обобщений.

наоборот, признак ложного знания. Таким образом, мы сшим критерием истинности научного знания у Декарта выступает не бытие, а разум, «сомневающееся мышление».

И. Кант, признавая роль опыта как важнейшего метода научного познания, в то же время разрывал связь между чувственностью и научными идеями. Он утверждал, что чувственный опыт не дает знаний о предметах, которые возникают благодаря доопытным, априорным формам. «Строгая всеобщность» как предельный уровень и цель научного познания, согласно Канту, – признак априорного знания. Разум как высшая познавательная способность души, источник истинного знания, направлен не на опыт и предмет, а на рассудок. Вырабатывая общие принципы мысли, разум управляет рассудком. В разуме содержатся главные априорные идеи, и опыт не может ни подтвердить, ни опровергнуть их. Истина, таким образом, понимается Кантом как согласие мышления с априорными формами. «Все теоретические науки, основанные на разуме, содержат априорные суждения как принципы» (Кант, 1998, с. 7).

Г. Гегель, раскрывая диалектический подход к процессу познания, определял истину как соответствие понятия предмету мысли.

Субъективный идеализм трактует истину как соответствие мышления ощущениям познающего индивида (Д. Юм) или как согласованность ощущений (Э. Мах; Р. Авенариус).

К Ф. Бэкону восходит новое понимание науки и критериев научности. Он ставит задачу реформирования науки, ее постановки на службу человеку, «достижения всеобщего богатства и прогресса». Соответственно, оцениваться наука должна по ее результатам, определяемым Бэконом как «поручитель и свидетель истинности философии». С этой точки зрения, как бесполезные им определяются многие философские системы античности, включая учения Платона и Аристотеля. Идеалом научной мысли Бэкон считает естествознание, называя его «великой матерью всех наук». Путь реформирования науки, по Ф. Бэкону, – в преодолении «идолов» и ложных понятий, поработавших человеческий дух и препятствующих поиску истины. Конечно, вряд ли можно согласиться со столь категоричным утверждением в оценке «предубеждений» (установок, гипотез, антиципаций), являющихся необходимой составной частью мышления человека и развития научной мысли в целом. Главное средство преодоления ошибок познания Бэкон видит не в их осознании, а в разработке нового метода, позволяющего человеческому уму достичь значимых результатов в познании. В качестве такого метода он обосновывает эмпирико-индуктивный метод получения истинных обобщений из опыта. Согласно Бэкону, объект научного познания – природа; цель науки – господство над ней; задача науки – получение истинного знания; научный метод – опытное изучение явлений мира. Являясь одним из основоположников эмпирического экспериментального направления в науке, утверждая приоритет опыта в познании, Бэкон в то же время отвергал как голый эмпиризм, так и рационализм и выступал за союз разума и опыта. «Те, кто занимался наукой, были или эмпириками, или догматиками. Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно пауку, производят ткань из самих себя. Пчела же избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему усмотрению. Не отличается от этого и подлинное дело философии. Ибо она не основывается только или преимущественно на силах ума и не откладывает в сознании нетронутым материал, извлекаемый из естественной истории и из механических опытов, но изменяет его и перерабатывает в разуме. Итак, следует возложить добрую надежду на более тесный и нерушимый (чего до сих пор не было) союз этих способностей – опыта и рассудка» (Бэкон, 1978, с. 56–57)

Сциентистские идеалы научности утверждал Т. Гоббс, считавший образцом логического научного мышления геометрию, идеалом естествознания – механику. Начало познания он видел в чувственном опыте, в ощущении, источник которого – материальный мир. Но индукция и дедукция, чувственное и рациональное познание в методологии Гоббса не обособлены и не противостоят друг другу, а являются взаимосвязанными этапами познавательного процесса.

Апеллируя к субъективному чувственному опыту как источнику установления истины, представители материалистических течений философии в то же время выводили за пределы рассмотрения вопрос о соответствии знаний объективной действительности.

Логические (рациональные) и эмпирические способы получения и анализа знаний были по-новому осмыслены как ступени единого процесса познания в русле диалектического материализма. Процесс познания здесь определяется как объектно-субъектное взаимодействие, опосредованное предметно-практической деятельностью. Именно активная деятельность субъекта, направленная на освоение и преобразование действительности, практика, выступает в качестве фундаментального основания формирования знания и критерия его истинности. Понятие «истина» трактуется как выражение степени соответствия знаний отражаемой им объективной реальности. Объективная истина определяется как содержание знаний, не зависящее от человека и человеческого общества. Диалектика понятия объективной истины как постоянно развивающегося и преобразующегося содержания знаний проявляется во взаимосвязи относительной (зависящей от конкретно-исторических условий и определяемой ими степени точности и полноты отражения мира) и абсолютной (представляющей всестороннее и полное знание об исследуемом явлении) истины. Обосновывается путь познания истины: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины...» (Ленин, 1965, с. 152–153). Таким образом, критерием истинности (научности) знания, с точки зрения диалектического материализма, выступает его соответствие объективной действительности.

В неопозитивизме проблема научной истины решается на основе принципа верификации, включающего ее эмпирическую проверку и формальный анализ научных предложений.

В неопозитивистской методологии большая роль в построении научной теории отводится экспериментальным фактам как ее фундаментальному основанию. Способом преобразования эмпирической конкретики фактуальных данных в обобщенные структуры знания выступает индуктивный метод, критериями истины – ее доказательность, опытная верифицируемость⁴, подтверждаемость фактами (О. Нейрат; Р. Карнап; Г. Рейенбах). В качестве основного научного языка признан «физикалистский» или «вещный» язык, характеризующийся «интерсенсуальностью» (возможностью проверки его предложений данными различных чувств), «интерсубъективностью» (возможностями подтверждения его предложений разными субъектами), «универсальностью» (возможностью перевода на него предложений любых наук или обыденного языка) (О. Нейрат; Р. Карнап) (Западная философия XX века, 1994, с. 395–396). Познавательная роль философии отвергается, и основной сферой получения знаний о мире признаются конкретные эмпирические науки. Поиск истины рассматривается как исключительная прерогатива науки. Философии же отводится вспомогательная роль, состоящая в логическом анализе языка, «установлении» и прояснении его значений. Утверждается, что теория целиком исчерпывается высказыванием о фактах, и тем самым она фактически редуцируется к уровню эмпирического знания. Вместе с отрицанием познавательной роли философии отвергаются и роль методологии в научном познании. Попытка жестко связать проблему научной истины с принципом эмпирической проверки и вытекающий отсюда нигилистический взгляд на философию и научную теорию привели к критике и переосмыслению самого принципа верификации.

В работах Б. Рассела, Г. Фреге, Л. Витгенштейна основным критерием научности выступает логическая обоснованность суждений и выводов. Степень логичности непосредственно определяет степень научности понимания исследуемого явления. Рассел называет свою философию «логическим атомизмом». Фактически философский анализ у него замещается логи-

⁴ Речь идет не об актуальной проверке предложения посредством чувственного восприятия, а о возможности провести эту проверку, т. е. о принципиальной верифицируемости (Западная философия XX века, 1994, с. 389).

ческим анализом. Он ставит задачу логического обоснования истинности сложного высказывания посредством апелляции к истинности простых элементарных или, как он пишет, «атомарных предложений». И хотя Рассел ставит вопрос о соответствии логических структур мира и языка, но фактически точкой отсчета в решении этого вопроса у него выступает логическая языковая структура, структура же мира рассматривается в качестве зависимой переменной. «Атомарным фактом» в концепции Рассела является не реальное событие действительности, а то, что определяет истинность предложений, следствием чего является онтологизация логической структуры знаний.

Л. Витгенштейн переходит от анализа логических структур знания к анализу языка. Границами и структурой языка фактически определяются границы и строение мира. Соответственно элементному строению языка и мир представляется как дискретный, имеющий атомарную структуру, образованную совокупностью фактов. «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (Витгенштейн, 1958, с. 11). Факт у автора трактуется крайнее неопределенно, как «все то, что имеет место», и вместе с тем фактуальность мира, изображенная в языковых структурах, кладется в основу определения истинности или ложности научных предложений.

В поздних работах Витгенштейна язык теснее связывается с фактами действительности. Соответственно, все предложения разделяются с точки зрения их истинности на три класса: «истинные», или соответствующие действительности, «всегда истинные», или тавтологии (к которым относятся математические и логические высказывания), и «никогда не истинные». Второй и третий классы высказываний, будучи не связанными с действительностью, не несут в себе никакого смысла, т.е. являются «бессмысленными». Таким образом, связь с фактами действительности становится, по сути, критерием истинности и достоверности научного высказывания, наполняет его позитивным смыслом (Витгенштейн, 1991). Существенным противоречием данной системы является то, что связь человека с миром рассматривается в ней односторонне – как опосредствованная исключительно структурами языка, а значит, зависящая от уровня его развития; при этом игнорируется роль предметно-практической деятельности человека как условия познания.

В работах популярного современного философа, представителя постпозитивизма К. Поппера в качестве критерия демаркации науки и псевдонауки выступает методологический принцип фальсифицируемости, получающий глобальную трактовку.

Поппер отвергает возможность построения универсальных научных положений на основе индуктивных выводов. «С логической точки зрения далеко не очевидна оправданность наших действий по выведению универсальных высказываний их сингулярных, независимо от числа последних, поскольку любое заключение, выведенное таким образом, всегда может оказаться ложным» (Поппер, 1983, с. 46–47). Он считает, что в науке принцип индукции излишен, более того, апелляция к нему неизбежно приводит к логическим противоречиям. С его точки зрения, оставаясь в русле индуктивной методологии, невозможно установить «*подходящего отличительного признака* эмпирического, неметафизического характера теоретических систем, или, иначе говоря, *подходящего “критерия демаркации”*». Это приводит автора к следующему выводу: проблема нахождения критерия, позволяющего выявить различия между эмпирическими науками и математикой, логикой, «метафизическими» системами, – это проблема демаркации (там же, с. 54–55). Индуктивной логике Поппер противопоставляет теорию *дедуктивного метода проверки*, согласно которому «гипотезу можно *проверить* только эмпирически и только *после* того, как она была выдвинута» (там же, с. 50). Соответственно, им отвергается и используемый индуктивной логикой принцип обоснования значимости и научности теории на основе ее верификации опытом. Поппер считает, что *не верифицируемость*, а *фальсифицируемость* системы выступает в качестве критерия демаркации, показателя научности теории: «Это означает, что мы не должны требовать возможности выделить некоторую научную систему раз и навсегда в положительном смысле, но обязаны потребо-

вать, чтобы она имела такую логическую форму, которая позволяла бы посредством эмпирических проверок выделить ее в отрицательном смысле: *эмпирическая система должна допускать опровержение путем опыта*» (там же, с. 63). Таким образом, Поппер отрицает идею конвенционального установления достоверности теоретических систем, как якобы базирующихся на непреложных основаниях, и считает ее принципиально недостижимой. Он категорически возражает против любых «конвенциональных уловок», направленных на спасение научных систем, ибо это противоречит его базовому тезису о принципиальной опровергаемости любого научного знания. Наоборот, согласно Попперу, научная система, не выдержавшая испытание опытной intersubъективной проверкой, обнаружившая свою несостоятельность и противоречивость, «должна быть опровергнута как “ложная”» (там же, с. 122). Следовательно, на статус научных знаний, с точки зрения автора, могут претендовать лишь те, которые являются потенциально фальсифицируемыми, имеют шанс быть опровергнутыми, доказать свою ложность.

Анализ обоснованного Поппером принципа фальсифицируемости как условия демаркации науки и «метафизических спекуляций» показывает, что, по сути, автор приходит к логическому скептицизму, проявляющемуся в абсолютизации относительной истинности знания, и отрицанию, и фактически к утрате проблемы истины вообще как цели научного познания. Критически оценивая релятивистские тенденции концепции Поппера, В.Н. Садовский пишет: «Хотя истина, по Попперу, объективно существует, она в силу только предположительного и поэтому в конечном итоге ложного характера любого знания – в принципе недостижима» (Садовский, 1983, с. 21).

В работах Т. Куна, М. Полани, С. Тулмина, П. Фейерабенда происходит размыкание внутреннего пространства науки, утверждается обусловленность развития научного знания личностными и социальными факторами.

Так, М. Полани обращается к исследованию «личностного знания», указывая, что в содержательном плане оно отражает своеобразный сплав субъективного и объективного. Введение личностной составляющей в познавательный процесс рассматривается им не как некая внешняя добавка, свидетельство его несовершенства, а как «насуточно необходимый элемент знания». По мнению Полани, в каждом акте познания присутствует «страстный вклад познающей личности... элемент оценки; и этот личностный коэффициент, который сообщает форму всему фактическому знанию, одновременно служит также для соединения субъективного и объективного» (Полани, 1985, с. 19, 39).

Личностное знание оценивается им как особый вид включения субъекта в познавательную деятельность, воплощающий осознание и принятие человеком своей ответственности, стремление «преодолеть собственную субъективность путем самоотверженного подчинения своих личных свершений универсальным стандартам», полную «интеллектуальную самоотдачу» познающего индивида (там же). Поэтому Полани оптимистично оценивает возможности преодоления тех рисков, которые привносятся активно выраженной и заинтересованной личностной позицией в проблему истинности знания: «...Личностное знание в науке является результатом не выдумки, но открытия и как таковое призвано установить контакт с действительностью, несмотря на любые элементы, которые служат его опорой. Оно заставляет нас отдаться видению реальности с той страстностью, о которой мы можем и не подозревать. Ответственность, которую мы при этом на себя принимаем, нельзя переложить ни на какие критерии верифицируемости или фальсифицируемости, или чего угодно еще, потому что мы в этом знании – как в одеянии из собственной кожи» (там же, с. 101). В качестве примера подлинного «чувства объективности» Полани приводит факт точного описания обнаруженных исследователем явлений, выходящих за границы его понимания, т.е. действий, осуществляемых без расчета на собственный научный триумф, движимых предвидением «множества следствий своего открытия, которые станут ясными в иные времена, иным поколениям». Характеризуя личностное знание, Полани относит его к не явному, не эксплицированному,

называет его периферическим, скрытым, имплицитным, «молчаливым», не выразимым в словах и подчеркивает его двоякое значение – порождаемую им высокую научную продуктивность и стимулирование собственного профессионального и личностного роста. «Ставя своей целью достижение успеха, мы вызываем в себе новые и новые способности»; «“интеллектуальная страстность” содержит в себе момент активного утверждения» (там же). Таким образом, в работе Полани подчеркивается важность личностной компоненты научного знания, активной роли субъекта как детерминанты познавательной деятельности.

В свете теории развития научных парадигм Т. Куна критерии научности идей выводятся в сферу научной коммуникации и рассматриваются через призму установления согласия ученых относительно значимости той или иной теории. Именно достижение единства во взглядах значительной части научного сообщества, объединяемой вокруг той или иной научной теории, придает ей статус «научной парадигмы»⁵ и обеспечивает наиболее благоприятную ситуацию для развития научной мысли (Кун, 1977).

Обоснование рационализма и практицизма как основных критериев науки осуществляет К.О. Апель, фактически заменяющий понятие «истинность» понятием «практичность»: истинна (научна) та теория, которая полезна, обеспечивает решение практически значимых проблем.

С точки зрения Э. Гуссерля и его последователей, наука является высшим продуктом научного творчества, и ее главной характеристикой, а следовательно, и критериальным признаком, выступают смысловые конструкторы сознания – осознание смыслов на основе феноменологического метода. Само использование феноменологического метода обосновывается как обязательное условие обретения познавательной деятельностью статуса научной.

М. Хайдеггер, рассматривая особенности науки Нового времени, в качестве ее основополагающего признака называет «предметное противостояние», или противостояние действительности, выступающей в виде соотношения предмета и субъекта. Превращение действительности в предмет ее изучения человеком открывает путь к ее познанию (формированию картины мира) и освоению. «Превращение мира в картину есть тот же самый процесс, что превращение человека внутри себя сущего в *subiectum*» (Хайдеггер, 1993, с. 51). Хайдеггер критически оценивает науку, выделяет ее недостатки, главные из которых – стремление к унификации, игнорирование уникальных и редких и единичных явлений, отсутствие должной рефлексии.

Г.Г. Гадамер ставит задачу «примирить науку с философией», говорит об их связи, о необходимости освоения наукой герменевтической методологии. Герменевтичность наук он видит в их нацеленности на понимание, поэтому все науки относятся им к числу «понимающих» – и гуманитарные и естественные, ибо понимание – предельно широкая категория, включающая в себя объяснение как один из своих компонентов, т.е. наука – особый вид герменевтической практики, свойствами которой выступают процессы интерпретации и понимания.

Критика и переосмысление традиционного понимания рациональности представлены в постмодернизме. Постмодернистская методология науки подчеркивает необходимость междисциплинарного дискурса, отказа от сциентистских традиций, утверждения принципов научной толерантности и множественности интерпретаций, критической рефлексии науки на основе ее семиотического переосмысления (Р. Барт; Ж. Деррида; М.П. Фуко). Так, согласно М.П. Фуко, наука как особый уровень знания отличается строгостью построения пропозиций, наличием дискурсивности. Возрожденная постмодернизмом на новом витке научной мысли

⁵ Определяя парадигму, Т. Кун пишет: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (Кун, 1977, с. 11).

философия сомнения требует от ученого отказа от любого вида «центризмов» и одностороннего логизма, критического чтения научных текстов (Ж. Деррида).

Позитивным моментом современного постнеклассического этапа развития научного знания является попытка преодоления противоположности гуманитарного и естественно-научного знания, наук о природе и наук о духе, интеграция их усилий в разработке проблем науки (Б.Г. Ананьев; С.Л. Рубинштейн; В.С. Степин; Г.Г. Гадамер и др.), усиление роли личностно-субъектной составляющей научного знания и внутрисубъективного опыта ученого (С.Л. Рубинштейн; К.А. Абульханова-Славская; А.В. Брушлинский; М. Полани и др.).

В настоящее время утверждается понимание науки как особой сферы деятельности общества, духовного производства. Соответственно, в качестве отличительных особенностей науки выделяются ее социальность и историчность, специфика ее логического развития (представление знаний в «особых теоретико-экспериментальных формах», наличие «предметного языка», системы научной коммуникации) (Петровский, Ярошевский, 1996, с. 11).

В книге «Философия и методология науки» в качестве критериев научности знаний выделяются следующие показатели: (1) систематизированность и полнота охвата исследуемых явлений; (2) обоснованность и доказательность («многократные проверки наблюдениями и экспериментами», «обращение к первоисточникам, статистическим данным, которые осуществляются учеными независимо друг от друга»); (3) непротиворечивость теоретических концепций, их «соответствие эмпирическим данным» и возможность описания на их основе известных явлений и предсказания новых; (4) интерсубъективность научного знания (обусловленность логикой развития научной мысли, «открытость для компетентной критики», очищенность от всего субъективного, связанного «со спецификой самого ученого и его мировоззрения»⁶); (5) ориентированность на новации в сочетании с «жестким консерватизмом», предохраняющим научную мысль от «скороспелых, необоснованных новаций» (Философия и методология науки, 1996, с. 11–13).

Наряду с характеристиками научности знаний выделяются следующие особенности науки: ее целевая направленность (получение знаний о реальности); использование различных методов, а также средств наблюдения и экспериментирования; наличие специфического языка («определенность используемых понятий и терминов, стремление к четкости и однозначности утверждений, к строгой логичности в изложении всего материала», применение математики) (там же, с. 20).

Наиболее адекватным и взвешенным представляется определение науки как высокоспециализированной деятельности человека «по выработке, систематизации, проверке знаний с целью их высокоэффективного использования». Особого внимания заслуживают выделенные в этом контексте критерии научности знания: «*Наука* – это знание, достигшее оптимальности по критериям обоснованности, достоверности, непротиворечивости, точности и плодотворности. Знание, не достигшее по указанным критериям (их список может быть расширен) необходимой зрелости, мы называем не-наукой» (Канке, 2000, с. 156). Расширяя перечень критериев научности знания, Канке включает в их число еще ряд показателей: «эмпирическая подтверждаемость и принципиально возможная фальсифицируемость, концептуальная связность, предсказательная сила и практическая эффективность» (там же, с. 159). Преимущество выделенных автором показателей научного статуса знаний состоит, во-первых, в их применимости не только к области естествознания, традиционно понимаемой как идеал научности, но и к другим сферам научной мысли. Канке пишет, что «указанные критерии (нормы, идеалы) характерны для всех наук, всех составляющих дисциплинарной матрицы современного научного знания – от философских, логических, математических, кибернетических до естественно-научных, технических и гуманитарных наук» (там же). Во-вторых, использование

⁶ Указанный тезис противоречит вышерассмотренной идее «личностного знания».

данных критериев для оценки знания, накапливаемого во внеучных сферах познавательной деятельности, открывает возможности выявления и исследования генезиса и предпосылок становления научной мысли.

Для современной научной мысли в целом характерен постепенный отход от сциентистских моделей, от радикального противопоставления науки и внеучного знания к рассмотрению последнего как важного источника накопления рациональных, достоверных идей⁷. Так, Г.Г. Гадамер, критикуя сциентистский взгляд на науку, выступает против ее идеализации и отдает предпочтение философии и обыденному сознанию. Прогресс науки он видит в усилении ее связей с другими сферами жизненной практики. Согласно М. Хайдеггеру, основным условием возникновения и существования науки является иницируемый субъектом процесс «о-предмечивания мира», отсюда делается вывод об органической связи науки и всех жизненных явлений мира. Расширение границ научной историографии и введение в ее сферу исследования исторического сознания прослеживается и в современной исторической науке (Бажов, 1991; Барг, 1987; Володина, 1998; Могильницкий, 1995; Сеницына, 1998 и др.).

Таким образом, рассмотрение различных подходов в понимании науки и критериев научности, несмотря на разнообразие в их трактовках, позволяет выделить некоторую инварианту, состоящую, во-первых, в определении науки как высокоэффективной сферы рационального познания, характеризующейся доказательностью, логической обоснованностью и систематизированностью научных построений, во-вторых, в признании взаимосвязи науки и не-научных областей знания, в-третьих, в утверждении возможности накопления «положительных», рациональных знаний в широком пространстве бытия обыденной мысли.

В соответствии с указанными положениями достаточно обоснованным представляется рассмотрение не-научного, обыденного психологического познания, включающего обобщение и логическое осмысление жизненной практики человека, ее систематизированное и доказательное изложение в качестве важной сферы накопления рациональных психологических идей и, соответственно, одной из составляющих общей системы развития знаний о психической реальности. В связи с этим дальнейшее уточнение предмета истории психологии предполагает обращение к феномену *обыденного психологического познания*, его места и роли в изучении психической реальности.

Следует отметить, что обыденные представления являются генетически исходной, изначальной и базовой формой познания, складывающейся уже на самых ранних этапах человеческой эволюции. Основой их возникновения выступает жизненная практика человека, его взаимодействие с природным и социальным миром, результатом чего является познание не только особенностей окружающей среды, но и мира психических явлений. Методологической основой объяснения происхождения обыденных психологических знаний выступает положение С.Л. Рубинштейна о том, что, воздействуя на мир, изменяя его, человек одновременно изменяет и свою собственную психологическую природу, расширяет сферу своих познавательных возможностей. В свете указанного положения очевидно, что именно активное взаимодействие человека с миром, реализуемое в виде различных форм предметно-практической и познавательной деятельности, общения с членами своего сообщества, становится почвой для возникновения и развития стихийно-эмпирического познания явлений психической реальности в процессе человеческой жизнедеятельности.

Возникнув на ранних этапах исторической эволюции общества, обыденные понятия и представления продолжают свое существование в течение всей последующей истории человечества, составляя условие формирования сознания и самосознания человека, установления и поддержания процессов взаимодействий людей в социуме, возникновения их взаимного пони-

⁷ Еще И. Кант возвел «здравый смысл» в ранг важнейшего источника рациональной мысли, условия формирования социально активной, зрелой, самостоятельно мыслящей личности, способной эффективно решать свои жизненные проблемы.

мания. В.В. Петухов и В.В. Столин справедливо отмечают, что сознательное представление человеком окружающего мира и своего места в нем, свойств психики и способов поведения является «фундаментальным условием существования» индивида и «правильной организации жизни любого общества», предпосылкой разработки «культурных норм общественной и личной жизни» (Петухов, Столин, 2001, с. 35).

В лоне обыденного познания зарождаются первые психологические научные идеи. Выделившись в особую сферу и обретя автономию, научная мысль сохраняет органическую связь с обыденным познанием. С одной стороны, наука влияет на обыденные идеи, развивая «содержащиеся в обыденном стихийно-эмпирическом познании элементы объективного отражения мира» (Введение в философию, 1989, с. 368). С другой стороны, обыденное знание является важным источником и богатейшим резервуаром накопления рациональных идей, питает и стимулирует развитие системы научных представлений о мире и человеке.

Обыденные понятия и представления входят в структуру современного психологического знания. Их сосуществование с научными знаниями о психике требует разграничения и дифференциации указанных сфер знания. Этому вопросу посвящены, в частности, работы Л.С. Выготского (Выготский, 1982б) и Ж.И. Шиф (Шиф, 1935). Соотношение научных и житейских понятий рассматривается ими на материале исследования понятий в детском возрасте. Авторы не ставят задачи распространения своих выводов на другие уровни бытия рассматриваемых явлений, однако с определенными допущениями ряд концептуальных положений, высказанных ими, может быть осмыслен применительно к особенностям обыденных и научных понятий как специфических форм общественного познания.

Прежде всего необходимо отметить, что обращение к столь важной проблеме и ее серьезная теоретико-эмпирическая проработка являются, несомненно, важным вкладом Выготского в психологическую науку. Именно он впервые вводит в психологию дефиницию «житейское понятие», наполняет ее психологическим содержанием, что имеет особый смысл для истории психологии, изучающей разные формы бытия психологического познания, – научные и вненаучные. Большой интерес представляет определение научных и житейских понятий. Согласно Выготскому, любое понятие, на какой бы стадии развития оно ни находилось, с психологической точки зрения представляет «акт обобщения», выступает как значение слов. Таким образом, корневым и объединяющим эти два разноуровневых феномена признаком выступает их обобщающая функция. «Всякое понятие есть обобщение», – пишет Выготский. Соответственно, развитие понятий определяется как переход «от одной структуры обобщения к другой» (Выготский, 1982б, с. 269, 188). Это определение, акцентирующее внимание на общем базовом основании любых понятий, позволяет сделать вывод, что житейские понятия, так же как и научные, являются формой обобщения психологического знания и в этом качестве могут и должны быть предметом историко-психологического исследования.

В центре внимания Выготского стоит задача дифференциации житейских («спонтанных») и научных («неспонтанных») понятий с точки зрения выделенных им критериальных признаков. Определяя научные понятия, Выготский, с одной стороны, подчеркивает их сильную сторону как «подлинных, несомненных, истинных» понятий, представляющих собой высший тип обобщения и характеризующихся осознанностью, произвольностью, системным строением (включенностью в систему понятий) (там же, с. 187). С другой стороны, слабость научных понятий он видит в их «вербализме», недостаточной насыщенности конкретным содержанием.

Соответственно, сильными сторонами житейских понятий являются их спонтанное, «ситуационно-осмысленное конкретное применение», слабость же их состоит в неосознанности, «внесистемности» (отсутствии в них единой системы), «неспособности к абстрагированию, к произвольному оперированию ими», чем обусловлено «неправильное пользование

ими» (там же, с. 184). Житейские понятия у детей характеризуются как обобщения «элементарного типа».

Указанное разграничение житейских и научных понятий по критерию истинности вызывает серьезные сомнения в силу его рассогласования с реальной практикой познания. История научной мысли демонстрирует множество примеров ниспровержения «научных фетишей» – казалось бы, абсолютно истинных и не вызывающих сомнения идей и понятий. Достаточно вспомнить почти аксиоматические, хрестоматийные определения психики как «субъективного образа объективного мира», личности – как «совокупности общественных отношений», подвергающиеся в современной психологии серьезной и обоснованной критике. В то же время ряд положений и понятий, выработанных в житейской практике человечества, не только не утрачивает своего значения, но на новом витке развития психологии приобретает все более актуальное звучание («душа», «духовность», «совесть» и т. д.). В этом плане примечательна мысль А.А. Потебни о том, что для аналитического по своей природе научного знания недостижимо целостное отражение и познание мира, поэтому оно никогда не сможет достигнуть совершенства, в то время как народной мудростью созданы «совершенные поэтические творения», сохраняющие свою ценность в течение многих тысячелетий.

Различны, согласно Выготскому, и источники развития житейских и научных понятий. Житейские понятия формируются «из собственного жизненного опыта», возникают в ходе практического освоения мира; научные понятия – результат целенаправленной мыслительной деятельности и обучения.

Отличаются они и по времени появления в психической жизни человека: житейские понятия предшествуют научным, являются более ранними, исходными, первичными; научные понятия возникают на более поздних стадиях развития.

Чрезвычайно важной является идея Выготского о том, что научные понятия, в отличие от житейских, всегда даны в системе. «Понятие становится иным, совершенно меняет свою психологическую природу, как только оно взято в изолированном виде, вырвано из системы и ставит тем самым ребенка в более простое и непосредственное отношение к объекту... только в системе понятие может приобрести осознанность и произвольность. Осознанность и систематичность в полной мере синонимы в отношении понятий...» (там же, с. 221). Представляется, что этот признак научного понятия, выделяемый при исследовании развития детского мышления, может быть распространен на динамику познавательной деятельности вообще.

Житейские понятия спонтанны и неосознанны, эмпирическим подтверждением чего является, в частности, установленное в ходе исследования отсутствие у детей 7–12 лет осознания правильно выполняемых ими умственных операций. Осознание – признак научных понятий: «...осознание приходит через ворота научных понятий... если верно, что спонтанные понятия с необходимостью должны быть неосознанными, то столь же необходимо научные понятия по самой своей природе предполагают осознание» (там же, с. 220). Применительно к формам общественного познания это утверждение звучит чрезмерно категорично и не является в полной мере оправданным. Признание осознанности научных понятий не предполагает автоматического отрицания осознанности житейских понятий, которые также могут быть результатом размышления, рефлексии, хотя характер осмысления здесь иной. Научные понятия осмысливаются в системе понятий, связаны с вербализацией, являются отвлеченными и абстрактными; житейские представляют обобщение и осмысление личного жизненного опыта и носят наглядно-образный характер. Любая поговорка или пословица, отражающая в символической форме некую идею, является, вне всякого сомнения, результатом обобщения и осознания многочисленных житейских наблюдений. Следует, однако, помнить, что противопоставление житейских и научных понятий по данному критерию осуществляется Выготским лишь применительно к эволюции детской мысли и не распространяется им на познавательную деятельность вообще.

Выготский выдвигает идею своеобразия путей развития житейских и научных понятий, невозможности перенесения выводов, полученных на житейских понятиях, на понятия научные. Возражая против утверждения Ж. Пиаже о том, что умственное развитие ребенка состоит в отмирании особенностей детской мысли, вытеснении ее своеобразных качеств и свойств под влиянием мысли взрослых, Выготский в то же время не сумел до конца преодолеть дуалистического противопоставления житейских и научных понятий.

Достаточно противоречивыми как относительно мышления ребенка, так и применительно к особенностям различных форм общественного познания являются утверждения о том, что научные понятия начинают свое движение с того уровня, до которого еще не дошло в своем развитии спонтанное понятие, об их своеобразной «противофазовости» (сила научного понятия в том или ином аспекте – слабость житейского понятия в этом же аспекте, и наоборот). Данное положение фактически разрывает эволюционную связь между житейскими и научными понятиями, что противоречит реальной практике познания. Столь же неоднозначен вывод автора о принципиальной противоположности источников возникновения и направлений развития житейских и научных понятий: зарождение спонтанного понятия связано со столкновением «с реальными живыми вещами», развитие же научного понятия, «напротив, начинается не с непосредственного столкновения с вещами, а с опосредованного отношения к объекту». Если в первом случае речь идет о движении от вещи к понятию, то во втором – от понятия к вещи. «Развитие научных понятий начинается в сфере осознанности и произвольности и продолжается далее, прорастая вниз в сферу личного опыта и конкретности. Развитие спонтанных понятий начинается в сфере конкретности и эмпирии и движется в направлении высших свойств понятий: осознанности и произвольности» (там же, с. 263–264). Но разве формирование научных понятий исключает возможность использования индуктивных стратегий познания, не опирается на чувственный опыт человека, порождаемый взаимодействием с реальным миром? И разве житейские понятия не отталкиваются от уже сложившихся и часто некритически используемых априорных идей, представлений и понятий?⁸

Пытаясь преодолеть им самим заложенные противоречия, Выготский выдвигает продуктивную мысль о взаимодействии и взаимном влиянии житейских и научных понятий. «Если, таким образом, развитие научного и житейского понятия идет по противоположно направленным путям, то оба эти процесса внутренне глубочайшим образом связаны друг с другом. Развитие житейского понятия должно достигнуть известного уровня для того, чтобы ребенок вообще мог усвоить научное понятие и осознать его. Ребенок должен дойти в спонтанных понятиях до того порога, за которым вообще становится возможным осознание» (там же, с. 262). Согласно Выготскому, появление научных понятий перестраивает житейские понятия, ведет к повышению их уровня; житейские же понятия «проторяют путь» для развития научного понятия. «Научные понятия прорастают вниз через житейские. Житейские понятия прорастают вверх через научные» (там же, с. 263). Безусловно, эта тенденция просматривается и в истории развития общественного познания. История развития познания показывает, что сложившаяся научная картина мира, широко известные научные идеи, проникая в общественное сознание, влияют на развитие обыденных представлений и понятий, либо преобразуя их, либо побуждая к поиску аргументации для обоснования своей достоверности. Хотя не менее вероятен и иной эффект – ужесточение своей позиции и уход от общения с научной мыслью, как это имеет место, например, в догматических структурах знания. Как пишет Л.И. Анцыферова, «противоречие между житейскими и научными понятиями, соответственно, между зонами актуального и ближайшего развития, в их трактовке, предложенной Выготским и его

⁸ Диалектическому рассмотрению соотношения житейского и научного знания способствует реализация, в противовес фактически развиваемому Выготским подходу о внешнем, социальном опосредовании психического (культурными знаками), разработанного С.Л. Рубинштейном принципа опосредования внешнего внутренним (Брушлинский, 1968; 1977 и др.).

современными последователями, остается в принципе неразрешимым при исходных посылках культурно-исторической теории высших психических функций» (Анциферова, 1997, с. 195). Как чрезвычайно важная оценивается ею намечаемая Выготским программа будущих исследований рассматриваемой проблемы, ориентированная на преодоление разрыва между житейскими и научными понятиями и нахождение единых линий исследования тех и других. «Спонтанные понятия ребенка, если довести их анализ до конца, представляются тоже до известной степени аналогичными научным понятиям», – пишет Выготский.

Интересный подход к рассмотрению соотношения житейского, обыденного и научного знаний представлен А.А. Потебней в его работе «Мысль и язык» (Потебня, 1993). Чрезвычайно важным является утверждение Потебни, что формирование житейского психологического знания – ответ на потребности человека, его практической жизни. Он пишет о том, что люди разных профессий, имеющие дело с человеком, пытаются его понять, внося тем самым вклад в развитие житейского психологического знания: «Нельзя себе представить воспитателя без известной, истинной или ложной, сознательной или бессознательной, теории причинных отношений между явлениями душевной жизни, точно так, как без знания причин болезни можно быть только страдательным ее наблюдателем, а не врачом» (там же, с. 41). Обыденное познание, таким образом, включено в жизненную практику человека, отталкивается от нее.

Потебня подчеркивает роль обыденного знания в развитии науки, указывает, что всякая наука «коренится в наблюдениях и мыслях, свойственных обыденной жизни; дальнейшее ее развитие есть только ряд преобразований, вызываемых первоначальными данными по мере того, как замечаются в них несообразности». Указанное положение относится им и к развитию первых психологических теорий, которые «примыкают к житейскому взгляду на душу» (там же, с. 40). Потебня пишет, что, обнаруживая в результате самонаблюдения психологические явления, люди обобщают их соответственно возможностям своего умственного развития, и на этой основе начинают формироваться первые житейские понятия. Из этих рассуждений учебного видно, что житейские психологические понятия рассматриваются им как основывающиеся на личном и многократно проверенном опыте человека, опирающиеся на естественную логику и здравый смысл. В этом причина их достоверности. Важно и то, что житейские понятия определяются как начальный и важный этап развития общественного познания.

Потебня опровергает традиционное представление о якобы более высокой, сравнительно с житейскими знаниями, достоверности и истинности научных понятий и раскрывает механизм возможных ошибок, возникающих при научной обработке опыта обыденных наблюдений о душе, накапливаемого в жизненной практике человека. В качестве примера ошибочности научного обобщения он приводит теорию психических способностей. В основе ее возникновения лежит прием подведения частных проявлений психической жизни, обнаруженных в ходе самонаблюдения человека, под общие схемы. Это приводит к выделению совокупности понятий, объединяемых тем, что все охватываемые ими явления происходят в душе. Соответственно, душе приписывается столько способностей воспроизводить и испытывать определенные психические состояния, сколько в ней обнаружено отдельных и не сводимых воедино групп психических явлений. (Например, радость и печаль относились к сфере чувств; решимость, нерешительность – к воле; память, рассудок, разум – к познавательной деятельности; сами же чувство, воля и разум не объединялись никаким общим понятием, кроме понятия души.) Отсюда делался вывод, что душа обладает способностями понимать, чувствовать, иметь волю. Оценивая в целом теорию способностей, Потебня отмечает ее ненаучный характер. Он пишет: «Если цель всякой науки – объяснить явления, подлежащие ее исследованию, то теория душевных способностей не имеет научного характера. Как вообще понятия, образованные из признаков, общих многим единичным явлениям, должны говорить нам не более того, что в рассматриваемых нами явлениях есть такие-то общие признаки, так и понятия разума, чувства, воли должны быть только общими и потому неясными очерками, повторяющими собы-

тия, ярко изображенные нам самонаблюдением... Если же опытная психология утверждает, что познавательная способность производит представления, понятия, что человек помнит, потому что имеет память, то она нелогично принимает то, что в нас происходит, за реальные начала самих явлений и, по выражению Гербарта, из опытной науки превращается в мифологию» (там же, с. 41).

Более того, рассмотренные научные понятия, по мнению Потебни, значительно уступают по уровню осмысления действительности обыденной мысли. Последняя не ограничивается лишь описанием душевных явлений, но пытается, пусть даже на наивном уровне, отыскать их причины. Например, обозначив любовь огнем, она от простого сравнения этих явлений переходит к выявлению причин и заключает, что любовь в человеке – от огня. Теория же способностей уходит от решения этих главных для научной мысли задач. Превратив общие схемы явлений в их реальные начала, она тем самым «сбилась с пути, указываемого обыденной жизнью, и сошла с действительно причинной точки зрения» (там же). Ссылки теории способностей на разум, волю, чувства как причинные основания душевных явлений, с его точки зрения, неправомерны, ибо на деле они лишь отражают отношения логической соподчиненности душевных явлений, не вскрывая их реальной обусловленности⁹.

Еще один недостаток научной теории душевных способностей состоит, по мнению Потебни, в том, что «явления представляются в ней одновременными и неподвижными членами системы» (там же). В ее основе лежит идеальная абстрактная и статичная схема, не учитывающая реальной динамики, изменений охватываемых ею явлений, их внутренней взаимосвязи, латентного и актуального состояния, тех внешних условий и влияний, которые обеспечивают их развитие. Соответственно, и человек, рисуемый опытной психологией, – это «не действительный, а какой-то мыслимый, невозможный человек» (там же).

Наука, согласно Потебне, характеризуется следующими показателями: 1) доказательностью; 2) аналитическим методом исследования мира путем его раздробления на элементы и последующего создания системы понятий; 3) использованием понятий. В этом ее преимущества, но одновременно и источник слабости. Это приводит ученого к необходимости более глубокого рассмотрения соотношения и дифференциации научной и обыденной сфер познания.

Во-первых, наука (определяемая им как «проза») и обыденное познание (к которому он относит искусство, поэзию) имеют специфические ниши в познаваемой реальности. Всякое деяние человека как продукт личного творчества субъективно, «хотя и условлено внешним миром», «но в этой всеобъемлющей субъективности можно разграничить объективное и субъективное и отнести к первому науку, ко второму – искусство» (там же, с. 141). В искусстве, поэзии (любой сфере обыденной мысли вообще) главное – это образ, понимаемый всегда по-разному; в науке же нет образа, «единственный строительный материал науки есть понятие, составленное из обьективированных уже в слове признаков образа» (там же, с. 142). Чем отвлеченнее наука и чем меньше она допускает личных взглядов, тем более обоснованны ее положения. И поэзия, и наука отталкиваются от действительности, имеют дело с чувственными данными, стремятся их осмыслить и систематизировать. Но поэзия как яркое проявление обыденной мысли рассматривает действительность в ее чувственном проявлении, не доискиваясь причин и доказательств возникшей картины чувственной реальности; она нечувствительна к их противоречиям. Чувственные данные – ее единственный источник. Связь образа и явления здесь не доказывается, а утверждается. Наука же – сфера доказательного мышления; она призвана не только описывать чувственный мир, но и объяснять его, вскрывать противоречия чувственных данных. Сила доказательства – мера ее истинности.

⁹ Потебня пишет по этому поводу: «Как же будет возможно влияние познания на чувство, чувства на волю, если самое название их душевными способностями было следствием невозможности привести их к одному знаменателю?» (Потебня, 1993, с. 42).

Во-вторых, наука и обыденная мысль различаются степенью их общедоступности. Наука доступна не всем; она является уделом относительно узкой группы лиц, специально и целенаправленно занимающихся ее разработкой. Обыденное знание – компонент жизни всего народа и с этой точки зрения оно не имеет границ.

В-третьих, отличаются и возможности науки и обыденной мысли в целостном познании мира. Потебня считает, что обыденная мысль, которая «только скользит по поверхности предметов и лишена всякой глубины», в то же время является результатом обобщения глубинных, предшествующих ей слоев знания. Не отличаясь достаточной глубиной, она при этом обладает способностью целостного отражения и описания действительности. Подтверждение этого он видит в житейском, будничном «языке простонародья», являющем «недостижимую для нас цельность мирозерцания в простолудине. Тогда, например, как образованный человек со всех сторон окружен неразрешимыми загадками и за бессвязной дробностью явлений только предполагает их связь и гармонию, для народной поэзии эта связь действительно, осязательно существует, для нее нет незаполненных пробелов знания, нет тайн ни этой, ни загробной жизни» (там же, с. 142). Наука искусственно раздробляет мир, чтобы затем вновь сложить его в стройную систему понятий; «но эта цель удаляется по мере приближения к ней, система рушится от всякого не вошедшего в нее факта, а число фактов не может быть исчерпано» (там же, с. 141). Разрушая цельность, а значит и гармонию мира, аналитически разлагая его, наука стремится расширить пределы изучаемых явлений мира, но вместе с тем она «уменьшает значение известного по отношению к неизвестному, представляет первое только незначительным отрывком последнего» (там же, с. 142). Поэзия как вид обыденного познания восполняет недостижимую для аналитического научного познания цельность отражения мира; «указывая на эту гармонию конкретными своими образами, не требующими бесконечного множества восприятий, и заменяя единство понятия единством представления, она некоторым образом вознаграждает за несовершенство научной мысли и удовлетворяет врожденной потребности видеть везде цельное и совершенное. Назначение поэзии – не только готовить науку, но и временно устраивать и завершать невысоко от земли выведенное ее здание. В этом заключается давно замеченное сходство поэзии и философии» (там же, с. 141).

В-четвертых, наука не направлена на «исцеление нравственных страданий», ее идеал – бесстрастность и объективность, она сознательно отстраняется от чувств. Отмечая это свойство науки, Потебня фактически осуществляет пророческое предвидение проблемы, волнующей сегодня многих ученых, – о противоречии объективного результата научного познания и его нравственного этического содержания. В отличие от науки, и искусство, и поэзия, и религия непосредственно обращены к проблемам нравственной жизни, служат их решению.

В-пятых, для науки главный предмет исследования – вещь, природа. В отличие от этого искусство глубоко антропологично; его содержание «составляет не природа, а человек, т.е. то, что есть самого важного в мире для человека». Природа выступает в искусстве не как специальный предмет исследования, а как средство реализации его главной познавательной ориентации в познании человека – обращаться «внутрь себя только от внешних предметов», познавать себя «сначала только вне себя», уяснять человеческую жизнь «исподволь и посредственно» (там же, с. 148). Она служит раскрытию настроения автора и углублению познания души человека, неразрывно связана с событиями душевной жизни.

Проведенный анализ приводит автора к выводу о важности взаимодействия, взаимообогащения и взаимодополнения научной и обыденной поэтической деятельности, о том, что между ними должно существовать «известное равновесие». Наука не может ниспровергать, устранять, обесценивать обыденное знание; она должна опираться на него, развиваться в союзе с ним: «Как мифы принимают в себя научные положения, так наука не изгоняет ни поэзии, ни веры, а существует рядом с ними, хотя ведет с ними споры о границах» (там же).

В современной психологии вопрос о соотношении житейской и научной психологии рассматривается В.В. Петуховым и В.В. Столиным. Житейскую психологию они определяют широко как все «до-научное» знание, существующее и накапливающееся в истории культуры вне сферы психологии как самостоятельной науки. Основное отличие научного знания от житейского авторы видят в ограничении его предмета и возникновении «специального языка» (системы понятий и точных методов исследования): «Основное отличие научной психологии от житейской заключается в том, что если для последней поле исследовательской деятельности практически бесконечно, то с появлением научной дисциплины происходит резкое сужение, ограничение, зафиксированное в специальном языке. Научный психолог теряет для изучения (не всегда безвозвратно) целые пласты житейского опыта, однако вводимые ограничения создают новые преимущества. Так, у Вундта точное предметное определение сложного для изучения объекта связано с умением операционально, с помощью простых методических процедур в специальной экспериментальной ситуации выделять его элементы, воспроизводить их в заданных условиях, измерять (и, следовательно, привлекать количественные методы для обработки полученных данных), выявлять связи этих элементов и в конечном счете устанавливать закономерности, которым они подчиняются» (Петухов, Столин, 2001, с. 37).

Кроме указанных критериев разграничения научной и житейской психологии, выделяется еще ряд оснований их разделения: источник и путь возникновения и развития знаний; формы сохранения знаний; условия их воспроизведения и передачи.

Источник житейской психологии – конкретный индивидуальный опыт и извлекаемые из него психологические знания. Опыт, лежащий в основе научной психологии, «с самого начала является абстрагированным от многих деталей, понятийно оформленным» (там же, с. 38).

Житейские знания накапливаются «несистематически», спонтанно; научные психологические знания – результат целенаправленной познавательной, систематически организуемой и осуществляемой деятельности.

Житейские знания носят интуитивный характер в отличие от научного знания – «систематизированного, инструментально оснащенного»: «Для научного психолога удачная догадка становится гипотезой, допускающей экспериментальную проверку. Конечно, эксперимент возможен и в житейской психологии, и люди часто прибегают к этому эффективному средству получения необходимой информации (не ожидая подходящего случая, а активно организуя его). Однако научно-психологические эксперименты отличаются не только большей строгостью своих гипотез, но условиями поведения. В современной психологии эти условия нередко отделены от жизненной конкретности и даже могут исказить ее. Отличаются и результаты экспериментов: ученым нередко приходится отказываться от собственных обыденных представлений, “не веря своим глазам”» (там же).

Различны формы представления и сохранения житейских и научных знаний. «Обширный опыт житейской психологии сохраняется и существует в соответствии с теми видами практики, из которых он получен и которые он обнаруживает. Он может быть упорядочен в традициях и обрядах, народной мудрости, афоризмах, однако основания таких систематизаций остаются конкретными, ситуативными. Если ситуативные выводы противоречат один другому... то житейскую мудрость это не смущает, ей нет нужды стремиться к единообразию. Научная психология систематизирует знания в форме логических непротиворечивых положений, аксиом и гипотез. Знания направлены аккумулируются, служат базой расширения и углубления найденных закономерностей, и происходит это именно благодаря наличию специального предметного языка» (там же).

Широкое использование и передача житейских знаний затруднены в силу их конкретности, ситуативного характера, жесткой соотнесенности с индивидуальным опытом их субъекта. «Собственный опыт, соразмерный со своими возможностями и специфическими условиями, приходится переживать и накапливать заново» (там же). К указанным признакам демаркации

обыденных и научных знаний можно добавить различия в изучаемых ими объектах реальности и обусловленную этим специфику языков их описания. Если объекты обыденного сознания представлены в жизненной практике человека, вплетены в нее, являются привычными и знакомыми и только в этом качестве могут быть осознаны в ходе взаимодействия человека с ними, то наука исследует те объекты, которые не освоены практикой, часто отсутствуют в ней. Отсюда вытекает недостаточность для раскрытия природы объектов науки естественного языка, используемого в обыденном сознании, и необходимость создания особого языка описания ее объектов: «...Понятия обыденного языка нечетки и многозначны, их точный смысл чаще всего обнаруживается лишь в контексте языкового общения, контролируемого повседневным опытом. Наука же не может положиться на такой контроль, поскольку она преимущественно имеет дело с объектами, не освоенными в обыденной практической деятельности. Чтобы описать изучаемые явления, она стремится, как можно более четко фиксировать свои понятия и определения. Выработка наукой специального языка, пригодного для описания ею объектов, необычных с точки зрения здравого смысла, является необходимым условием научного исследования. Язык науки постоянно развивается по мере ее проникновения во все новые области объективного мира. Причем он оказывает обратное воздействие на повседневный, естественный язык» (Введение в философию, 1989, с. 368).

В контексте рассматриваемых проблем вызывают интерес исследования социальных представлений как одной форм проявления обыденного сознания. Так, в работах С. Московичи вскрывается природа социальных представлений, подчеркивается сила их принудительного влияния на сознание человека, функции в жизнедеятельности человека. Благодаря социальным представлениям люди обретают «способность воспринимать, делать выводы, понимать, вспоминать, чтобы придавать смысл вещам и объяснять личную ситуацию» (Московичи, 1995б, с. 6). В повседневной жизни социальные представления носят спонтанный характер и не являются предметом специальной рефлексии; люди, являющиеся их носителями, не размышляют о них и не анализируют их. Являясь выражением здравого смысла, социальные представления включают также иррациональные компоненты и сопоставляются Московичи с бессознательными явлениями, описанными Фрейдом, предсознательными и мифологическими феноменами (Московичи, 1995а). В своей предельной форме бессознательные тенденции обыденного сознания проявляются в массовидных явлениях, в частности, в феномене влияния толпы на человека (Московичи, 1996). Социальные представления понимаются автором широко – как система разноуровневых явлений, сосуществующих в пространстве «здравого смысла» (идеологических взглядов, научных идей, иррациональных феноменов): «Правоммерно предположить, что любые формы убеждений, идеологических взглядов, знаний, включая науку, тем или иным образом являются социальными представлениями» (Московичи, 1995б, с. 5). Научная мысль включается в структуру социальных представлений в виде общедоступного популярного знания, однако ее возможности преобразовывать их в соответствии со своими нормами и требованиями весьма ограничены в силу активного сопротивления обыденного сознания попыткам его рационализации. Чрезвычайно важной представляется мысль Московичи о том, что наука и обыденные представления не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Идеи обыденного сознания обогащают науку, привнося в нее веяния социальной реальности, влияя на формирование научной картины мира. Таким образом, Московичи расширяет пространство научной мысли, обращая нас к изучению социальных представлений как формы бытия обыденной психологической мысли и важного компонента, источника и предпосылки развития научных знаний.

В отечественной психологии социальные представления людей рассматриваются в контексте разработки проблем российского менталитета (К.А. Абульханова-Славская; М.И. Воловикова; И.А. Джидарьян; А.И. Донцов; В.В. Знаков; Т.П. Емельянова; А.Н. Славская; Н.Л. Смирнова; Л.М. Соснина и др.).

Предметом специального теоретического анализа обыденное сознание¹⁰ выступает в работе Е.В. Улыбиной (Улыбина, 2001). Подчеркивая роль обыденного сознания, автор определяет его как «естественный уровень отражения действительности», используемый в повседневной жизни и обеспечивающий возможность приспособления к действительности. Обыденное сознание способствует адаптации человека к новым социальным нормам и ценностям, включению человека в мир «официальной» культуры и идеологии¹¹, дает ему точки опоры в решении важных для него проблем, предоставляет известную автономию в выборе способов поведения и действий. «Особое значение имеет обыденное сознание для поддержания контакта между личностью и социумом, ценностями индивида и ценностями рода», давая возможность, «не вступая в конфликт с принятыми в обществе ценностями, “расчистить место для себя”, не подчиняться принятым нормам, но и не отвергать их» (там же, с. 118).

Источником формирования обыденного сознания выступает реальная жизненная практика людей, их деятельность и общение¹².

Е.В. Улыбина отмечает, что особенностями обыденного сознания являются прежде всего его незавершенность, диалогический характер, «что служит противовесом стремлению к однозначности ниже- и вышележащих уровней»; оно «протекает, опираясь на “привычку”... и имеет социальный характер» (там же, с. 114, 90). Для обыденного сознания характерно нерелексивное восприятие знаний и убеждений, складывающихся в социуме, принятие коллективных представлений, норм и стереотипов, терпимость к противоречиям. Опираясь на анализ исследований разных аспектов обыденного сознания, Улыбина делает вывод, что «в обыденной жизни нормальные взрослые люди действуют, опираясь не на логические выводы, доступные их интеллекту, а повинаясь совершенно иным тенденциям, состоящим в стремлении сохранить единство с группой, не менять уже сложившегося мнения, следовать эмоциональным реакциям, воспроизводить в своем поведении стратегии, выработанные в ходе эволюции и сохраняющиеся тысячелетиями» (там же, с. 94–95). В этом проявляются фундаментальные характеристики обыденного сознания – его нерациональный характер и социальная природа.

Обыденное сознание рассматривается «как один из уровней индивидуального сознания, обладающий своей спецификой, определяемой особенностями доминирующей формы знакового опосредования» (там же, с. 91). В структуре общественного сознания обыденное сознание помещается между различными образованиями общественной и индивидуальной психологии, чем определяется его позиция медиатора относительно общественного и индивидуаль-

¹⁰ Анализируя семантическое пространство понятия «обыденное сознание», Е.В. Улыбина (Улыбина, 2001) приводит разные его определения: «житейские представления об окружающем мире» или «здоровый смысл» (Донцов, Баксанский, 1998, с. 77), «менталитет» или «некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре», проявляющаяся в своеобразии восприятия действительности и реагирования на нее (Дубов, 1993, с. 20), включая «национальный» и «народный» менталитет как реальность бытия и функционирования сознания (Попова, 1991, с. 66), «провинциальный менталитет», вводящий пространственную и социально-историческую координату в описание обыденного сознания (Г.В. Акопов; А.В. Брушлинский; И.П. Шкуратова и др.), «менталитет советского человека» (Петровский, Ярошевский, 1996, с. 369), «русский менталитет» (Абульханова-Славская, 1997; Брушлинский, 1997; Джидарьян, 1997; 2001; Донцов, Баксанский, 1998; Знаков, 1993; 1997; Климов, 1993; Петренко, 1997; Смирнова, 1997 и др.), «профессиональный менталитет» (Климов, 1991; Соснин, 1998), «политический менталитет» (Петренко, Митина, 1997), «социальные представления» (Московичи, 1995), «обыденное мышление» (Маркова, 1996) и др.

¹¹ Е.В. Улыбина пишет: «Никакая идеология не может без искажения приниматься обыденным сознанием. Обыденное сознание позволяет адаптировать любую идеологию в жизни, найти в ней место реальным человеческим потребностям и слабостям и тем самым, в конце концов, разрушить ее, чтоб на ее месте была создана новая... формируется надежная конформистская позиция, позволяющая не вступать в конфликт с обществом, не ощущать противоречий и вместе с тем обладать определенной свободой от общества. Однако эта конформистская позиция с двумя типами ценностей – общественных и индивидуальных, сосуществующих в противоречии, но не уничтожающих друг друга, позволяет, в случае необходимости, в проблемных ситуациях, осознать их противоречие и сделать выбор. Это было бы невозможно при полной подчиненности идеологии» (Улыбина, 2001, с. 119).

¹² Об этом пишет И. Маркова, отмечая, что уровни «обыденного мышления», «относительно устойчивые для различных культур и поколений, неосознанно воспроизводятся и заново формируются в деятельности и общении индивидов» (Маркова, 1996, с. 59).

ного сознания; мифологического и научного отражения мира; бессознательного и рефлексивного сознания. С этой точки зрения, явственно выступают его особенности: оно связано с общественным сознанием, социальными представлениями, но при этом, будучи феноменом индивидуального сознания, «обладает значительной гибкостью и вариативностью»; имея «во многом нерациональный характер», оно в то же время «включает в себя и элементы научного знания»; трудно доступное для рефлексии, оно вместе с тем «не является полностью бессознательным» и может стать предметом осмысления при столкновении человека с жизненными проблемами¹³ (там же, с. 91–92).

Медиальной позицией обыденного сознания определяются и его функции, проявляющиеся в системе отношений с ниже- и вышележащими уровнями психического отражения: «1. По отношению к особенностям отражаемой информации – это расщепление амбивалентности образов, принадлежащих нижележащим уровням (бессознательного, мифа) и фиксация противоположностей, а значит, и обеспечение устойчивости к противоречиям. 2. По отношению к выше- и нижележащим уровням отражения – это осуществление контакта между выше- и нижележащими уровнями, обеспечение автокоммуникации системы. 3. По отношению к самой личности как члену социума – это обеспечение условий формирования субъектности, автономии личности (обеспечение условий личностной автономии)» (там же, с. 114).

Особенно важным представляется утверждение автора о том, что обыденное сознание вносит вклад в формирование картины мира посредством расщепления амбивалентности мифа и бессознательного преодоления завершенности научного знания, тем самым уравнивая эти крайности. Причем имеют место взаимонаправленные движения: от науки к обыденному сознанию и обратно. Сложные научные идеи на языке обыденной мысли преобразуются в более простые формы, доступные пониманию людей. Смысл этого Улыбина видит в том, что «иначе ликвидировать разрыв между фундаментальной наукой и образом мира человека “с улицы” просто невозможно. А искаженные, “опрошенные” знания такую связь устанавливают». Это приводит к возникновению бытовых представлений о сложных философских и научных категориях и явлениях; знания соотносятся с интересами человека, «создавая антропоцентрическую картину мира» (там же, с. 116). Одновременно обыденные представления доводят до науки потребности жизни, противодействуя ее отрыву от реальности и формализации (Московичи, 1995а; 1995б; Улыбина, 2001; Червяк, Терминов, 1985; Юревич, 1993).

Как отмечает А.В. Юревич, нередко обыденные представления, попадая в сферу науки, становятся источником научных открытий (Юревич, 1993, с. 167).

* * *

Рассмотрение соотношения научных и вненаучных сфер знания и критериев научности, а также особенностей обыденного познания и его взаимодействия с научной мыслью позволяет более точно определить предметную область истории психологии.

Как отмечает К.А. Абульханова-Славская, одна из задач методологического анализа состоит в выявлении предмета науки и раскрытии его специфики через соотношение с предметами других наук. Причем это соотношение осуществляется «не на том логическом уровне, когда предметы уже специфицированы и основания для их сопоставления фактически утрачены, а на уровне объекта, в самом анализе объективной действительности. Методологическое исследование определяет область поисков объекта, его “границы”, его “место” в бытии и т. д.» (Абульханова-Славская, 1973, с. 31). Более того, методология «дает не только представление об объекте, с которым предстоит действовать, но и представление о том, *как* с ним

¹³ На этот момент обращают специальное внимание А.И. Донцов и О.Е. Баксанский (Донцов, Баксанский, 1998, с. 76).

действовать», поэтому онтологическая характеристика объекта здесь «выступает в категориях человеческой деятельности» (там же).

С этой точки зрения, определение предмета истории психологии должно отталкиваться от той объективной реальности, которая лежит в его основе, – *процесса психологического познания*, реализующегося в многообразных формах взаимодействия познающего субъекта с миром: природным, социальным, символическим, результатом чего является получение и систематизация знаний о психике. Взаимодействие с миром, обусловленное объективными потребностями существования и развития человека и человечества, – реальный базис становления и развития системы психологического знания.

Особое место и роль психологического познания как важнейшего условия и неотъемлемой компоненты жизнедеятельности человека и общества обусловлено его огромной ролью в развитии сознания и самосознания человека, в процессах субъектно-личностной идентификации. Начиная с истоков существования человеческой истории, каждый шаг в осознании своего психического мира увеличивал потенциалы и возможности человека в его взаимодействии с миром и одновременно становился источником дальнейшего углубления психологической рефлексии. Являясь условием общественно-исторического бытия человека, психологическое познание по своей длительности сопоставимо с длительностью существования мыслящего человека. Этим определяются *предмет и границы истории психологии* – изучение психологического познания на всех этапах его исторической эволюции, начиная от момента его зарождения у истоков человеческой цивилизации и до его зрелых и развитых форм, представленных системой научных знаний о психике. То, сколь глубокие пласты психологического знания способна воссоздать и исследовать история психология, зависит от ее познавательных ресурсов, но масштаб задач в этой области должен быть сформулирован достаточно четко и однозначно. Поэтому первый вывод, касающийся понимания предмета истории психологии, включает определения границ исследуемой ею реальности – *психологическое познание на всех этапах его исторической эволюции*.

Формы существования психологического знания, представленные в истории, разнообразны; они охватывают как научную психологическую мысль, так и обыденные психологические представления, накапливаемые в разных областях человеческой практики и сферах общественного сознания. Обыденное знание тесно связано с научной мыслью, исторически предшествует ей в процессе эволюционного развития, сосуществует с ней в современной структуре знания, стимулируя ее развитие и обогащая ее содержание.

Наука и научность – не тождественные понятия; научность не является исключительной прерогативой науки. Рациональные идеи, отвечающие критериям научности – доказательности, логической обоснованности, систематизированности – могут возникать и во вненаучных областях человеческой мысли. Это определяет важность культурологического анализа истории развития психологического познания. Опираясь на принципы системной методологии, требующие целостного рассмотрения объекта изучения, можно обозначить второе положение, касающееся понимания области исследуемых историй психологии явлений – *необходимость изучения различных форм психологического познания, как научных, так и вненаучных, формирующихся в сфере обыденного сознания в их целостности и диалектическом взаимодействии*.

Важным аспектом системного анализа психологического познания как формы познавательной деятельности является также описание его структуры как сложноорганизованного целого и выделение ее «сторон». М.Г. Ярошевский пишет о трехаспектности познавательной деятельности, совершающейся «в системе трех главных координат:

когнитивной, социальной и личностной» (Ярошевский, 1996, с. 12). Характеризуя системное строение познавательной деятельности, он указывает: «В смене научных теорий и фактов, которую иногда называют “драмой идей”, есть определенная логика – сценарий этой драмы. Вместе с тем “производство” знаний всегда совершается на конкретной социальной

почве и зависит от внутренних, непознанных механизмов творчества ученого». Отсюда делается вывод — «для того, чтобы воссоздать полноценную картину этого производства, любую научную информацию о психическом мире необходимо рассматривать в системе трех координат: *логической, социальной и личностной* (обычно связанной с биографией ученого)» (Ярошевский, 1995б, с. 3). Представляется целесообразным дополнить выделенную систему еще одним элементом — *процессуальным*, включающим изучение самого процесса получения психологического знания. Отсюда вытекает следующее положение, определяющее специфику изучения психологического познания как сложного многокачественного явления: *история психологии должна изучать психологическое познание в его генезисе, становлении и развитии, в его логико-научной, общественно-исторической и субъектно-личностной обусловленности*.

Наконец, при описании истории психологии важно также определить, *как, каким способом* история психологии должна изучать свой объект. Здесь необходимо выделить два аспекта. Во-первых, изучение развития психологического познания не должно сводиться лишь к регистрации фактов и «простой записи событий, сменяющих друг друга во времени»; важно выявлять законы, лежащие в основе эволюции и преобразования системы психологических знаний» (Ярошевский, 1995б, с. 10). В свете указанного уточнения история психологии может быть определена как наука, изучающая *закономерности становления и развития психологического познания*.

Во-вторых, особенность бытия психологической мысли прошлого в виде дошедших до нас памятников культуры как объективированной формы ее выражения обуславливает опосредованный путь ее познания на основе источниковедческого анализа и определяет особую роль реконструкционного метода в истории психологии. С этой точки зрения, история психологии должна определяться как *область источниковедческого знания, реконструирующая психологическое знание, содержащееся в исторических источниках*.

Именно такое многоаспектное определение предмета истории психологии представляется наиболее полным и адекватным природе исследуемой ею реальности. Соответственно, предмет истории психологии — изучение закономерностей развития психологического познания в его генезисе, становлении и развитии, логико-научной, общественно-исторической и субъектно-личностной обусловленности как результата познавательной деятельности человека на всех этапах его исторической эволюции, включающего в себя различные способы и формы познания и осмысления психической реальности, как научные, так и вненаучные.

Дальнейшая детализация понимания предмета истории психологии связана с рассмотрением различных форм психологического познания.

4 Формы вненаучного психологического познания

Интерес к сфере вненаучного психологического познания проявляется в психологической науке уже достаточно давно. На необходимость использования литературы и продуктов художественного творчества как богатейшего источника знаний о психике указывали Б.Г. Ананьев, Б.М. Теплов, П.М. Якобсон, И.В. Страхов, Л.С. Выготский, В.А. Артемов и др. В ряде психологических работ осуществлен анализ психологических воззрений известных деятелей искусства: Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Н.Г. Чернышевского и др. (Ананьев, 1997; Страхов, 1971; 1977; 1984; 1998; Галушко, 1953; Дементьева, 1954; Драголи, 1952; Люмина, 1954; Марисова, 1954; Мириманян, 1984 и др.). Рассмотрение житейской психологической мысли представлено в исследованиях Е.А. Будиловой, М.В. Соколова, Б.Ф. Поршнева, Е.А. Климова, О.Г. Носковой, Ю.Н. Олейника и др. В работах Б.С. Братуся, А.А. Гостева, В.И. Слободчикова, В.Д. Шадрикова, В.А. Пономаренко, Е.К. Веселовой, В.А. Соснина, В.А. Елисеева, В.А. Кольцовой, Ю.Н. Олейника и др. раскрывается взгляд на религию как важный источник познания внутреннего мира человека, его духовных ценностей и смыслов жизни, подчеркивается необходимость историко-психологического анализа религиозных воззрений на природу и развитие человеческой души. Необходимость рассмотрения истории психологии в культурологическом контексте обосновывается Е.А. Будиловой, Б.Г. Ананьевым, Б.М. Тепловым, Т.Д. Марцинковской, В.А. Кольцовой и др. Как пишет К.А. Абульханова-Славская, «возникновение знания о психическом, возможность такого знания связана с тем, что психические явления обнаруживают себя не только и не в первую очередь в области научного познания, а в области жизнедеятельности каждого индивида – они составляют неотъемлемый компонент его жизнедеятельности. Поэтому суждения о психическом, определения психических явлений принадлежат первоначально области донаучной, области “здорового смысла”, “обыденного”, нетеоретического сознания. С психическими явлениями сталкиваются литература, педагогика, этика, больше того, они, так или иначе, оперируют ими» (Абульханова-Славская, 1973, с. 27). А.Н. Ждан выделяет собственно научные психологические знания, а также психологические идеи, накапливаемые в сфере житейской практики людей, религиозные представления о психике (Ждан, 1999). А.С. Гучас в число источников психологического знания включает научные труды, художественную литературу, мифологические и религиозные трактаты, произведения фольклора (Гучас, 1974). Концентрируя основное внимание на рассмотрении истории научной психологической мысли, М.Г. Ярошевский подчеркивает ее отличие от других форм познания психической жизни, к которым он относит религию, искусство, житейскую мудрость (Ярошевский, 1995б, с. 10). В его совместном труде с А.В. Петровским в описание различных форм познания вводится уровневый принцип. Подчеркивается, что психологические идеи изначально представлены в форме «житейского психологического опыта», который «своеобычно преломляются в творениях мифологии (религии) и искусства. На очень высоком уровне организации общества ... возникает отличный от них способ мыслительной реконструкции зримой действительности. Им и явилась наука» (Петровский, Ярошевский, 1996, с. 7).

Однако, несмотря на признание значимости обыденного психологического познания, его роли и места в развитии психологии, оно до сих пор не стало предметом глубокого и всестороннего историко-психологического рассмотрения. Основное внимание в отечественной историографии уделяется изучению истории научной психологической мысли. Историографический анализ проблемы обыденного познания носит эпизодический и фрагментарный характер, ограничиваясь либо констатацией наличия обыденной психологической мысли, что само по себе чрезвычайно важно в контексте сциентистских ориентаций психологической науки, либо исследованием одной из ее форм. Чрезвычайно ограничена фактуальная база обсуждения

данного вопроса. Отсутствует целостное рассмотрение системы вненаучной психологической мысли. Поэтому картина развития психологического познания остается неполной, не раскрывающей его во всей эволюционной и структурной целостности. Этим определяется необходимость историко-психологического анализа обыденного психологического познания как одного из аспектов предметной области истории психологии.

Широкое понимание обыденного психологического познания как процесса накопления знаний о психике, осуществляющегося во вненаучных сферах познавательной и практической деятельности человека, предполагает проведение его дифференциации, выделение различных его форм. Опираясь на рассмотренные выше положения, были выделены следующие формы вненаучного психологического знания: *житейские представления о психике*, включающие обыденное психологическое знание, формирующееся в жизнедеятельности человека, в его предметно-практическом взаимодействии с миром, а также *психологическое знание, возникающее и развивающееся в русле искусства, мифологии, религии*. Развитие научных знаний о психике и обыденных психологических представлений образуют в совокупности целостную систему психологического познания, составляющую предметную область истории психологии.

Житейские психологические представления как вид вненаучного психологического познания

Житейские психологические представления формируются непосредственно в жизненной практике человека, являются осмыслением и обобщением полученного в ней человеком знания о себе и других людях, о психических свойствах и способностях, апробируются и подтверждаются опытом человеческого бытия.

Они выступают в качестве исторически первой и исходной формы психологического познания, предшествующей всем другим формам освоения психической реальности и формирующейся на ранних этапах историогенеза. Вместе с совершенствованием органических функций, мышления и речи человека, его орудийной деятельности расширялись сферы его взаимодействия с миром, в ходе которого происходило более полное познание им и окружающего мира – природного и социального – и самого себя. Результатом являлось совершенствование когнитивных структур психики, обогащение и расширение жизненного опыта человека, возникновение первых психологических представлений. Процесс психологического познания на ранних стадиях эволюции человечества носил спонтанный характер, был непосредственно вплетен в жизненную практику человека, являлся продуктом его взаимодействия с миром. Являясь следствием практически-действенного освоения человеком окружающей действительности, формируясь на его основе, психологическое познание само, в свою очередь, выступало важным эволюционным фактором развития человечества, увеличения его психологических ресурсов и возможностей во взаимодействии с миром.

Изучение процесса зарождения психологических знаний на первых ступенях человеческой истории относится в научной литературе к области «археологии научного познания» (Кузнецова, 1982) и осуществляется посредством реконструкции психологических представлений человека на основе анализа имеющихся в распоряжении исследователя памятников культуры того времени. Так, изучение первобытной культуры и прежде всего дошедшего до нас изобразительного искусства (наскальной живописи) периода палеолита свидетельствует, с одной стороны, о развитии орудийной практики человека, формировании мозговых механизмов, в первую очередь зрительно-моторной координации, образного мышления и языка, с другой – о появлении знаний человека об окружающем мире и о своих собственных отличительных характеристиках и способностях (Абрамова, 1966).

Важным фактором развития человека – его телесных и психологических характеристик, познавательных способностей – является орудийная деятельность человека. Л. Нуаре подчер-

кивает, что «физиологически (добавим, и психологически.— В.К.) человек может быть объяснен его деятельностью по созданию орудий труда. Принцип взаимности – воздействий орудий труда на человека и человека на орудия труда – должен и здесь, как и во всех вопросах эволюции, служить нам компасом» (Нуаре, 1925, с. 34–35).

В работах Е.А. Климова и О.Г. Носковой (Климов, Носкова, 1992; 2001; 2002) предпринята попытка воссоздания психологических представлений человека ранних эпох на основе анализа создаваемых и используемых им орудий труда. Авторы утверждают, что, анализируя вещественные памятники труда наших предков, включая и далеких, исследователь не должен рассматривать появление «умных вещей» как результат случайных обстоятельств, «но видеть в них реализацию здравых душеведческих идей. Если далекие предки могли придумать и сделать колесо, то не откажем им в способности придумать адекватные и полезные психологические модели» (Климов, Носкова, 1992, с. 3). Объектом изучения выступало каменное орудие – «шелльское рубило», являющееся древнейшим обработочным инструментом, созданным человеком. Описывая рубило, авторы обращают внимание на его форму, являющуюся оптимальной и удобной для работника, позволяющей «неутомительно работать длительное время». Рубило – не естественный природный продукт, а результат труда человека, итог придания «исходному материалу (найденному “бесформенному” камню) требуемых очертаний и размеров» (Климов, Носкова, 2002, с. 265). В работе ставится задача описания рассматриваемой «эргатической системы» и представленных в ней функций, поэтапного, пошагового воссоздания процесса создания орудия труда.

Осуществляя реконструкцию, авторы делают ряд логических допущений, касающихся организации жизни первобытного сообщества, того, какими психологическими характеристиками должен был обладать человек, способный осуществлять сложную трудовую деятельность.

Исходная предпосылка создания рубила – осознание человеком необходимости перехода от использования случайно обнаруженных, пригодных для труда камней к преднамеренному изготовлению орудий, которые были бы более удобными и производительными сравнительно с готовыми природными материалами и могли быть воспроизведены в необходимом количестве. Это в свою очередь требовало осмысления наиболее умудренными членами общины условий ее существования и развития, а также задач ее деятельности и коллективного формирования цели или мысленного образа желаемого будущего – сделать рубило. Следующим условием реализации поставленной цели выступает задача «доведения образа цели до сознания исполнителя работы». Необходимо также наличие мотивации изготовления орудия и освобождение его производителя от других видов работ, связанных с обеспечением жизни сообщества посредством перераспределения функций между членами первобытной общины.

Осуществлению технологических функций по обработке сырого материала должно предшествовать формирование у субъекта труда общей картины предстоящей работы – ее условий и средств, конечного результата (какое орудие предполагается изготовить, и каковы его качества), а также требований к исходному материалу («заготовке»), используемому для обработки. Изготовление орудия предполагает также наличие первичных знаний о требуемой организации рабочего места (твердая поверхность; удаленность от окружающих, дабы не ранить их отлетающими осколками; хорошая освещенность; возможность удобного расположения для максимально полного восприятия объекта, осуществления энергичных и точных ударов, предотвращения травмирования и снижения утомляемости исполнителя).

Важным компонентом производства орудия выступают определенные умения и способы организации труда: «“Обрабатывающим” станком является здесь сам человек, который неизбежно устает, начинает ошибаться. Его рабочие (функциональные) состояния отчасти регулируются автоматикой организма (передышки и восстановление дееспособности), а отчасти возможно за счет личной находчивости и социальных, обрядовых норм (попеременное использование правой и левой рук, смена позы, применение средств народной медицины для зажив-

ления ран, ушибов, а также возможно обращение к “добрым духам”, “злым духам”, чтобы те помогали и не мешали» (там же, с. 267). Успешность деятельности определяется использованием соответствующих рабочих движений – их направлением, силой, скоростью, размахом и т. д. Необходимыми условиями деятельности выступают постоянный контроль и корректировка исполнителем результатов своего труда. «...Поскольку каждый удар камня о камень создает всякий раз неповторимую картину сколов, расслоений, разрушений как заготовки, так и камня, выступающего в роли средства труда, нужно постоянно контролировать (видеть, оценивать) обстановку и принимать решения о следующих ударах (их направлении, силе), или об их прекращении, или о “ремонте” затупившегося средства, или о его замене в связи с наступившей негодностью. Это все должно сопровождаться сличением получаемого полупродукта с представлением об образце продукта – представлением цели» (там же). Авторы определяют это как принципиально нестандартную задачу, а труд человека, реализующего ее, – как «глубоко творческую работу».

Все сказанное приводит к выводу, что для осуществления технологического процесса изготовления орудия должна существовать «сложнейшая “управляющая программа”, не сводящаяся просто к образу цели, но включающая множество составляющих, начиная от идеологии, стратегии жизни сообщества и кончая собственно двигательными программами (образами предстоящих движений). Органом, обеспечивающим этот процесс, является даже не сам по себе человек, исполняющий работу, но... созданная сообществом людей совокупность взаимосвязанных элементов, включающая и исполнителя, и непосредственно связанные с ним деловые отношения членов сообщества, и предмет, и средство, и условия труда...» (Климов, 1998, с. 53–54).

Проведенный анализ позволил предположить, что создание каменных орудий обеспечивалось совокупностью сформированных организационных предпосылок: координированной совместной деятельности людей, понятной членам сообщества сигнальной системы (речи), сознания («совместнознания»), способности «умопостигать незримое», отвлеченного мышления и воображения, «психологической направленности ума» (того, что относится к «социальному интеллекту»), умения «понимать, что “хочет” и что “может” сторонний человек, сотрудник, и как можно на него повлиять» (там же, с. 53).

Предметом познания и практического освоения человека становились не только материально-вещественные и природные явления, но и другие люди. На основе вычленения человеком себя из окружающей действительности и идентификации с другими людьми формировалось его сознание и самосознание. Ссылаясь на антропологическую концепцию Ж.-Ж. Руссо, К. Леви-Строс выделяет в развитии человечества на ранних этапах его становления «тройное изменение – от естественного состояния к цивилизации, от чувства к познанию и от животного состояния к человеческому». Указанным качественным преобразованиям в образе жизни и психологии первобытного индивида сопутствовало осознание им себя как человека, «отождествление себя с другим – не родственником, не близким, не соотечественником, а просто с любым человеком, поскольку тот является человеком, более того, с любым живым существом, поскольку оно живое. Таким образом, первобытный человек интуитивно чувствовал себя тождественным со всеми другими людьми. В дальнейшем он никогда не забывал свой первоначальный опыт, даже тогда... когда в нем пробуждалась его индивидуальность» (Леви-Строс, 1994, с. 23). Наблюдая за своей собственной жизнью и поведением, за действиями окружающих его людей, человек «постепенно научился признавать особенности других, различать животных по их видам, отличать человеческое состояние от животного, свою индивидуальность от других индивидуальностей» (там же, с. 24).

Этапы эволюции самосознания человека на ранних ступенях человеческой истории рассматриваются Б.Ф. Поршневым. В качестве важного механизма, лежащего в основе развития исторического сознания человека, он выделяет суггестию и контрсуггестию и с этой точки про-

слеживает, как в результате отчуждения от враждебных людям групп (объединений животных предков человека, чужих племен) у человека зарождалось представление о существовании особой общности «они», противостоящей «мы». И только на этой основе происходило постепенное осознание и обособление собственной общности – «мы». Опираясь на материалы из истории первобытного общества и других ранних эпох, Поршнев утверждает, что сознание «мы» нередко выражено здесь очень слабо или вообще отсутствует при наличии ясного осознания, что есть «они». Подтверждением этого является то, что в грамматической структуре языков некоторых первобытных народов есть множественное число, но отсутствует единственное. «Они – это не “мы”, а наоборот: “мы” – это не “они”. Только ощущение, что есть “они”, рождает желание самоопределиться по отношению к “ним”, обособиться от “них” в качестве “мы”» (Поршнев, 1979, с. 81). Это свидетельствует, что исходно «они» осмысливаются гораздо конкретнее и реальнее; с «ними» связано у людей чувство страха от потенциально исходящей от «них» угрозы. «Они» – это «чужие» и враждебные силы, источник опасности. Ссылаясь на этнографические данные, Поршнев указывает на распространенность у австралийских племен эмоций страха, связанных с межобщинной и межплеменной враждой. Колдовству людей другого племени приписывались причины болезней, смертей, несчастий. Более того, первобытный человек считал, что «они» или «чужие» – это «не совсем люди» (там же, с. 82). Противопоставляя себя этим угрожающим их существованию враждебным общностям, люди приходят к осознанию себя как людей: «мы» – это люди. «Самосознание множества племен и народов в переводе означает просто “люди”», – пишет Поршнев¹⁴ (там же). Стремлением отграничиться от враждебных сообществ, отселиться от них Поршнев объясняет происходившее в далеком прошлом расселение народов по разным континентам, возникновение рас, образование различных языковых групп.

Дальнейшая эволюция самосознания включала выделение понятия «вы»¹⁵. «Вы» – это не «мы», ибо это нечто внешнее, но в то же время и не «они», поскольку здесь царит не противопоставление, а известное взаимное притяжение. «“Вы” – это как бы признание, что “они” – не абсолютно “они”, но могут частично составлять с “нами” новую общность» (там же, с. 125–126). Затем появляется осознание «ты» как условие существования «я». Л. Фейербах писал, что только через другого, его видимое и осязаемое бытие, человек познает самого себя. Таков путь исторической эволюции самосознания, включающий процессы противопоставления себя окружению и одновременно идентификацию с ним, осознание себя как субъекта своей жизнедеятельности и формирование на этой основе познавательного отношения к объективному миру и самому себе.

В процессе исторической эволюции развивается и обогащается содержание знания человека, происходит накопление психологических идей и представлений.

Как показывает анализ трудов в области философии, исторической этнографии, психологии (Л.С. Выготский; В. Вундт; Э. Тэйлор; Д.Д. Фрэзер; П. Лефевр и др.) первым *жизненным психологическим* понятием, возникшим на ранних этапах историогенеза человечества, стало понятие «душа». И хотя основой его выделения явилась непосредственная жизненная практика человека, но его определение являлось одновременно результатом осмысления и обобщения многотысячелетнего опыта взаимодействия человека с миром и другими людьми. И в этом плане обнаружение человеком в себе особого внутреннего мира и его феноменологиче-

¹⁴ Спускаясь к еще более древним пластам истории, Поршнев высказывает интересную гипотезу о том, что исходное, «исконное» размежевание с «они», выражалось в противопоставлении людей их биологическим предшественникам: «...первое человеческое психологическое отношение – это не самосознание первобытной родовой общины, а отношение людей к своим близким животноеобразным предкам, и тем самым ощущение ими себя именно как людей, а не как членов своей общины. Лишь по мере вымирания и истребления палеоантропов та же психологическая схема стала распространяться на отношения между группами, общинами, племенами, а там и всякими иными общностями внутри единого биологического вида современных людей» (Поршнев, 1979, с. 82).

¹⁵ «Вы» – «священный пленник» у Дж. Фрэзера (Фрэзер, 1980).

ское (пусть даже очень наивное) описание стало первым и, может быть, самым гениальным открытием человечества, сопоставимым по своему значению с подлинной «научной революцией» в психологии. Появление первого житейского психологического понятия является точкой отсчета в зарождении психологической мысли.

О важности понятия «душа» говорил Л.С. Выготский, призывая психологов к бережному отношению к нему как историческому первоисточку нашего знания о психике. «Иванами, не знающими родства», он называл тех, кто предает забвению древнюю историю психологической мысли, не стремится опереться на прошлое, отгораживается от него. «Мы должны рассматривать себя в связи и в отношении с прежним; даже отрицая его, мы опираемся на него» (Выготский, 1982а, с. 428). И хотя понятие «душа» звучит архаично и, казалось бы, в своем «буквальном смысле неприменимо в нашей науке сейчас», именно оно, по словам Выготского, дало имя нашей науке как учению о душе: «если теперь идея души реакционна, то когда-то она была первой научной гипотезой древнего человека, огромным завоеванием мысли, которому мы обязаны сейчас существованием нашей науки» (там же, с. 429).

О важности накапливаемого у истоков человеческой культуры психологического знания пишет Д.Д. Фрэзер (Фрэзер, 1980). Он отмечает, что, сколь бы варварской, грубой и ложной не представлялась нам сегодня мысль (он употребляет слово «философия») древних людей, она была по-своему «логически последовательной»; «в ней сосредоточилось все, что казалось мудрым во времена, когда мир был еще молод» (там же, с. 297). Фрэзер подчеркивает, что «для практического руководства жизнью эта философия выводит из исходного принципа систему правил, которые в общем и целом гармонируют друг с другом и составляют связное целое» (там же). Ошибочность этой системы знания он видит не в способе рассуждения, характерном для нее, а в наивно-мистическом представлении о природе жизни. Фрэзер считает недопустимым и этически неоправданным презрительное отношение к культуре первобытного общества прежде всего потому, что современное человечество стоит на фундаменте, заложенном предшествующими поколениями, является восприимчивым к безымянным и забытым труженикам, «чей терпеливый поиск и кипучая деятельность сделали нас тем, чем мы ныне являемся» (там же, с. 298). Он пишет, что «мы обязаны нашим грубым предкам, накопившим и передавшим нам по наследству фундаментальные представления, которые мы склонны рассматривать как нечто самобытное и интуитивно данное» (там же).

Накапливаемый опыт деятельности, познания и самопознания приводит человека к попытке выявления причин своих жизненных проявлений, мыслей и действий, своего отличия от других живых существ. И, отвечая на этот вопрос, он выделяет в себе особое начало, названное им душой и наделяемое особыми функциями. Ограниченность исторического опыта и отсутствие на ранних этапах историогенеза рационального знания обусловило мифологическую трактовку психики.

Этимология понятия «душа» подробно рассматривается в работе Э.Б. Тэйлора «Первобытная культура»¹⁶ (1989). Первые шаги в области психологического познания он справедливо связывает с низким уровнем развития человеческой культуры. В этих условиях первичной

¹⁶ Говоря о развитии исторического самосознания человечества, Тэйлор отмечает, что первоначально людей, «стоящих на низкой ступени культуры, всего более занимали две группы биологических вопросов. Они старались понять, во-первых, что составляет разницу между живущим и мертвым телом, что составляет причину бодрствования и сна, экстаза, болезни и смерти? Они задавались вопросом, во-вторых, что такое человеческие образы, появляющиеся во снах и видениях? Видя эти две группы явлений, древние дикари-философы, вероятно, сделали само собою напрашивающееся заключение, что у каждого человека есть жизнь и есть призрак. То и другое, видимо, находится в тесной связи с телом: жизнь дает ему возможность чувствовать, мыслить и действовать, а призрак составляет его образ, или второе «я». И то и другое, таким образом, отделимо от тела: жизнь может уйти из него и оставить его бесчувственным и мертвым, а призрак показывается людям вдали от него». А далее, по словам Тэйлора, дикари делают следующий шаг, объединяя эти два уже выделенных ими представления – «жизнь» и «призрак». «Если то и другое присуще телу, почему бы им не быть присущими друг другу, почему бы им ни быть проявлениями одной и той же души? Следовательно, их можно рассматривать как связанные между собой. В результате и появляется общеизвестное понятие, которое может быть названо призрачной душой, духом-душой» (Тэйлор, 1989, с. 212).

реальностью, осознанной человеком, была реальность его телесной жизни, его биологического существования. И именно это стало точкой отсчета в дальнейшем развитии и углублении самопознания человека¹⁷.

В. Вундт показывает, что, возникнув, представление о душе претерпело у архаичного человека значительную эволюцию. Он предлагает различать ранние представления о душе как о деятельности, неотделимой от тела, связанной с теми или иными его органами (кровью, глазами, сердцем, почками и т. д.), и более поздние ее трактовки как «свободной души» в их различных модификациях: «душа-дыхание», «душа-тень», «душа-образ» (Вундт, 1914).

Этот вывод подкрепляется данными многочисленных этнографических наблюдений. Так, Фрэзер, опираясь на описание жизни и верований примитивных людей, мифологию и суеверия, вскрывает динамику начальных представлений о душе, являющихся своеобразным, отвечающим уровню первобытной культуры обобщением их жизненного опыта. Он показывает, что происходил постепенный переход от телесно-антропологической трактовки души (душа – маленький человечек или зверек, точная антропологическая копия большого человека или зверя, характеризующаяся локализованностью в организме человека, весом, размером)¹⁸ к отождествлению души с отдельными жизненно важными органами тела (сердцем, кровообращением, дыханием), к постепенной дистилляции понятия «душа», его очищению от материальности и превращению в идеальное образование (душа – тень, отражение)¹⁹ (Фрэзер, 1980).

Особый интерес представляют складывающиеся у истоков человеческой истории представления о роли души в жизнедеятельности человека. Душа рассматривалась как сила, определяющая состояние человека, его жизнеспособность, руководящая его мыслями, действиями и поступками. Пребывание души в теле воспринималось как условие и причина его жизни, активности; временный выход души из тела связывался с состоянием сна, безвозвратный же уход – со смертью. Позже Аристотель обозначит душу как животворный источник, силу, оживотворяющую тело.

Согласно воззрениям первобытного человека, душа руководит человеком как активное, действенное начало в нем. Она есть то, что отличает человека от прочих живых организмов. Отсюда многочисленные заговоры, суеверья, обряды, направленные на удержание души в теле²⁰.

¹⁷ Следует отметить, что эта точка зрения совпадает с выводами, полученными при изучении стадийности развития самопознания в процессе онтогенеза, исходной точкой которого является возникновение смутных органических ощущений (Бехтерев, 1888).

¹⁸ Фрэзер приводит свидетельства европейского миссионера, которому австралийский абориген, характеризуя себя, говорит: «Я не один, как вы думаете, а двое... я говорю, что являюсь двумя в одном. Одно – это большое тело, которое вы видите; а внутри его есть другое, невидимое маленькое тело. Большое тело умирает, а маленькое тело после его смерти улетает» (Фрэзер, 1980, с. 205). Индейцы-гуроны убеждены, что душа имеет голову, тело, руки, ноги, т.е. является «уменьшенным подобием самого человека». Эскимосы считают, что «душа обладает такой же формой, как и тело, частью которого она является, только более тонкой и воздушной природы». Индейцы-нутка помещают крошечного человечка-душу в макушку, где он пребывает в вертикальном положении; переход его в горизонтальное состояние приводит к тому, что человек теряет сознание. Описывая душу-человека, малайцы говорят, что она не более пальца, невидима, состоит из тонкой материи, может покидать тело человека – временно во время сна и навсегда после его смерти. Обитатели острова Ниас считают, что размер и вес души сообразен размеру и весу тела человека, может колебаться в определенных пределах, но не превышает 10 граммов (там же, с. 206).

¹⁹ Фрэзер пишет: «Одни народы верят, что душа человека пребывает в тени, другие считают, что она пребывает в его отражении в воде или зеркале» (Фрэзер, с. 218). Он указывает, что, понимая душу как тень, дикари старались избегать тени тех лиц, которых считали опасными. К числу последних относили часто плакальчиков, женщин и особенно свою тещу. Уменьшение тени рассматривалась как признак уменьшения жизненных сил человека или предвестник смерти. Жители экваториальных островов, поэтому, старались не выходить из дома в полдень. Туземцы Новой Каледонии связывают душу с отражением в воде и уверены, что «душа-отражение, будучи внешней по отношению к человеку, подвержена... опасностям... В Древней Индии и Древней Греции существовало правило не смотреть на свое отражение в воде... если человек увидел во сне свое отражение, греки считали это предзнаменованием смерти» (там же, с. 220).

²⁰ На острове Целебес к носу, пупку и ногам больного прицепляют рыболовные крючки, чтобы уходящая из тела душа зацепилась за них и не оставила человека. Во время зевоты индусы щелкают пальцами, чтобы не дать душе выйти через открытый рот. Жители Маркизских островов зажимают нос и рот умирающего, чтобы сохранить его душу в теле (там же).

Обращает на себя внимание тот факт, что, наряду с мистическим в целом характером указанных представлений, в них появляются зерна *рациональных идей* прежде всего касающиеся признания роли психики в жизнедеятельности человека как фактора организации его поведения, мыслей, источника активности.

Таким образом, уже на самых ранних стадиях развития человеческой культуры обнаруживаются попытки осмысления особенностей функционирования и роли психики (души), ставшие базисом развития других форм психологического познания.

Объективированной формой выражения житейских психологических знаний и представлений людей являются создаваемые ими фольклорные произведения – песни, сказания, поговорки, пословицы. В них в обобщенном виде раскрывается то, что волнует человека, является предметом его размышлений, то, как он воспринимает и оценивает разные стороны действительности, что признает ценным и значимым в себе и в других людях и что отвергает, – его идеалы и представления. Бесценным архивом народной жизни назвал их известный исследователь психологии русского народа К.С. Аксаков.

Обоснование важности использования фольклорного материала в качестве источника изучения психологической мысли содержится в ряде трудов историков психологии. Об этом писал Б.Г. Ананьев, считавший, что в коллективных творениях народа «отразилась и закрепились народная мудрость, своеобразная философия практической жизни, представляющая большой интерес для разработки истории психологических представлений и понятий». Особого внимания, по его мнению, заслуживает «этико-психологическая сторона народного эпоса, в которой раскрывается гуманизм русского народа, его свободное от догматизма и мистицизма понимание личности, характера и способностей» (Ананьев, 1947а, с. 33).

Как пишет А.С. Гучас, «при исследовании развития психологических знаний имеется попытка проследить их самые древние и глубокие зачатки. Как один из источников таких знаний указывается народное творчество. Фольклорная традиция народа уходит в древние времена. Следовательно, она может быть источником познания психологических воззрений народа далекого прошлого» (Гучас, 1974, с. 91). Причину нереализованности этого аспекта трактовки народного творчества он видит в трудности установления хронологических рамок возникновения фольклорного материала. Но, может быть, она имеет более глубокие основания – недостаточность внимания к истории своей культуры и осознания ее ценности?

Для устной народной традиции характерен афористический стиль изложения, что объясняется особенностью афоризма как удобной для запоминания формы мысли. Афоризм характеризуется нерасчлененностью смысла, многозначностью выражения. Отсюда вытекает возможность его разнообразного толкования.

Е.А. Климовым и О.Г. Носковой проведен историко-психологический анализ фольклорных произведений (Климов, Носкова, 1992; Климов, Носкова, 2002). В основу исследования положена идея о том, что психологическое знание, вырабатываемое людьми в каждодневной трудовой деятельности и апробированное опытом, имеет практическое значение и характеризуется определенной достоверностью.

Авторы обращаются к анализу раннего периода развития знания о труде, зафиксированного в произведениях фольклора, мифах, «речевых формулах по поводу типичных жизненных ситуаций, ритуалов, обычаев», в заговорах, пословицах, поговорках, в предметах декоративного творчества (Климов, Носкова, 1992, с. 4, 21). Именно эта «аморфная “низшая” разновидность мифов», на их взгляд, наиболее полно отражает корневые потребности и интересы людей, является чрезвычайно устойчивой и воплощается в более поздних продуктах творческой деятельности народа. Народная мифология органично связана с жизнью, вырастает непосредственно из практической хозяйственной деятельности, отражает условия существования людей на различных стадиях общественного развития. Она включает в себя как примитивные

религиозные представления (тотемизм, аниматизм)²¹, так и отфильтрованные и дистиллированные жизненной практикой народа рациональные идеи.

Представляет интерес осуществленный авторами анализ русских пословиц и поговорок, относящихся к сфере труда. Задача, поставленная в исследовании, состояла в выделении содержащихся в пословицах психологических мотивов и идей, соответствующих проблематике современной психологической науки: представлений людей о трудовой деятельности и ее роли в жизни общества и развитии личности; о субъекте труда, его формировании и функционировании; о принципах и способах рациональной организации трудового процесса. Намечены способы психологического изучения этого специфического исторического источника психологической мысли: 1) выделение пословиц, характеризующих сферу труда, его субъекта, организацию и результат трудовой деятельности, отношения, возникающие между ее исполнителями; 2) систематизация, направленная на выявление их семантической структуры; 3) соотнесение поля значений фольклорного материала «с сеткой понятий и проблем психологии труда как отрасли науки»; 4) количественный анализ частоты повторяемости групп пословиц определенного смыслового содержания, дающий материал, «косвенно свидетельствующий о степени их значимости» (там же, с. 41).

Результат проведенной реконструкции психологического знания, содержащегося в пословицах и поговорках, может быть представлен следующим образом:

1. Установлено осознание значимости труда как необходимого условия жизни трудового человека («Бобы – не грибы: не посеяв, не взойдут»; «Масло само не родится» и т. д.).

2. Выявлено нравственное содержание представлений о труде и человеке труда:

- оценка людьми труда как условия формирования добродетелей («Не то забота, что много работы, а то забота, что ее нет»; «Праздность – мать пороков»; «Без дела жить – только небо коптить» и т. д.);
- осмысление связи общественно-ценного труда и здорового образа жизни («Шевелись, работай – ночь будет короче»; «Кто много лежит, у того и бок болит»; «Работай до поту, так и поешь в охоту» и др.);
- определение труда как источника настроения человека, его мироощущения, радости и счастья («Не сиди сложа руки, так не будет и скуки»; «Скучен день до вечера, коли делать нечего»; «Он в святцы не глядит, ему душа праздники сказывает» и др.).

3. Выделены представления об идеальных моделях труда:

- критика непроизводительной трудовой деятельности (например, «Три дня молот, а в полтора съел»);
- утверждения о необходимости и ценности свободного, а не принудительного, подневольного труда («Уходили сивку крутые горки»; «На мир не наработаешься» и др.).

4. Вскрыты идеи, касающиеся нормативов и требований эффективной организации трудовой деятельности:

- чередования труда и отдыха («Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем»; «После дела и гулять хорошо»);
- правильной технологической организации труда (например, «Лежа не работают»);
- необходимости учета функциональных возможностей и состояний работника, их контролирования и управления ими, избегания чрезмерных

²¹ См.: Никольский Н.М. Дохристианские верования и культы днепровских славян. М., 1929.

усилий, переутомления, «призыв к степенности и ритмичности в работе», систематичности и постепенности как условиям длительного сохранения трудоспособности («Ретивый надсадится»; «Горяченький скоро надорвется»; «Лошадка с ленцой хозяина бережет» и др.);

- «важности плана, замысла», проектирования конечного результата труда («Фасон дороже приклада»; «Как скроишь, так и тачать начнешь»; «Не трудно сделать, да трудно задумать»; «За один раз дерево не срубишь»; «Сегодняшней работы на завтра не покидай»);

- умения регулировать работу во времени, правильного отношения к времени («Куй железо, пока горячо»; «Век долог, да час дорог» и др.).

5. Описаны представления о способах организации коллективной деятельности и психологии управления («В согласном стаде волк не страшен»; «У семи нянек дитя без глазу»; «От беспорядка и сильная рать погибает»; «Порядок дела не портит» и др.).

6. Рассмотрены представленные в пословицах мотивы труда («Послал бог работу, да отнял черт охоту»; «Была бы охота, а впереди еще много работы» и др.).

7. Выделены личностные качества, определяющие, согласно сложившимся представлениям, успешность труда:

- волевые («Терпенье и труд – все перетрут»; «Муравей невелик, а горы копает» и др.),

- нравственные – добросовестность, трудолюбие («Дело шутки не любит»; «Делать как-нибудь, так никак и не будет»).

8. Охарактеризованы сложившиеся в общественном сознании мнения о неэффективном труде и его причинах:

- неправильное распределение обязанностей («Один с сошкой, а семеро с ложкой»; «Двое пашут, а семеро руками машут» и др.);

- попытка «одновременного выполнения действий разного содержания», отсутствие концентрированности трудовых усилий на чем-либо одном («Либо ткать, либо прясть, либо песни петь»; «За все братья – ничего не сделать» и др.),

- негативные качества работника – лень («От лени опузырился»; «Кто ленив, тот и сонлив»; «Сонливого не добудишься, ленивого не дошлешься» и др.), болтливость («Работа с зубами, а лень с языком»), неумение достичь нужного результата («У него дело из рук валится» и др.).

9. Выделены сложившиеся в русской культуре представления об индивидуально-психологических различиях субъектов труда, о «взаимосоответствии требований профессии и человека» («Всяк годится, да не на всякое дело»; «Волк – не пастух, свинья – не огородник»; «Молодой – на битву, старый – на думу», «Иной охоч, да не горазд, иной и горазд, да не охоч» и др.), о праве «человека на индивидуальный стиль деятельности, на творческую самостоятельность и своеобразие» («Мас тер мастеру – не указ»; «Всякий мастер про себя смастерит» и др.).

10. Установлены психологические моменты, касающиеся осознания ценности профессионального мастерства и уважения к его носителям («Не кует железо молот, кует кузнец»; «Коли не коваль, так и рук не погань»; «Не учась и лаптя не сплетешь» и др.), понимания необходимости передачи опыта профессиональных умений и знаний, обучения профессиональному мастерству («Учи других и сам поймешь»; «Мудрено тому учить, чего сами не знаем»), признания роли мастера-наставника («Всяк мастер на выучку берет, да не всяк доучивает») (там же, с. 42–45).

Авторы делают вывод, что причины тщательного сохранения народом древних слоев человеческой мысли, а также продолжения их существования в современной культуре,— их глубоко рациональный вневременной смысл и особая функциональная роль в жизнедеятельности человека и общества. Живучесть пословиц и поговорок как чрезвычайно ценного источника народной мудрости обусловлена тем, что они (1) создают наглядный образ, выполняющий функцию «эталона социального поведения»; (2) содержат «диагностические портреты», помогающие разобраться в людях, дать им общественную оценку как членам общества, как труженикам»; (3) носят обобщенный характер и в силу этого пригодны для разных «типовых ситуаций»; (4) имеют глубокий смысл; (5) будучи лаконичными по форме выражения, легко воспринимаются и запоминаются. Характеризуя в целом пословицы и поговорки как источник изучения психологических знаний о труде и трудящемся, Климов и Носкова пишут, что они представляют собой «знаковые (вербальные) орудия для фиксации социального опыта, необходимого для воспитания новых поколений тружеников, для выбора наиболее рациональных способов организации коллективного и индивидуального труда, подбора и оценки работников» (там же, с. 47).

Психологические знания, формирующиеся в древнерусской культуре, представлены также в первых письменных памятниках XI–XVII вв. В работах Климова и Носковой предпринята попытка реконструкции психологического знания о труде и его субъекте в русской летописи «Повесть временных лет» (первая половина XI в.). В качестве материала для исследования служили высказывания о личностных качествах людей в связи с прогнозированием их деятельности.

В частности, в летописи обнаружено, говоря современным научным языком, «описание диагностического исследования личности военачальника, проведенного в целях обоснования государственного прогноза и решения: продолжать ли войну с ним или откупиться любой данью?». Авторы считают, что в тексте источника фактически содержится указание на связь свойств личности и ее поведения в типичных (модельных) обстоятельствах, «идея о связи личности и деятельности»²² (Климов, Носкова, 1992, с. 52).

Анализ других древнерусских памятников также позволяет авторам реконструировать имплицитно представленные в них психологические знания о труде. Так, в «Послании Даниила Заточника к великому князю Ярославу Всеволодовичу» или «Молении Даниила Заточника» (первая четверть XIII в.) содержатся, по сути, «рекомендации» в области «организационного консультирования», ориентированные на коррекцию стиля правления князя и состояния дел в княжестве. Фактически описываются те принципы, которых должен придерживаться руководитель при подборе своих советников. Идеи, касающиеся учета личных качеств человека при выборе направления трудового обучения, выявлены авторами в тексте «Домостроя» (XVI в.). Рассматриваются содержащиеся в «Стоглаве» (XVI в.) правила организации иконописного дела, а также личностные требования, предъявляемые его исполнителям (смирение, кротость, религиозность, отсутствие пороков — завистливости, сварливости, лени, склонности к пьянству и т. д.). Подчеркивается, что, по сути, в них идет речь о составлении личностных «психограмм» (там же, с. 52–53).

²² Этот вывод основан на рассмотрении фрагмента летописи, описывающего войну Святослава с греками, в которой Святослав одержал победу. В связи с этим царь греков формулирует на военном совете проблему: «Что створим, яко не можем противу ему стати?» Его участники предлагают всесторонне оценить личность Святослава: его интересы, склонности, характеристики. Для этого принято решение направить к Святославу мудрого посланца («мужа мудра»), вменив ему в обязанность тщательно изучить поведение военачальника, выяснить его отношение к дарам («Глядай взора и лица его и смысла его»). Результат миссии показал, что Святослав равнодушен к богатству — золоту, драгоценностям, но очень с большим интересом относится к оружию. В соответствии с этим было принято решение прекратить с ним войну и принять любые его условия («Лють се муж хочеть быти, яко же именья не брежеть, а оружие емлет; имися по дань») (Климов, Носкова, 2002, с. 268).

Представляет интерес также попытка вычленения особенностей профессиональной деятельности и самосознания ремесленников древней Руси на основе анализа их материальной и духовной культуры (расселения в городах по профессиональному принципу, создания патрональной церкви, разработки ремесленных уставов, регламентирующих формы и способы работы, взаимоотношения в цеховых организациях, зарождения мануфактур и т. д.).

Важным стимулом развития психологической мысли является практика, которая выступает сферой накопления житейских психологических представлений, ставит перед психологией задачи, обнаруживает актуальные зоны ее прикладных разработок.

В книге «Психологическая мысль России: век Просвещения» (2001) основным предметом изучения являлись житейские психологические знания, возникающие в различных сферах практической деятельности людей. Такая предметная направленность была обусловлена состоянием психологии того времени, еще не выделившейся в самостоятельную научную дисциплину, в связи с чем накопление психологической феноменологии осуществлялось в других, уже сложившихся науках либо в реальной практической деятельности человека. Соответственно, в книге исследовались деятельность и взгляды педагогов и учебных центров (В.А. Кольцова; Б.Н. Тугайбаева), медицинская и юридическая практика (Ю.Н. Олейник), военное дело и ремесленное производство (Е.А. Климов; О.Г. Носкова), сфера религии (В.А. Елисеев). Было показано, что в каждой из этих областей практики был накоплен богатый и разнообразный материал, касающийся понимания личности, ее свойств и факторов развития.

В работе Ю.Н. Олейника подчеркивается, что именно в этот период в русской культуре «складываются объективные предпосылки актуализации интереса к познанию индивидуально-психологических особенностей человека, происходит осознание проблемной ситуации в данной области. Возрастание интереса к человеку, усиление антропологических тенденций в русской культуре стимулировалось, согласно мнению автора, особенностями социально-экономических преобразований, происходивших в России под влиянием петровских реформ. Так, многочисленные войны и освоение новых земель, вошедших в XVIII в. в состав российского государства, требовали мобилизации всех людских ресурсов, что стало причиной зарождения практики учета населения, его демографического состава, фиксации профессиональной принадлежности и уровня мастерства работающей прослойки общества²³. «Все эти мероприятия выступали предпосылкой осознания обществом ценности отдельного человека, возрастания его значимости в жизни государства» (Олейник, 2001, с. 164).

Усиление ориентации на личностное и индивидуально-психологическое знание о человеке выявлено и в области медицинской практики. Этому благоприятствовала политика государства по сохранению и увеличению «здравия» народа, ориентированная на воспроизводство физически и психически крепкой и жизнеспособной популяции людей²⁴. Автор делает вывод, что осуществление государственных мер, направленных на решение этих задач, «приводило к утверждению основ индивидуального подхода к больному в медицинской науке» (там же, с. 165). Особенно значимым в этом контексте представляется введение в медицинских учреждениях историй болезни, включающих описание их течения и методов лечения, анамнестические сведения о больных, а в случае их смерти – данные патологоанатомического вскрытия

²³ Согласно Указу 1702 г. «О подаче в Патриарший Духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших», предписывалось проведение регистрации браков, рождений, смертей, составление церковных списков населения с указанием пола, возраста прихожан и их сословной принадлежности. В специальных отчетных ведомостях, составляемых Берг-, Мануфактур- и Коммерц-коллегиями под руководством Сената, фиксировались поименные сведения о профессиях и специальностях рабочих, составлялись списки мастеров по каждой профессии. Начинаясь подушные переписи податного населения (Плосико, Елисеева, 1990).

²⁴ В Указе 1722 г. в качестве обязательного условия бракосочетания указывалась «правильность сознания», запрещались браки с «дураком» (слабоумным); сумасшествие (согласно Синодскому указу от 22 марта 1723 г.) выступало основанием и для расторжения брака. Вводилась практика медицинского освидетельствования состояния психического здоровья. Учреждалась опека над безумными и сумасшедшими.

(Инструкция 1753 г.). Примечательно появление в это время специальных законодательных и нормативных документов, вменявших в обязанность медиков фиксацию индивидуальных особенностей течения болезни²⁵ и предусматривающих их поощрение за качественное выполнение этих предписаний. Умение детального описания хода болезни становится одним из критериев присвоения лекарского или докторского звания. «Таким образом, врачебная практика в России XVIII века, с одной стороны, формировала потребность в знаниях о конкретном человеке, а с другой – способствовала увеличению числа людей, по роду своей деятельности занимавшихся изучением индивидуальности человека, накоплением и обобщением сведений об индивидуально-психологических особенностях людей, разрабатывавших детализированные схемы описания психологических различий» (там же, с. 166).

Важной сферой накопления индивидуально-психологического и личностного знания, согласно Олейнику, выступала также законодательная и юридическая практика. Обращение к материалам юриспруденции позволяет выделить в них ряд тенденций, характеризующих рассматриваемую проблему.

Во-первых, установлен факт «фиксации в юридических документах *личного достоинства граждан как ценности и защиты государством личной неприкосновенности граждан*» (там же, с. 166). Так, согласно Указу 1701 г., в обращениях народа к государю предписывалось указывать «полные», а не уничижительные имена, как это было ранее. Проявлением тенденции защиты достоинства личности государством было изъятие из ведения фискалов дел о личных обидах и юридическое закрепление ответственности за ложные доносы (Указ от 17 марта 1714 г.). С 1716 г. к числу преступлений против чести человека причисляются клевета и изнасилование. В 1775 г. учреждаются «совестные суды», осуществляющие правосудие не на основании законов, а опираясь на принципы естественной справедливости. Им вменялось рассмотрение широкого круга вопросов (непреднамеренные преступления, совершенные безумными или малолетними, случаи колдовства и т. д.). В учебнике В.Н. Латкина по истории русского права отмечается, что в Указе зафиксирована и получила отражение идея значимости личной безопасности «каждого верноподданного» для монарха. Гуманистический характер имели принципы, лежащие в основе деятельности «совестного суда»: «1. Человеколюбие вообще. 2. Почтение к особе ближнего, яко человеку. 3. Отвращения от угнетения или притеснения человечества» (цит. по: Олейник, 2001, с. 167).

Свидетельством осознания ценности личности автор считает также появление в законодательстве XVIII в. статей о незаконнорожденных детях, введение санкций за убийство детей, приравняваемых к наказаниям за убийство взрослого человека.

Во-вторых, в законодательную практику XVIII в. вводятся нормы дифференциации и индивидуализации наказания. Оговариваются условия, определяющие силу наказания – увеличивающие его или смягчающие (состояния опьянения и аффекта, «служебная ревность», возрастные характеристики подсудимых – несовершеннолетний и престарелый возраст, их психический статус, случаи рецидива). Автор ссылается на мнение С.И. Викторского, согласно которому «устепенять более детально вину и наказание законы начали не раньше, чем личность стала пониматься как нечто самостоятельное» (Викторский, 1912, с. 172).

Подтверждение растущего осознания обществом ценности человеческой личности Ю.Н. Олейник видит в научно-мировоззренческих позициях русских просветителей и практиков. «Так, Феофан Прокопович вводит в русскую общественно-политическую фразеологию термин

²⁵ Согласно Инструкции от 5 февраля 1754 г., младшие доктора Генеральных госпиталей обязывались «держатъ для каждаго больного особливый обстоятельный журнал до совершенного окончания болезни выздоровлением или смертию», а «Генеральный регламент о госпиталях и о должностях при них» (24 декабря 1735 г.) обязывал подлекарей и учеников фиксировать «болезни и пользование их... дабы оные впредь к пользе своей прислуживатися могли б и видно бы было, как больного лечили», госпитальных лекарей – «держатъ книгу и записывать все от доктора учрежденные лекарства», а госпитального доктора – контролировать выполнение этих предписаний (цит. по: Олейник, 2001, с. 165).

“общая польза” как выражение основного идеологического принципа государства и господствующего класса. Его утверждение в общественном сознании приводило к пониманию значения и роли личностных качеств человека вне зависимости от его сословного происхождения; мерилom ценности человека становится критерий общественной пользы его индивидуальных свойств и особенностей поведения» (Олейник, 2001, с. 168–169). В работах В.Т. Золотницкого подчеркивается роль самопознания человека, осознания им своих природных способностей как условия правильного, соответствующего его природным дарованиям, выбора сферы деятельности. Важность учета индивидуальных особенностей человека в практической деятельности отмечали и русские врачи. Например, профессор Московской госпитальной школы П.И. Погорельский писал, что знания об индивидуальных особенностях больного помогают проникнуть во внутреннюю природу человека и являются значимыми для любого врача. Игнорирование этого аспекта врачом оценивалось им как проявление непрофессионализма. При этом особенности больного не исчерпываются, в его понимании, только индивидуально-психологическими характеристиками, но включают также рассмотрение, говоря современным научным языком, как их генетических, природных предпосылок, так и национально обусловленных свойств. О необходимости отказа от стандартных способов лечения и его организации в соответствии с возрастом, полом, темпераментом и образом жизни людей говорил известный русский клиницист XVIII в. К.И. Щепкин.

Ю.Н. Олейник делает вывод, что «на протяжении XVIII века в русском обществе формировалось и последовательно укреплялось понимание ценности человека, признание гражданских и юридических прав отдельной личности, происходило утверждение индивидуального подхода и осознание важной роли индивидуально-психологических различий людей в разных сферах общественной практики. На этой основе в общественном сознании возрастал интерес к проблеме индивидуально-психологических различий людей, возникали новые подходы в познании человека, в понимании личности и индивидуальности, шло активное развитие самосознания людей» (там же, с. 169).

Исследование Ю.Н. Олейника – одно из немногих, в котором реконструкция психологической мысли осуществляется на основе анализа материалов социальной и политической жизни общества, и в этом плане оно имеет не только конкретно-научное, но и методологическое значение.

При изучении развития психолого-педагогической мысли в России в XVIII в. объектом рассмотрения выступали работы русских педагогов, воспитателей (Кольцова, Тугайбаева, 2001). Исследование показало, что разработка психолого-педагогических проблем была непосредственно связана с разворачивающейся в период Просвещения реформой образования, развитием и укреплением системы учебно-воспитательных учреждений. Наряду с просветительскими западно-европейскими идеями, большую роль в развитии психолого-педагогической мысли этого времени сыграли работы русских педагогов-практиков: И.И. Бецкого, Ф.И. Янкович де Мириево и др. Известный русский педагог И.И. Бецкой выдвинул идею целостной гармоничной личности, формирующейся под влиянием комплекса воздействий, утверждал, что сам по себе разум еще не составляет достоинств человека, а становится таковым только в связи с его нравственным развитием. «Один украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает, есть ли кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях и твердо оные в сердце его не вкоренены...». Он ставит вопрос о важности формирования социальной позиции человека, воспитании его как гражданина (Бецкой, 1766б, с. 150). Бецкой подчеркивает роль семьи и социально-психологических внутрисемейных отношений как необходимого условия развития у детей нравственно ценных качеств и склонностей. Он пишет, что долг родителей детям своим те же «прямые и основательные воспитательные правила в сердце вселить, какие получили они сами...» (там же, с. 151). Обращаясь к проблемам психического

развития ребенка, Бецкой дает его периодизацию. Он доказывает, что возникновение речи существенным образом изменяет психический облик ребенка: «двух лет, или около того, чувствительная в детях происходит перемена. Они начинают понимать, рассуждать, помнить и прочее» (Бецкой, 1766а, с. 13). Представляет интерес разработанный Бецким, утопический по своему характеру, проект создания интеллектуальной элиты российского общества – «новой породы людей», лишенных пороков и недостатков, призванных быть максимально полезными для своего Отечества, носителями идей Просвещения. Целенаправленное формирование этого нового типа личности требует, согласно Бецкому, создания благоприятных условий, в том числе здоровой среды общения. В качестве путей реализации намеченной программы Бецкой предлагал помещать детей в возрасте 5–6 лет в изолированные от внешнего окружения учебные заведения, где бы они пребывали «безвыходно» до 18–20 лет, избавленные от дурного влияния семьи, и не имея «ни малейшего с другими сообщения» (Бецкой, 1766б, с. 151). Большое внимание уделял мыслитель и личности учителя, видя в этом важное условие и предпосылку эффективности воспитательного процесса. Он дает психографическое описание учителей и воспитателей, указывая, что «им надобно быть всем известной и доказанной честности и нравочения, а поведение их, нравы должны быть наперед ведомы и непорочны; особливо же надлежит им быть терпеливыми, рассматрительными, твердыми и рассудительными, одним словом, таковыми, чтобы воспитывающееся юношество любило их и почитало и во всем добрый от них пример получало» (там же, с. 152).

В исследовании Е.А. Климова и О.Г. Носковой выявлены психологические знания о труде, представленные в работах практиков – общественных деятелей, военачальников, инженеров (Климов, Носкова, 2001). В качестве примера можно привести представленные авторами результаты реконструкции психологического знания о субъекте профессиональной деятельности, содержащегося в работах выдающегося русского полководца А.В. Суворова. Исследование системы его взглядов и практической военной деятельности позволило выделить ряд важных выдвинутых им проблем, относящихся к области психологии труда. Большое внимание Суворов уделял вопросам формирования и организации деятельности воина, подготовки рекрутов, формирования их ратных навыков, т. е., согласно современной научной терминологии, – проблеме профессионального становления и развития. Обеспечению целенаправленности процесса подготовки молодого бойца способствовали сформулированные Суворовым предписания, касающиеся поведения бойца, его психического состояния и личностных характеристик. Солдат, согласно выдвинутым им требованиям, должен обладать развитым самосознанием, способностью правильно оценить свои чувства, психические состояния, а также мысли и переживания других людей – противников или соратников, людей, равных себе по статусу, и начальников. Чрезвычайно важны в психологическом отношении сделанные им описания военной деятельности, ее влияния на состояние и личностные характеристики воинов. К числу важных регуляторов поведения и деятельности бойца Суворов относил и нравственные нормы. Оценивая эти и другие психологические взгляды полководца, авторы пишут, что «психологическую концепцию военного труда и подготовки профессионала, созданную А.В. Суворовым, можно было бы назвать оперативной, так как она, во-первых, существует для него как промежуточный продукт, определяющий его собственные военные решения, предписания, действия; во-вторых, целенаправленно обслуживает собственно активное исполнительско-практическое поведение в динамических условиях (как военачальника, так и солдата)» (там же, с. 230).

Исследование роли житейского психологического знания о труде и трудящемся как результата осмысления и рефлексии человеком своего жизненного практического опыта и его влияния на становление психологии труда как научной дисциплины представлено в кандидатской диссертации О.Г. Носковой (Носкова, 1986).

Объектом изучения в ней выступали содержащиеся в русских периодических изданиях и журналах профессиональной направленности публикации специалистов-практиков разных сфер деятельности: земских врачей, инженеров, фабричных инспекторов, учителей. Целью работы являлось: (1) выявление и рассмотрение практического запроса к психологии на основе описания спектра значимых социальных задач, возникающих в различных сферах жизнедеятельности русского общества конца XIX–начала XX вв., требовавших привлечения знаний о труде и трудящихся; (2) анализ способов их решения (внедрения психологических идей); (3) выявление «исследовательских ситуаций» в самой психологической науке России этого времени и в смежных с ней научных дисциплинах. К числу осознанных обществом и требующих психологического обоснования социально-важных практических проблем О.Г. Носкова относит подготовку профессионалов, проектирование и организацию труда, управление персоналом и пр., устанавливая их аналогию с проблемным полем современных психологических дисциплин: инженерной психологии, эргономики, психологии труда, психологии управления, организационной психологии, профессиональной педагогики.

Выявленные и проанализированные О.Г. Носковой психологические идеи специалистов-практиков, включающие знание о труде и трудящемся, различаются, как глубиной осмысления рассматриваемых вопросов, так и способом их освещения, представляя с этой точки зрения разнообразные варианты – «от понятий обыденной речи, опирающихся на здравый смысл автора, систематизацию профессионального опыта, до рефлексии недостаточности этих познавательных средств, призывов к научному исследованию практических проблем и даже разработке программ специальных прикладных психологических дисциплин (“Железнодорожная психология” И.И. Рихтера, 1895, “Прикладная эргометрия” А.Л. Щеглова, 1909 и др.)» (там же, с. 40). В работе делается вывод о стимулирующей роли практики в развитии научного психологического знания, доказываясь, что система психологического знания о труде и трудящемся, возникшая в предреволюционной России, отражала объективные потребности разных сфер общественной жизни и выступала в качестве основания развития наук о труде в 20–30-е годы XX в.

Обоснование рассматриваемого положения представлено в книге А. Гилгена, К. Гилген, В.А. Кольцовой и Ю.Н. Олейника «Развитие советской и американской психологии в годы второй мировой войны» (Gilgen, Gilgen, Koltsova, Oleinik, 1997). Проведенный авторами анализ книг и периодических изданий (психологических и непсихологических), рассмотрение основных направлений развития психологии военного времени, позволил выявить ряд важных моментов.

Показана детерминирующая роль общественной практики в развитии психологической науки. Выделены и исследованы разнообразные формы взаимодействия науки и практики, включающие как исследования, выполняемые непосредственно по заказу государственных органов, отвечающие насущным потребностям общества, так и инициативные прикладные психологические разработки, осуществляемые учеными и практиками. Примером прикладного психологического исследования, выполненного в годы войны непосредственно по заказу высших директивных органов, является разработка рекомендаций по цветомаскировке наиболее ценных архитектурных памятников Ленинграда, осуществленная группой психологов под руководством Б.Г. Ананьева в последние предблокадные месяцы (см.: Каничева, Ярмоленко, 1985). Образцом инициативной работы, отвечающей практическим потребностям времени, выступает труд Б.М. Теплова «К вопросу о практическом мышлении. (Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам.)»²⁶, написанный

²⁶ Под этим названием работа была опубликована в 1945 г. (Ученые записки МГУ, № 90). В других изданиях она имела иные заглавия: «Ум и воля военачальника» (в журнале «Военная мысль» в 1943 г.); «Ум полководца» (в двухтомном издании работ автора: Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961).

в 1943 г. и посвященный исследованию особенностей деятельности военачальника (Теплов, 2003б)²⁷. Можно было бы привести еще много подобных примеров.

Особое место в системе психологического знания периода Великой Отечественной войны занимают работы практиков, которые в поисках решения поставленных временем задач обращались к рассмотрению психологических проблем. Речь идет о многочисленных публикациях в периодике кадровых военных, пытавшихся осмыслить роль человеческого фактора в боевой деятельности, предложить рациональные приемы психологической подготовки бойцов, укрепления и поддержания их боеготовности и морально-психологического состояния. Примечательно, что в этих публикациях выдвигались и обсуждались де-факто проблемы, которые де-юре были запрещены в психологической науке. Например, многие публикации носили социально-психологический характер и были посвящены рассмотрению взаимодействия членов воинских коллективов разных уровней, проблем психологии руководства, массовидных психических состояний. В работах учителей и воспитателей в журналах психолого-педагогической направленности поднимались вопросы, касающиеся эмоционального состояния детей, организации жизни детского коллектива, способов психологической помощи и реабилитации ребенка, подвергнувшегося травматизирующему воздействию стрессогенных факторов военного времени.

Характеризуя в целом вклад практиков в развитие психологической науки в годы войны, можно отметить, что они фактически обнажали и озвучивали наиболее актуальные зоны практического приложения психологических знаний, формулировали первоочередные задачи психологии, предоставляли для научного осмысления ценный эмпирический материал. Работы психологов-практиков выступали, таким образом, *формой оперативной и действенной связи психологической науки с жизнью*. В развитии советской психологии их влияние особенно значимо еще и потому, что они убедительно демонстрировали общественную потребность в психологическом знании и практическую значимость психологических разработок, внося тем самым важную лепту в восстановление статуса психологической науки, утраченного в ходе предвоенных идеологических дискуссий (Gilgen, Gilgen, Koltsova, Oleinik, 1997).

Огромный материал, отражающий место и роль житейских психологических знаний в становлении и развитии научной психологии, содержится в книге Е.А. Будиловой «Социально-психологические проблемы в русской науке» (Будилова, 1983).

Определяя замысел своей работы, Е.А. Будилова опирается на два основных методологических положения. Первой опорной точкой выступают методологические установки системного подхода, который применительно к анализу развития психологической науки «предполагает всестороннее изучение ее истории, ее множественных связей с общественно-историческими условиями, а также связей с другими науками. Он охватывает изучение того, как шло познание различных качеств психического в разных теориях и областях практики...» (там же, с. 3). Последовательная реализация принципов системного подхода в историко-психологическом исследовании, по мнению Будиловой, ведет к расширению тематики исторических работ и «открывает новые линии, по которым шло развитие психологии в России, а это позволяет вести разработку новых пластов действительности, ставит перед историками науки новые задачи» (там же).

Второе методологическое основание работы – признание общественной практики в качестве важнейшей детерминанты становления и развития психологической науки. В связи с этим

²⁷ Вот как об этом впоследствии пишет сам Теплов: «Работа эта была начата в 1942 г., закончена в начале 1943 г. Автор этой работы получил в молодости некоторое военное образование и ряд лет работал в армии. Ему казалось, что он может использовать свои военные знания для того, чтобы попытаться дать некоторый анализ психической деятельности военачальника – задачи, имевшей острое практическое значение в годы Великой Отечественной войны» (цит. по: Гусева, Теплова, 2003, с. 370).

одним из аспектов исследования становится рассмотрение вклада специалистов-практиков в разработку проблем психологии.

Предметом исследования Е.А. Будиловой является зарождение социально-психологического знания в разных областях науки и практики. Так, становление юридической психологии в России во второй половине XIX в. определяется ею как «ответ на требования теории и практики судебного дела», обусловленные, в свою очередь, новым порядком судопроизводства, устанавливающимся в послереформенной России. На этом фоне возрастает интерес юристов к психологии, которые видели в ней источник знания о закономерностях поведения человека. Они опирались на психологию, разрабатывая проблемы субъекта преступления, его психического состояния, определяя нормы и принципы индивидуализации преступного деяния. Серьезные психологические проблемы актуализируются и становятся предметом осмысления и учеными-юристами, и практическими работниками в сфере судопроизводства в связи с введением института присяжных заседателей: «...коллективность решения присяжных и его мотивация, зависимость группового решения от социального состава присяжных и его социально-психологических особенностей, правосознание присяжных и действующие правовые нормы и ряд других» (там же, с. 54). Особое внимание практиков привлекал вопрос выработки общего и объективного решения людьми, различающимися по своему опыту и индивидуальнопсихологическим характеристикам.

Будилова ссылается на работу юриста А.М. Бобрищева-Пушкина²⁸, в котором делается упор на выявлении психологической составляющей деятельности присяжных. В работе подчеркивается важность психологии для юридической практики. По сути, предметом исследования юриста-практика выступала сугубо психологическая проблема – правосознание присяжных и его роль в психологии присяжных. Тщательному анализу Бобрищев-Пушкин подверг 716 процессов и 1508 вынесенных по ним вердиктов. Наряду с собственно юридическими параметрами (особенности дела, характер преступления и т. д.), он учитывал мотивацию решений присяжных, их мнения и оценки по поводу рассматриваемых дел, фиксировал протекание их коллективных обсуждений. Для обработки данных им использовались также количественные методы. Был выявлен ряд интересных и практически значимых закономерностей. Установлено, что мотивы действий присяжных могут определяться характером преступления, особенностями личности подсудимого, протеканием слушания дела, личным составом присяжных. Важной детерминантой принятия решений Бобрищев-Пушкин считает правосознание присяжных. Им рассмотрены оправдательные приговоры, выявлена их зависимость от социального состава судов, места их нахождения (столица, провинция), категории дел. Обнаружен интересный факт – влияние предыдущих, принятых в тот же день решений на последующие, что на языке научной психологии может быть определено как феномен установки. Сам Бобрищев-Пушкин объясняет выявленную им зависимость эффектом возникновения коллективного настроения и его влиянием на всю группу присяжных.

В работах другого юриста-практика²⁹ Л.Е. Владимирова подчеркивается, что присяжные оценивают и судят целостного человека, а не отдельное деяние. Поэтому, с его точки зрения, важно ввести в судебный процесс обязательное медико-психологическое обследование подсудимого, проводимое специально подготовленными врачами-психологами. Предметом психологического исследования должны стать состояние психического здоровья подсудимого («психической недостаточности», «уменьшенной вменяемости»), сфера его чувств, воли, мотивов, умственных процессов. Особое внимание обращается на изучение нравственной стороны личности преступника как «существа общежительного» – его отношения к самому себе и к ближ-

²⁸ Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1898.

²⁹ Владимирова Л.Е. Суд присяжных: Условия действия института присяжных и меры разработки доказательств. Харьков, 1974; Психические особенности преступников по новейшим исследованиям. Харьков, 1877; Психологическое исследование в уголовном суде. М., 1901.

нему, «жалости» или «безжалостности». Преступление рассматривается как явление «психо-социальное», в связи с чем обосновывается необходимость изучения социальной стороны каждого правонарушения, включающей учет расовой, сословной, профессиональной принадлежности преступника, его семейного положения, круга общения.

Предлагается использовать широкую совокупность методов: учет наследственных данных, проведение антропологических, физиологических исследований, применение тестов, выявление степени внушаемости человека. «Чужая душа не всегда потемки. Научная психология дает свет», – пишет Владимирова (1901, с. 262)³⁰.

В работе журналиста и исследователя Сибири Н.М. Ядринцева³¹ представлены результаты наблюдения заключенных, их опросов, полученные автором во время трехлетнего пребывания в ссылке. Приводятся психологические описания различных групп заключенных, вводится понятие «тюремная община», рассматривается ее влияние на поведение преступников, выявляются особенности коллективной жизни острога, ее иерархической социально-психологической структуры, традиций, системы отношений, складывающихся между сокамерниками. Высказывается важная мысль о том, что преступником человека делают особые жизненные обстоятельства. Исходя из признания роли общения в жизни человека, делается вывод о тяжести одиночного заключения, описываются возникающие в этих условиях у человека психические состояния. Наряду с общением в качестве важного фактора объединения людей в тюремное сообщество называется деятельность. Ядринцев описывает разнообразные способы удовлетворения потребности человека в деятельности, те специфические занятия, которыми осужденные замещают отсутствие возможности трудиться. Он делает заключение о важности труда в жизни человека, о стремлении удовлетворить эту базовую потребность.

Важной сферой накопления социально-психологической мысли, исследуемой Е.А. Будиловой, выступала также военная психология, которая, «как и все прикладные отрасли психологии, всегда была связана с теорией и методами общей психологии своего времени, представляя их приложение в той или иной области человеческой деятельности, и вместе с тем развивалась подобно другим прикладным отраслям исходя из потребностей специальной области человеческой деятельности – военного дела, его теории и практики» (Будилова, 1983, с. 88–89). И хотя зарождение военной психологии как особой области знания в России датируется Е.А. Будиловой 80–90-ми годами XIX в., одновременно подчеркивается, что ему предшествовала длительная история развития военно-психологической мысли в работах многих известных военных деятелей. В качестве объективных запросов практики, стимулировавших становление в пореформенной России этого направления психологии, выделяются создание массовой и многонациональной по своему составу армии, введение непрерывной профессионально-военной подготовки, актуализация проблем идеологической работы и совершенствования методов социально-психологического руководства в армии в условиях роста социальных противоречий в России того времени. На формирование военной психологии влияло развитие общей и социальной психологии. Результатом явилось появление огромного массива общих и специальных военно-психологических работ (более 120)³² (там же, с. 90). Причем значительная часть этих работ была подготовлена военными специалистами, опирающимися в первую очередь на осмысление и обобщение практического опыта военного руководства. В качестве примера Будилова приводит труды известного военного деятеля М.И. Драгомирова³³. В них рассматривается широкий круг психологических и социально-психологических проблем: доказывається

³⁰ Цит. по: Будилова, 1983, с. 62.

³¹ Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.

³² Наиболее значимыми в военной психологии конца XIX–начала XX вв. были работы М.И. Драгомирова, А. Зыкова, Н.Н. Головина, А. Резанова, Н.А. Ухач-Огоровича, Г. Шумкова и др.

³³ Драгомиров М.И. Сборники оригинальных переводных статей. СПб., 1895; Подготовка войск в мирное время (воспитание и образование). Киев, 1906.

зависимость характера отношений между людьми от рода их занятий; проводится анализ боевой деятельности и лежащих в ее основе психологических начал – «самосохранения» (природного инстинкта, руководящего человеком) и «самоотвержения» (духовной силы, направленной на преодоление этого инстинкта); раскрываются основные направления воспитательной работы в армии (формирование волевых качеств бойцов, их активности и самостоятельности в постановке и достижении цели); обосновываются значимость коллективной воинской жизни и организующая роль совместных боевых действий как источников развития личности бойца, его поведения; ставится вопрос о задачах управления армией. Сугубо психологические проблемы мы обсуждаются также в работе кадрового военного, участника русско-японской войны К. Дружинина³⁴: подчеркивается роль настроения бойцов как фактора боеготовности и его обусловленность результатами предшествующих сражений, общей ситуацией на фронте; раскрывается зависимость психологического состояния бойцов от характера военных действий – наступательных или оборонительных, совместных или осуществляемых в одиночку; обосновывается влияние общения бойцов, их взаимной поддержки на укрепление воинского духа и т. д.

Высоко оценивая указанные психологические идеи, отражающие актуальные потребности жизни и рожденные непосредственно в сфере практики, Будилова дает их взвешенную и объективную характеристику – «беспомощность в теоретических вопросах и обилие жизненных наблюдений» (Будилова, 1983, с. 6).

Эти и многие другие примеры, рассматриваемые в работе Е.А. Будиловой на основе исследования материалов, накопленных в различных сферах практической деятельности, показывают, сколь широк и разнообразен был спектр социально-психологических проблем, разрабатываемых специалистами-практиками, какой богатый эмпирический материал они доставляли психологической науке.

* * *

Проведенный анализ свидетельствует об огромной роли, которую играют житейские психологические представления в развитии психологического знания.

Они являются исторически первой формой психологического знания, зарождаются на самых ранних этапах эволюции человеческого общества и продолжают свое развитие в течение всей его последующей истории.

Житейское психологическое знание непосредственно включено в жизнедеятельность человека, возникает в связи с насущными потребностями его бытия и апробируется самой жизненной практикой. Укорененность обыденного психологического знания в жизни человека определяет его действенность, вневременной смысл и высокую практическую значимость.

Житейские психологические знания опираются на здравый смысл и являются обобщением многократно наблюдаемых проявлений психических феноменов, поэтому они содержат в себе важное рациональное знание. Однако пространство житейских психологических знаний не исчерпывается рациональной мыслью; оно охватывает широкий спектр психологических идей – осознанных и бессознательных, имплицитных и эксплицированных, оформленных и существующих в латентном состоянии.

Основные сферы их существования – произведения народного творчества, связанные с осмыслением человеческого опыта (поговорки, пословицы, исторические песни и сказания и т. д.), этнографическая культура народа (традиции, обычаи), психологические представления, накапливаемые в различных областях жизни людей, в работах специалистов-практиков.

³⁴ Дружинин К. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1910.

Многогранны функции, выполняемые житейским знанием в познавательной и социальной сферах жизни общества. Они формулируют социальные образцы поведения, вооружают человека на бытовом уровне эталонами понимания и оценки социальных и психологических явлений, являются средством фиксации исторического опыта познания психических явлений.

Тесно связанные с реальным бытием человека, рожденные непосредственно в жизненной практике и потому чрезвычайно чувствительные к ее насущным потребностям и интересам, житейские психологические представления выступают в роли своеобразного социального заказа, обращенного к психологической науке. Они обнажают и озвучивают наиболее актуальные зоны научного поиска и практического приложения фундаментальных психологических знаний, формулируют на бытовом языке первоочередные задачи психологической науки.

Нередко опережая психологическую науку в постановке и разработке тех или иных проблем психологии, они тем самым предоставляют для научного осмысления ценный эмпирический материал, стимулируют развитие психологической науки. Проникая в науку, житейские представления могут стать источником возникновения в ней инновационных тенденций, осуществления важных открытий. Вместе с тем, испытывая влияние со стороны фундаментальной науки и пытаясь «понять» ее идеи, житейские знания озвучивают их на простом языке, делают их доступными массам и в силу этого фактически выполняют функцию популяризатора научного знания, фактора формирования психологической культуры общества. Все сказанное позволяет определить житейские психологические представления в качестве важной сферы накопления и существования психологического знания, формы оперативной и действенной связи психологической науки с жизнью.

Искусство как важный источник психологического познания

К числу исторически ранних форм психологического познания относится его развитие в *русле искусства*, являющегося художественной формой отражения и воплощения системы психологических представлений человека.

Общественно-историческая природа и обусловленность искусства глубоко обоснованы Г.В. Плехановым (см.: Кольцова, 1981). Истоки эстетических суждений и понятий, представлений о красоте лежат в практической жизнедеятельности людей, определяются уровнем их бытия. Согласно Плеханову, «общественный человек» сначала смотрит на предметы и явления с утилитарной точки зрения и только впоследствии переходит на точку зрения эстетическую. «Разумеется, не всякий предмет кажется общественному человеку красивым; но, несомненно, что красивым может ему казаться только то, что ему полезно, т.е. что имеет значение в его борьбе за существование с природой или с другим общественным человеком» (Плеханов, 1928а, с. 118). Так, приводя в качестве примера историю возникновения украшений, Плеханов отмечает, что первоначально они выполняли сугубо практическую функцию, являясь свидетельством храбрости, ловкости и силы человека, и только позже и на этой основе они обрели самостоятельный эстетический смысл (Плеханов, 1928б). Подобная же тенденция выявляется им при исследовании истории возникновения и эволюции живописи, моды и других общественных явлений.

Главной задачей искусства на всех этапах его развития является раскрытие многообразных проявлений человека в различных ситуациях его взаимодействия с миром. На это направлены в равной мере как первые наскальные рисунки (отражающие сцены совместной охоты, те или иные ритуальные действия), так и необыкновенно глубокие по своему психологическому содержанию художественные произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, Э. Золя, Г. Флобера, Ч. Диккенса и других классиков мировой литературы. Раскрытие внутреннего мира человека выступает и сегодня в качестве главной цели и домини-

рующей направленности произведений искусства, и чем глубже и полнее удастся художнику решить эту задачу, тем большую ценность представляет созданное им творение.

Психологический анализ искусства включает ряд аспектов: во-первых, рассмотрение роли искусства в психическом развитии человека (В.М. Бехтерев; Л.С. Выготский; М.М. Рубинштейн; Н.А. Рубакин; И.А. Сикорский и др.); во-вторых, выявление психологического содержания самого искусства как продукта человеческой деятельности (Б.Г. Ананьев; В.А. Артемов; Л.С. Выготский; А.А. Потебня; Н.А. Рубакин; Б.М. Теплов и др.); в-третьих, обоснование возможностей искусства в раскрытии психического мира человека (Б.Г. Ананьев; И.В. Страхов; Б.М. Теплов и др.). Следует отметить, что большинство работ в этой области ограничивается теоретическим анализом проблемы и не содержит попытки введения продуктов художественного творчества непосредственно в психологические исследования. Отсутствует и единство в понимании необходимости данного шага. Наряду с утверждением познавательной ценности искусства как раздела «душеведения» и возможности его активного использования в практике психологических исследований, высказываются и противоположные мнения. Так, В. Штерн писал о необходимости соблюдения осторожности при использовании тех или иных примеров из художественной литературы для обоснования научных психологических выводов и обобщений. Причину своего взгляда он образно аргументировал тем, что «нарисованную корову нельзя доить» (Штерн, 1998). Разрешение указанных противоречий требует обращения к более детальному анализу проблемы.

В работах В.М. Бехтерева, посвященных проблемам генетической рефлексологии, с позиций поведенческого подхода исследуется влияние музыки на психическое развитие и эстетическое воспитание ребенка, формирование его эмоциональной сферы, ставится вопрос о важности музыкального слуха как «органа» восприятия и понимания музыкальных произведений (Бехтерев, 1909; 1913; 1915). Бехтерев рассматривает также прикладные аспекты данной проблемы, в частности, обосновывает психотерапевтическое влияние музыки, необходимость использования метода музыкотерапии в клинической практике. Проблемы музыкального воспитания и его роли в психическом развитии ребенка рассматриваются также П.Ф. Каптеревым, И.М. Догелем и другими учеными.

С объективной точки зрения Бехтерев прослеживает эволюцию ранних форм самостоятельной изобразительной деятельности детей. Он делает вывод, что «законы развития искусства в жизни народов те же, что и законы развития искусства в жизни отдельных лиц, и поэтому естественно, что общие черты развития детского рисунка повторяют те ступени развития человеческого искусства, которые оно проходило, начиная с доисторического периода своего развития» (Бехтерев, 1910).

Проблемы детского изобразительного творчества рассматриваются также в работах В. Воронова, К. Лепилова, И.А. Сикорского, И.М. Со ловьева. Подчеркивается естественный и наиболее рано проявляющийся интерес ребенка к рисованию как средству активного эстетического освоения мира и выражения собственных чувств, переживаний и мыслей, умственного развития. Отмечается интегрирующая роль рисования в процессе обучения, воспитания и психического развития, способствующая успешному усвоению других школьных предметов и формированию различных структур психики ребенка. И.А. Сикорский оценивает рисование как продуктивный вид «умственного упражнения» (1909).

Проблема воздействия художественной литературы на психическое развитие человека в 1920–30-е годы активно разрабатывалась в русле библиопсихологии, и прежде всего в трудах создателя этого направления Н.А. Рубакина (см.: Кольцова, 2000). Им были сформулированы задачи психического развития человека посредством приобщения к книжной культуре, формирования потребности в чтении, развития навыков работы с текстом. Это, в свою очередь, привело ученого к постановке проблемы психологии чтения и читателя, ставшей основой разработанной им дисциплины – библиопсихологии (Рубакин, 1912; 1924; 1928; 1929.). Наиболее

полно масштабный характер планируемых исследований отражен в обозначенных Рубакиным этапах их реализации: «от изучения процесса чтения к изучению читателя; через изучение читателя к изучению качеств книги, независимо от свойств читателя; от такого изучения (объективного) произведений всякого автора к определению свойств автора как возбудителя различных переживаний» (Рубакин, 1929, с. 90). Использование библиопсихологических процедур должно было, по замыслу Рубакина, помочь проникнуть в тайны сложнейших явлений, относящихся к области всемирной литературы и духовной культуры человечества, которые предполагалось рассмотреть изнутри – «со стороны их влияния в самом процессе их восприятия». В плане изучения воздействия текста книги на психику читателя большой интерес представляет выдвинутая Рубакиным идея построения читателем «собственной проекции» (или личностного смысла) воспринимаемого им текста. Обращают на себя внимание два плана анализа системы «книга – человек»: с одной стороны, исследуется влияние книжного текста на человека, с другой – сама книга выступает в качестве предмета психологического исследования.

Изучение влияния литературного произведения на различные стороны психики ребенка, на эмоциональное, нравственное, эстетическое, интеллектуальное развитие рассматривается в работах П.Ф. Каптерева, В. Келтуяла, С. Крюкова, М.М. Рубинштейна, И.А. Сикорского и других исследователей. Специальное внимание уделяется вопросам изучения и формирования читательских интересов ребенка.

Говоря о влиянии художественного произведения на развитие и совершенствование психического мира ребенка, А.П. Нечаев выделяет два аспекта: во-первых, оно обеспечивает возникновение эстетического наслаждения; во-вторых, выражая облаченную в художественную форму мысль, является важным средством интеллектуального роста ребенка. Основная педагогическая ценность художественного произведения заключается, согласно мнению автора, в интеллектуальной стороне. Тем самым вскрывается особая воспитательная роль искусства как средства комплексного воздействия на чувства и мысли человека: художественное произведение создает условия для целостного восприятия и понимания окружающего мира, позволяя в частных явлениях выявить общие черты (Нечаев, 1906а; 1906б).

Роль искусства как одного из важных источников развития эмоционально-чувственной сферы человека глубоко и всесторонне раскрыта в работах П.М. Якобсона (1961; 1964; 1966; 1998 и др.). Сила воздействия искусства на человека обусловлена, согласно его мнению, двумя причинами. Во-первых, присущей ему глубиной художественно-образного постижения мира. «Произведения искусства, – пишет Якобсон, – могут явиться основой для возникновения содержательных эстетических чувств. Искусство использует ряд специальных средств и приемов для того, чтобы в художественно-образной форме отразить действительность. Оно в лучших произведениях запечатлевает глубину художественного познания действительности. И именно поэтому произведения искусства могут порождать глубоко содержательные эстетические переживания» (1998, с. 45). Во-вторых, влияние искусства на человека определяется его спецификой как «типически-образного» отражения жизни его создателем, обуславливающего «усиливающий эффект его воздействия» – пробуждение у воспринимающего его субъекта глубоких эстетических чувств, эмоциональных отношений и сопереживания судьбам героев: «Особенностью эстетических чувств, вызываемых произведениями искусства, является то, что возникающее у человека эмоциональное отношение к предметам искусства всегда сопровождается сознанием, что им воспринимается не сама жизнь, а отражение этой жизни в сознании художника, которое содержательно, типически, образно передает эту жизнь. Такое отражение реальных процессов жизни становится источником наслаждения, рождая в зависимости от содержания произведения целую гамму разнообразных переживаний – радости, волнения, печали, восторга, удивления, преклонения, страха, негодования, восхищения» (там же). Переживания, вызываемые восприятием художественных произведений, отличаются по

своему тону от тех, которые возникают в процессе реального взаимодействия человека с миром: «Так как человек воспринимает в произведении искусства не самую реальную жизнь, а ее отражение, в его восприятии отсутствуют практические житейские соображения и установки; человек имеет возможность целиком отдаться бескорыстному наслаждению этими произведениями. Такое отношение и создает благоприятную основу для возникновения, в соответствии с развивающимся содержанием произведения искусства, богатой и многообразной гаммы эстетических переживаний, оплодотворенных мыслями, отношением человека к миру и жизни. Создания искусства порождают в человеке огромный мир чувств и мыслей» (там же, с. 46).

В работах Якобсона произведения искусства рассматриваются не только в качестве источника воздействия на человека, но и сами являются предметом глубокого психологического анализа. Благодаря используемым автором специальным приемам (иллюстрирование изучаемых психологических феноменов фрагментами художественных произведений и их психологическая интерпретация; ссылки на психологические представления известных деятелей искусства; наблюдения за деятельностью актеров и анализ их самоотчетов о переживаемых сценических чувствах) в психологию вводится важный пласт исследования – воссоздание психического мира творца и психологического содержания созданных им творений³⁵ (Якобсон, 1936; 1964). Анализ сценических чувств актеров позволил автору выдвинуть и рассмотреть проблему психологической саморегуляции эмоциональных состояний и с этой точки зрения описать приемы и способы эмоциональной настройки и вхождения в образ героя. Уникальный материал, собранный Якобсоном, лег в основу разработки им проблем психологии творчества. Углублению представлений о механизмах и этапах развития творческой деятельности способствовал проведенный им сопоставительный анализ художественного и технического творчества (Якобсон, 1934).

Литература и театр являлись предметом серьезных научных размышлений в течение всей творческой жизни Л.С. Выготского. Первые работы, выполненные им в студенческие годы (1916–1917), носили литературоведческий характер: это статьи о романе Андрея Белого «Петербург», книге В.И. Иванова «Борозды и межи», пьесах Д. Мережковского «Будет радость» и И.С. Тургенева «Поп» и др. (Выгодская, Лифанова, 1996). Но уже в этих ранних работах предпринята попытка освещения психологических аспектов рассматриваемых произведений. Дипломная работа Выготского была посвящена шекспировской трагедии «Гамлет» (Выготский, 1968б). Чрезвычайно интересовал его также театр. По мнению А.Н. Леонтьева, именно интерес Выготского к искусству стимулировал его обращение к психологии (цит. по: Ярошевский, 1993, с. 161). По-видимому, в психологии он хотел найти ответы на вопрос о природе эстетических объектов. Профессиональные занятия психологией вызвали встречное движение: искусство начинает рассматриваться им как важный источник познания глубинных структур психического мира человека. Наиболее полным воплощением замыслов ученого в данной области стал его труд «Психология искусства» (Выготский, 1968а). Как отмечает М.Г. Ярошевский, «искусство (литература, театр) было первой любовью Выготского, и он остался ей верен до конца своих дней. Он видел в искусстве особый ключ к тайнам души, к пониманию смысла человеческой жизни» (Ярошевский, 1993, с. 159).

По словам А.Н. Леонтьева, главный вопрос, который ставил перед собой Выготский, приступая к научной разработке проблем психологии искусства, – «что делает произведение художественным, что превращает его в творение искусства?» (Леонтьев, 1968, с. 7). Важно было определить путь решения поставленной задачи. Выготский видит его в последователь-

³⁵ Примером психологической интерпретации действий героев художественных произведений выступает раскрытие внутрисюжетного конфликта, представленного в сложной палитре борьбы чувств, переживаемых сыном Тараса Бульбы Андреем в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба».

ной реализации объективного аналитического метода исследования, состоящего в том, чтобы «языком объективной психологии говорить об объективных фактах искусства» (Выготский, 1968а, с. 17). Центральная проблема его анализа – выявление механизма воздействия искусства на поведение конкретного человека. С этой же точки зрения он подходит и к определению ценности художественного произведения. Обсуждение вопроса тем самым переносится им из субъективной сферы в плоскость его объективного рассмотрения. Основным понятием, положенным в основу моделируемого процесса, становится «эстетическая реакция» как специфический вид поведения, вызываемый произведением искусства. Соответственно, художественная ценность произведения искусства определяется теми сдвигами, которые возникают под его воздействием в человеческом организме. Именно этот показатель, объединяющий в себе социально-культурное влияние произведения, субъективное отношение к нему человека и объективную форму его выражения, представляется Выготскому наиболее точным, открывающим возможности для строго научного объяснения причин психологического воздействия и живучести произведений искусства. Таким образом, создается целостная система, представленная тремя уровнями явлений – социокультурными, психологическими и нейрофизиологическими. Человек выступает в ней в качестве «личностного эквивалента сил искусства», а искусство – как «важнейшее сосредоточение всех биологических и социальных процессов личности в обществе», «способ уравнивания человека с миром в самые критические и ответственные минуты жизни» (там же, с. 331). Пробуждая в человеке заложенные в нем силы и потенциалы, искусство выступает как «общественная техника чувств, орудие общества, посредством которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего существа» (там же, с. 239). С точки зрения данной модели проводится анализ произведений искусства различных жанров: новелл, басен, трагедий.

Л.С. Выготский подчеркивает социальную, действенно-преобразующую роль искусства, его влияние на развитие и совершенствование общества и человека. «Нельзя и представить себе, какую роль в этой переплавке человека призвано будет сыграть искусство, какие уже существующие, но бездействующие в нашем организме силы оно призовет к формированию нового человека. Несомненно только то, что в этом процессе искусство скажет самое веское и решающее слово. Без нового искусства не будет и нового человека» (там же, с. 329).

Представляется, что, стремясь преодолеть в трактовке проблем психологии искусства крайности концепции «психологии духа», Выготский принес в жертву объективизму мир субъективных ценностей, смыслов и значений, всего богатства внутреннего психического мира личности, который фактически оказался выключенным из процесса формирования эстетической реакции. А как раз в сфере взаимодействия человека с миром искусства особенно ярко и зримо проявляется роль субъектного опосредования, с точки зрения которого только и может быть объяснен сугубо индивидуальный и личностно неповторимый характер эстетических чувств и переживаний человека. В работе Выготского искусство предстает как важный фактор детерминации и регуляции эстетических чувств, однако при этом умаляется его познавательная функция.

В отличие от Выготского, А.А. Потебня в своих работах основной акцент делает как раз на познавательной ценности искусства. Он утверждает, что искусство рождается в процессе взаимодействия художника с миром и является его своеобразным постижением и отражением. Предметом искусства, согласно его мнению, является природа (вернее, мир во всем многообразии форм его существования), но отражение ее средствами художественного познания носит специфический характер. Его особенность состоит в том, что «между произведением искусства и природой стоит мысль человека; только под этим условием искусство может быть творчеством» (Потебня, 1993, с. 132).

Искусство не только отражает, но и «облагораживает и украшает природу», конструируя идеальные формы, превосходящие действительность. Отбрасывая все несущественное и слу-

чайное, художник воссоздает только «характеристические формы, одни образы очищенной и неискаженной изменчивыми обстоятельствами природы», добиваясь действенности и наглядности изображаемой им реальности (там же, с. 133). Потебня утверждает, что именно талант художника превращает обычные, как правило, не возбуждающие интереса явления природы и человеческой жизни, в художественные образы, обретающие огромную силу воздействия, так как они «по-видимому, совершенно верно изображены в искусстве» (там же). В этих словах заключается важная мысль: художник в обыденном явлении усматривает и осознает нечто важное, закрытое для чувств и мыслей обычного человека, вводит в общественную мысль то новое значимое знание (в том числе психологическое), которое без него не могло бы стать предметом исследования.

Раскрывая познавательную роль искусства, Потебня цитирует Гумбольдта, обосновывающего целостное отражение искусством мира, заключенные в нем возможности «посредством всестороннего ограничения своего материала произвести неограниченное и бесконечное действие, посредством индивидуального образа удовлетворить требованиям идеи, с одной точки зрения *открыть целый мир явлений*». Подчеркивается, что сила искусства заключается не в количестве охватываемых им явлений, а «в их отношении к высшим интересам человека» (цит. по: Потебня, 1993, с. 134, 135).

Наконец, искусство определяется Потебней как средство раскрытия самосознания творца, объективированного в произведении выражения разных сторон его душевной жизни. Создавая свои творения, художник вкладывает в них свои мысли, переживания, представления и идеалы. «Признания поэтов, из которых один стихами отделался от могучего образа, много лет возмущавшего его ум, другой передавал своим героям свои дурные качества, служит блистательным доказательством того, что и искусство есть орган самопознания» (Потебня, 1993, с. 137).

Согласно Потебне, искусство – это творческое соединение, синтез объекта и субъективного замысла и мысли художника. «Художественное произведение, очевидно, не принадлежит природе; оно присоздано к ней человеком. Факторы, например, статуи – это, с одной стороны, бесплотная мысль ваятеля, смутная для него самого и недоступная никому другому, с другой – кусок мрамора, не имеющий ничего общего с этой мыслью; но статуя ни есть, ни мысль, ни мрамор, а нечто отличное от своих производителей, заключающее в себе больше, чем они. Синтез, творчество очень отличны от арифметического действия...» (там же, с. 129). Взгляд на художественное творение как результат взаимодействия человека с миром, итог творческой самореализации и объективирования его замыслов и мыслей, по сути, означает обоснование потенциальной возможности использования произведений искусства как важного источника знания о психологии их создателей.

Это подтверждается еще двумя важными положениями, выделяемыми автором. Во-первых, утверждением, что мысль, воплощенная в художественном творении, обретает собственную, независимую от своего создателя жизнь, «самостоятельное бытие». Во-вторых, пониманием содержания произведения искусства как явления «без конечной определенности»: рожденное автором, оно не исчерпывается моментом своего создания, а продолжает развиваться и обогащаться далее уже не в художнике, а в воспринимающих и пытающихся понять его людях. Более того, «читатель может лучше самого поэта постигнуть идею его произведения». А отсюда вытекает и определение ценности художественного произведения: «Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании. Это содержание, проецируемое нами, т.е. влагаемое в само произведение, действительно условлено его внутренней формой, но могло вовсе не входить в расчеты художника, который творит, удовлетворяя временным, нередко весьма узким, потребностям своей личной жизни. Заслуга художника не в том минимуме содержания, которое думалось ему при создании, а в извест-

ной гибкости образа, в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание» (там же, с. 130). Акцентируя данную идею, Потебня сам факт оправданности существования искусства в жизни выводит из его понимания не столько как выражения, сколько как средства создания мысли. Он пишет, что цель искусства – «произвести известное субъективное настроение, как в самом производителе, так и в понимающем», что позволяет его определить как «нечто постоянно создающееся» (там же, с. 131, 132). В связи с этим справедливо подмечается, что отдельные произведения искусства сохраняют свою жизнь в культуре народа не из-за своего «буквального смысла», а из-за того, который они потенциально могут приобрести. «Этим объясняется, почему создания темных людей и веков могут сохранять свое художественное значение во времена высокого развития и вместе с тем почему, несмотря на мнимую вечность искусства, наступает пора, когда с увеличением затруднений при понимании, с забвением внутренней формы, произведения искусства теряют свою цену» (там же, с. 132).

Указанные положения представляются чрезвычайно важными и конструктивными в плане проведения источниковедческого анализа текстов, так как в них содержатся: (1) обоснование контекстного рассмотрения искусства и определения его ценности; (2) идея взаимодействия смысловых полей автора и интерпретатора; (3) утверждение возможности более глубокого, выходящего за рамки его актуального содержания прочтения текста; (4) взгляд на понимание и интерпретацию художественного произведения как на творческие процессы, приводящие к возникновению новых смыслов.

Потебней выделяется, хотя и не является главным в осуществляемом им анализе искусства, его регулятивная функция, сила влияния на умы и сердца людей. Искусство успокаивает, освобождает от напряжения, побуждает человека к поступку, увеличивает его душевные силы.

Говоря о структуре художественного произведения, Потебня выделял его *содержание* (или идею), «соответствующее чувственному образу или развитому из него понятию», *внутреннюю форму*, или образ, указывающий на это содержание, и *внешнюю форму*, в которой художественный образ объективируется.

Представляет интерес и попытка Потебни вывести динамику возникновения и развития разных видов искусств из эволюции человеческих способностей. Так, он считает, что исторически наиболее ранними видами художественного творчества являлись язык и поэзия, отражающие обретенную человеком «власть над членораздельностью и словом», и уже позже появляются музыка, характеризующая умение «справляться со своим голосом», пластические искусства (зодчество, архитектура) и проза (наука), предполагающие высокую степень развития самосознания и познания природы.

В работах А.Ф. Лосева вскрывается познавательная роль искусства как области «душезнания». Подчеркивается, что искусство глубоко антропологично по своему содержанию, представляет «*одушевленное, одухотворенное* выражение» реальности, выступает как «*изнутри видимая жизнь*» (Лосев, 1991а, с. 63). Лосев пишет: «В поэзии дается такое “внутреннее”, которое было бы чем-то живым, имело живую душу, дышало сознанием, умом, интеллигенцией. Всякое искусство таково» (там же). Повествует ли искусство о живых существах, о людях или о неживых явлениях, в нем всегда имманентно присутствует «одушевляющая и одухотворяющая точка зрения», оно живет в «одухотворенном мире... и эта одухотворенность есть способ проявления вещей, модус их оформления и понимания» (там же). Образы, создаваемые искусством, по Лосеву, характеризуются наглядностью и непосредственной видимостью, простотой и картинностью, и потому их восприятие и понимание не нуждается в каких-либо специальных опосредующих логических системах. «Выражение дано тут в живых ликах и лицах; и надо только смотреть и видеть, чтобы понимать» (там же, с. 64). Но в то же время искусство «отрешено» от действительности; оно не есть живая реальность сама по себе, а является ее отражением, созерцанием. С этой точки зрения представляет интерес его анализ музыки как способа глубокого раскрытия внутреннего мира личности.

Особое внимание в этом контексте им уделяется художественной литературе. Своеобразие русской литературы Лосев видит в фактически выполняемой ею роли публицистики и философии. Он называет художественную литературу «кладезем самобытной русской философии», подчеркивает ее особую роль в освещении проблем бытия человека, рассматриваемых здесь с такой силой, что любой «непредубежденный и сведущий судья назовет эти решения не просто “литературными” или “художественными”, но философскими и гениальными» (там же, с. 214).

Роль русской литературы как важного источника философских идей вскрывается в работе А.С. Волжского «Из мира литературных исканий». Он пишет: «Русская художественная литература – вот истинная русская философия, самобытная, блестящая философия в красках слова, сияющая радугой мыслей, облеченная в плоть и кровь живых образов художественного творчества. Всегда отзывчивая к настоящему, преходящему, временному, русская художественная литература в то же время всегда была сильна мыслью о вечном, непреходящем; почти всегда в глубине ее шла неустанная работа над самыми важными, не умирающими и значительными проблемами человеческого духа... И какой роскошью линий и красок, какой дивной прелестью образов и картин разворачивалась эта работа в художественно-философских, бессистемных системах русских писателей, в их, казалось бы, таких далеких от философии повестях, романах и стихотворениях. За последнее время многие стали понимать, что истинную русскую философию следует искать больше всего именно здесь. Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Салтыков, Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский, Успенский, Короленко, Чехов – все это подлинная наша философия, философия в красках и образах живого, дышащего слова» (Волжский, 1906, с. 300–301).

В центре внимания многих исследователей стояло творчество Ф.М. Достоевского, ближе всего подошедшего к раскрытию «той жизненной глубины, в которой сокрыты корни всего бытия» (Лосев, 1991б, с. 227).

С. Булгаков оценивает Достоевского как глубокого аналитика социально-психологических процессов в российском обществе, подчеркивает, что писатель первым «угадал» и ярко отразил в своих произведениях особенности духовного облика русской интеллигенции, справедливо подметив героические черты ее натуры, обусловленные конкретно-историческими условиями ее формирования в условиях российской действительности. Увидел он и оборотную сторону героизма русской интеллигенции – ее высокомерие, отсутствие твердых моральных норм, «самообожение», «поставление себя на место Бога» (Булгаков, 1992, с. 138). В силу этого ее героизм «превращается в претензию, в вызывающую позу, вырабатывается особый дух героического ханжества, всегдашней “принципиальной” оппозиции, преувеличенное чувство своих прав и ослабленное сознание обязанностей и вообще личной ответственности... Героическое “все позволено” незаметно подменяется просто беспринципностью во всем, что касается личной жизни, личного поведения» (там же, с. 139). Булгаков пишет, что именно Достоевский в своих романах «Преступление и наказание», «Бесы» впервые предсказал страшные и разрушительные последствия этой социально-психологической позиции русской интеллигенции, указал на ее духовную оторванность от народа, утрату чувства почвенности, любви к своей истории. Булгаков называет Достоевского выразителем «нашего народного самосознания» (там же, с. 161).

В российской психологии роль Достоевского в раскрытии психологического мира личности, ее внутренних противоречий и конфликтов, диалогической природы мышления и внутренней речи рассматривается в работах Б.Г. Ананьева, М.М. Бахтина, Г.М. Кучинского, Л. Радзиховского и других авторов.

Проблема взаимодействия науки и искусства в познании человека в работах Б.Г. Ананьева рассматривается в контексте разрабатываемой им концепции синтетического человекознания, охватывающего многообразные отношения и связи человека с миром природы,

общества и культуры (Ананьев, 2000). Соответственно, и правомерность обращения психологии к художественной литературе как важному источнику психологического знания объясняется им объективно существующими интересами и взаимодействием науки и искусства в изучении человека, познании сущности психической реальности: «Наука есть наука, искусство есть искусство,— пишет Ананьев,— но, тем не менее, их объединение происходит только на одной почве — человековедения. Когда Горький определил литературу как человековедение, он был, действительно, очень точен... Человековедение в литературе и человекознание в науке — идут параллельно, пути соприкасаются, и они оказывают друг на друга мощное влияние» (Ананьев, 1997, с. 86). Но наряду с общим направлением поиска знания о человеке наука и искусство различаются способом решения этой задачи. «...Если искусство синтетично по своей природе, то обязательно идет в сторону анализа и специфической формы анализа — психологического анализа. Наука же, идя от анализа, неизбежно приходит к синтезу, и возникает такая грань, где они соединяются, ни в коем случае не превращаясь друг в друга» (там же).

Обращаясь непосредственно к творчеству Достоевского, Ананьев высказывает мысль о том, что невозможно понять путь становления писателя, его воззрения и концептуальные основы творчества без рассмотрения «истории русской культуры определенного времени, а не только политики и идеологии, а это значит и науки» (там же, с. 82). Тем самым им выдвигается принцип социально-культурной обусловленности возникновения и развития знания, о какой бы области его существования ни шла речь — о сфере собственно научной мысли или художественного освоения действительности. Б.Г. Ананьев считает, что ошибкой многих исследователей Достоевского является игнорирование влияния науки на формирование его мировоззрения, системы взглядов и ценностей. Следуя выдвинутому им принципу, Ананьев «погружает» писателя в контекст научной жизни второй половины XIX в. и доказывает, что он впитал в себя и блестяще отразил в своих произведениях передовые научные идеи своего времени, говорит, что Достоевский есть «дитя времени, он историчен до глубокой степени» (там же, с. 86). Творчество и личность писателя сформировались под влиянием антропологических идей Н.Г. Чернышевского, И.М. Сеченова, К.Д. Ушинского, под воздействием атмосферы «глубокого, острого интереса к науке», и прежде всего к науке о человеке в сознании русского народа.

Логика рассуждений Ананьева свидетельствует о том, что он выходит за рамки узкосциентистского подхода, рассматривая психологическую мысль не только в аспекте ее существования в рамках психологии как сложившейся научной дисциплины, но и исследуя также развитие представлений о психике в широком пространстве культуры. Он считает, что предметом научного анализа должны стать психологические идеи, возникающие в сфере художественного осмысления психического мира человека. В этом плане представляет интерес утверждение Ананьева о том, что Достоевскому удалось углубить представления о человеческой природе и внести весомый вклад в развитие ряда научных направлений и дисциплин психологии. Он оценивает Достоевского как «великого художника слова», глубина идей которого связана в первую очередь с открытиями в человеческой душе. Одно из них — раскрытие «плазмы человеческой души», описание «мгновенности, длящейся секундами». Заслуга Достоевского состоит в том, что «он показал *динамику состояний*, и таких состояний, которые *еще не опредмечены прежде всего состояния напряжения*» (там же, с. 87). Только проницательный взгляд ученого мог вычленивать, а его язык смог описать то, что еще не кристаллизовано, не объективировано вовне.

Достоевский, по мнению Ананьева, вскрывает трудность переживания человеком состояния *неопределенности*³⁶ и тем самым предугадывает новую перспективную проблематику,

³⁶ Яркой иллюстрацией этого состояния и трудности его переживания являются терзания Раскольникова, в описании которых впервые был воплощен данный феномен. Их проявления Ананьев характеризует следующим образом: «... что угодно — казнь, смерть, лишь бы была определенность» (Ананьев, 1997, с. 87).

относящуюся в современной психологии к сфере экстремальных состояний. Ананьев пишет, что «неопределенность как многообразие форм напряжения – это открытие первостепенной важности. Надо сказать, что оно не просто открытие бессознательного, к чему обычно сводится дело, нет – это характеристика того *динамизма психики* в современном мире, который ставит много новых научных проблем и, в частности, в области воспитания и управления человеческим развитием» (там же, с. 88).

В отличие от характерной для науки его времени тенденции поляризации чувств, Достоевский впервые описывает их *амбивалентность*, тем самым выдвигая проблему определения природы данного явления³⁷: является ли оно эффектом развития либо его ранней, начальной стадией?

Согласно Ананьеву, в работах писателя дана блестящая и предельно ясная картина становления характера, понимаемого им как единство социально-типического и индивидуального. «...Все характеры необычайно типичны для различных слоев русского общества и для того времени. В то же самое время за каждым из них – *внутренний мир, индивидуальность*» (там же). Он привлекает внимание к проблеме отношений, утверждая, что личность определяется ее связями с другими людьми, с народом, и именно на основе реальных человеческих контактов формируется «высшая связь – это личность и человечество». Достоевский ценил соборность, представляющую широту и многогранность человеческих связей, но все же высшей ценностью, предметом его постоянно пристального изучения был человек. Ананьев считает, что в лице Достоевского представлены «великая школа мастерства психологического анализа... новое направление, которое создано и должно иметь огромное значение для всего будущего мировой культуры и литературы» (там же, с. 89).

Наиболее глубоко и всесторонне психологический анализ литературного творчества проводится в работах И.В. Страхова. Особый вклад ученого в развитие данного направления определяется рядом моментов: во-первых, Страхов был в отечественной психологии одним из первых ученых, выдвинувших и обосновавших проблему анализа художественного творчества в качестве специальной области научного исследования³⁸; во-вторых, в его работах эта проблема приобрела фундаментальное звучание, характеризуясь широтой рассмотрения материала и глубиной его освещения; в-третьих, психологическое изучение творческого наследия деятелей культуры выступало в течение всей его научной деятельности в качестве стержневой и систематически разрабатываемой области психологии; в-четвертых, научные исследования Страхова образуют завершенный цикл, включающий теоретическое обоснование и осмысление проблемы, реализацию предложенного концептуального подхода при проведении конкретно-эмпирического анализа, выделение методических принципов психологической реконструкции художественного творчества.

О широте научных интересов Страхова в данной области свидетельствует перечень имен литературных деятелей, психологические воззрения которых выступали предметом его рассмотрения³⁹: Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров⁴⁰, К.А. Федин, И.С. Тургенев, Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.С. Пушкин, А.С.

³⁷ Следует отметить, что данный феномен впервые получил отражение в стихотворном творчестве М.В. Ломоносова. Пример тому строки одного из его стихотворений: «Тебя мы любим все, и все тебя боимся, тебя наш любит страх, сама любовь страшится» (Ломоносов, 1983, с. 168).

³⁸ Первые работы в этой области выполнены Страховым еще в годы войны и опубликованы в 1945–1947 гг., т. е. значительно раньше появления аналогичных исследований Б.М. Теплова и Б.Г. Ананьева; в 1947 г. он издает один из наиболее серьезных своих трудов, посвященных психологическому анализу литературного творчества (см.: Страхов, 1998).

³⁹ Анализ направлений исследования проблем литературного творчества в работах И.В. Страхова опирается на полную библиографию трудов ученого, включенную в книгу: *Страхов И.В. Психология литературного творчества // Психологи Отечества*. М., 1998. С. 365–378.

⁴⁰ Анализу психологических взглядов И.А. Гончарова была посвящена защищенная Страховым в 1956 г. кандидатская диссертация («Психологический анализ творческого процесса И.А. Гончарова»).

Грибоедов. Наряду с литературным творчеством, Страхов анализирует также деятельность музыкантов (П.И. Чайковского, М.И. Глинки), художников (Леонардо да Винчи, Тициана), видных представителей науки (Г. Гегеля, Т. Рибо, С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова) и театра (К.С. Станиславского).

Рассматривая творчество писателей, он сосредоточивает внимание на психологических проблемах, выдвигаемых ими, и способах художественного познания человека. При этом материалом анализа выступает широкий круг источников: продукты творческой деятельности, переписка, личные документы исследуемых авторов, оценки их работ в литературоведческих исследованиях, воспоминания современников. Широта источниковедческого базиса как одна из отличительных характеристик исследований Страхова определяет их высокую доказательность и научную обоснованность.

Глубоко раскрывая индивидуальный взгляд каждого из рассматриваемых им деятелей культуры на внутренний мир человека, своеобразие используемых художественных средств его познания и отражения, Страхов в то же время стремится дать обобщенное представление об особенностях художественного творчества вообще (Страхов, 1962; 1968а; 1968б и др.). Результатом серии исследований, проведенных ученым, явилось рассмотрение теоретических и методических проблем изучения литературного творчества (Страхов, 1971; 1973 – 1976, ч. 1–5; 1977 и др.).

Страхов полагает, что недостаточно ограничиваться при изучении психологии художественного творчества ссылками на отдельные литературные примеры, иллюстрирующие те или иные психологические положения. Помимо узости использования литературного материала, недостаток такого подхода он видит в его фрагментарности, рассмотрении отдельных психологических идей вне их целостного контекста, без учета своеобразия «психологической наблюдательности писателя». Главную задачу разработки «психологии художественного творчества как отдельной ветви психологического знания» он видит в целостном изучении психологических взглядов художника как одной из сторон его творческой деятельности. Фактически в этих словах ученого содержится та магистральная программа, которая последовательно реализуется на всех этапах его научной деятельности (Страхов, 1998, с. 22).

Примером глубины и всесторонности психологического анализа выступает рассмотрение системы психологических воззрений Л.Н. Толстого, являющегося, по оценке Страхова, «глубочайшим художником-психологом», сумевшим выработать «оригинальные психологические воззрения, существенно отличающиеся от принятых в ту пору психологических взглядов в их научном и художественном выражении. Эти воззрения были вполне осознаны Толстым, сформулированы в теоретической форме и воплощены в его художественных произведениях» (там же, с. 18). В работах Страхова раскрывается широкая палитра психологических проблем и идей, представленных в творчестве Толстого, своеобразие его «психологического почерка», особенности используемых художественных приемов и способов раскрытия внутреннего мира человека. Психологические взгляды писателя прослеживаются в контексте развития его личности и формирования творческого подхода.

Показано, что важное место в работах Толстого занимают проблемы психологии характера, чувственной сферы и ее соотношения с разумом, внутреннего монологического плана мышления, психических переживаний и состояний человека, особенностей его взаимодействия с миром и природным окружением. При этом стержневой, объединяющей весь спектр рассматриваемых Толстым проблем, выступает проблема характера как модуса индивидуально неповторимого своеобразия психического мира человека. Вскрывая особенности понимания характера в работах Толстого, Страхов выделяет ряд важных, продуктивных идей, выдвинутых писателем: (1) раскрытие целостности характера как единства свойств личности, обусловленного ее установками и «идеальными побуждениями»; (2) противопоставление отвлеченному рассмотрению характера его описания через анализ конкретного поведения; (3) утверждение

многообразия проявлений индивидуальных особенностей, «включенности в характер различных свойств» и сочетания в нем «общего и индивидуального»; (4) обоснование динамичности составляющих характер свойств, преобразующихся в зависимости от конкретных условий развития. Страхов пишет: «Отрицая характер-схему, Толстой постулирует понятие о живом, психологически насыщенном характере; вместо психологической “одномерности” характера... он выдвигает мысль о его психологической “многомерности”; вместо представления о характере в его статичности Толстой говорит о развивающемся характере, раскрывая в своих художественных произведениях внешние и внутренние основания этого процесса развития» (там же, с. 21).

Необходимость использования художественной литературы в психологическом познании обосновывается Б.М. Тепловым в его небольшой, но очень интересной работе «Заметки психолога при чтении художественной литературы» (Теплов, 1971). Он отмечает, что психология пока еще не обратилась к этому важному источнику психологического знания; анализ художественной литературы не входит в структуру методов психологического исследования. Даже в качестве иллюстративного материала ее использование в психологических трудах крайне ограничено (работами Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна)⁴¹. Между тем, как утверждает Теплов, «художественная литература содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология на новых путях, открывающихся сейчас перед ней» (там же, с. 122). Разработка принципов научно-психологического исследования материалов художественной литературы определяется им как перспективная задача психологической науки. Заметим, что эти идеи были высказаны ученым в 1971 г., но и сегодня они звучат столь же актуально прежде всего в силу отсутствия какого-либо серьезного продвижения в данном вопросе.

В целях обоснования выдвинутой им идеи Теплов обращается к ряду классических произведений художественной литературы, приводя убедительные подтверждения их познавательной ценности, богатства содержащихся в них психологических идей. При этом он демонстрирует образец тонкого психологического анализа этого специфического вида источников. Так, Теплов текстологически точно и глубоко психологически обосновывает причину трагедии Сальери в романе А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери», усматривая ее в доминирующей личностной направленности героя: завистливости, узости интересов и устремлений, фетишизации музыки и превращении ее в единственные и заслоняющие все другое цель, содержание и смысл жизни. Сальери становится рабом музыки, которая не возвышает, а духовно опустошает его, приводя к деформации его личности.

Предметом психологического анализа романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» становится у Теплова характер его героини. Молодая Татьяна оценивается им как чувствительный, импульсивный, впечатлительный и непосредственный человек, не способный управлять желаниями и регулировать свое поведение. Он прослеживает те изменения, которые произошли в поведении и характере героини по ходу развития сюжета. В последних главах Татьяна уже отличается сдержанностью, тактом, умением владеть собой; ею руководят не импульсивные порывы, а глубоко осмысленное чувство долга. Теплов пишет: «У Татьяны первых глав романа, в сущности, еще нет характера, имеются только предпосылки к нему. Татьяна восьмой главы – человек с на редкость законченным характером... От непосредственной жизни чувством к строго сознательной жизни по принципу *должного* – таково основное направление эволюции личности Татьяны, ярко, хотя и фрагментарно, показанное в романе Пушкина» (там же, с. 129, 130). По мнению Теплова, жизнь Татьяны – яркий и поучительный пример «овладения своим

⁴¹ Сегодня перечень авторов, активно обращающихся при рассмотрении проблем психологии к художественным произведениям, может быть пополнен: А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, Л.В. Спицина, А.Д. Барская, И.А. Джидарьян, М.И. Воловикова и др.

темпераментом, говоря другими словами, история воспитания в себе характера» (там же, с. 129). Выводы Теплова опираются на материалы текста; он цитирует Пушкина, дает свою интерпретацию используемым фрагментам. Дальнейшее развитие анализа приводит его к выделению внутренних предпосылок формирования цельной личности Татьяны, ставшей олицетворением особенностей русского характера («Татьяна русская душой»). К их числу относятся: «привычка к интенсивной углубленной внутренней жизни; органическая народность, т.е. крепкая связь с лучшими традициями народного духа; устремленность к “идеалу”, т.е. направленность от текущей жизни, как она дана в окружающем, к чему-то лучшему, *заданному*, о чем мечтают, чего хотят, к чему стремятся; *чувство долга* – пока еще “чувство”, впоследствии ставшее *сознанием*» (там же). При этом подчеркивается, что одних внутренних предпосылок недостаточно: большую роль играют опыт, жизненные уроки, полученные героиней, их глубокое переживание и переосмысление. Теплов выдвигает важное теоретическое положение о сложной системе факторов, обуславливающих личностное становление человека, о серьезной внутренней работе («внутренних бурях»), лежащей в основе этого процесса. Он показывает различные варианты реагирования на одни и те же обстоятельства жизни (сравнение реакций на смерть Ленского Татьяны и Ольги) и вытекающее отсюда разнообразие выстраивания стратегий жизни.

Столь подробное рассмотрение небольшой работы Теплова не случайно, ибо это один из интересных примеров строго текстологического анализа текста художественного произведения, убедительно подтверждающий правомерность, более того, необходимость, использования этого вида источников в научных исследованиях, притом не только в качестве иллюстративного материала, но и как основы получения важных теоретических выводов и положений.

Обращение Теплова к художественной литературе было обусловлено общегуманитарной направленностью его личностных интересов. Это подтверждается, в частности, проведением им глубокого анализа различных вариантов переложения «Плача Ярославны» из «Слова о полку Игореве» (Теплов, 2003в). И хотя работа носит, на первый взгляд, литературоведческий характер, в ней фактически имплицитно содержится раскрытие проблемы психологии понимания и интерпретации текста. Сравнение шести переложений первоисточника⁴² приводит Теплова к выводу, что их авторы по-разному толкуют образы «Плача Ярославны», что определяется степенью понимания подлинника, поэтическим талантом интерпретатора, принадлежностью его к тому или иному идейному направлению.

Например, удачное толкование И. Козловым используемых в тексте слов народной поэзии, представляющее часто символическое выражение определенных психических состояний, объясняется Тепловым его проникновением в дух поэзии «Плача», умением точно воспроизвести уникальность ее колорита, поэтическим чутьем переводчика. Козлов подчеркивает величие и грозный характер образов «Слова», видя в этом их красоту. Главная его заслуга, по мнению Теплова, состоит в том, что «он нашел собственную мелодию для “Плача”, яркую и красивую, которая не противоречила тону подлинника» (там же, с. 279).

Перевод Н. Беллюстина, по мнению Теплова, во многом определяется неточным толкованием жанрового характера «Плача»: автор трактует его как эпическое произведение, хотя на самом деле это типично лирическое произведение, требующее особой ритмики его передачи. «Не всегда удастся автору приблизиться к тону подлинника, но виной этому недостаток поэтического чутья, а не нежелание» (там же, с. 277). Много в его переводе собственных привнесений (эпитетов).

⁴² Теплов сопоставляет следующие переложения текста первоисточника: *Беллюстин Н.* Ярославна (перевод плача Ярославны) // *Благонамеренный*. 1819. Ч. 4. С. 141–142; *Загорский В.А.* Ярославна. Романс // *Новости литературы*. 1825. Кн. 14. С. 69–70; *Шкляревский П.П.* Плач Ярославны // *Стихотворения*. СПб., 1831. С. 11–13; *Козлов И.И.* Плач Ярославны // *Собрание стихотворений И. Козлова*. СПб., 1833. Ч. 2. С. 89–92; *Бере Н.В.* Плач Ярославны // *Москвитянин*. Ч. 1. Кн. 2. 1846. С. 32; *Миллер Ф.Б.* Перевод Плача Ярославны // *Стихотворения*. М., 1873. С. 151–152.

Переводы В.А. Загорского и П.П. Шкляревского выполнены в сентиментальном духе, что накладывает нежелательный отпечаток на результат их деятельности. Народность не идет у них «далее условно-народного стиля, характерного для сентиментальной эпохи» (там же, с. 278). Подтверждение тому – заглавие, данное Загорским своему переводу, – «Ярославна. Романс». «Образы “Слова”, часто величественные, грандиозные, даже суровые, Загорский старается смягчить, сделать более нежными, подходящими к общему трогательно-чувствительному тону стихотворения» и тем самым невольно искажает дух эпического творения (там же). Характеризуя рассматриваемые переложения, Теплов подчеркивает еще один немаловажный фактор, определяющий их художественную ценность – степень бережности отношения к подлиннику, стремления к его максимально точному воспроизведению. Он с сожалением констатирует, что не все авторы придерживаются этого правила, вольно обращаясь с текстом, упуская важные идеи, содержащиеся в нем.

Таким образом, не ставя специально такой цели, по сути, Теплов формулирует в своей работе ряд чрезвычайно важных рекомендаций, касающихся работы с историческими источниками: (1) необходимость учета жанра произведения; (2) времени его создания и духа эпохи; (3) выявления значений понятий и смыслов, вкладываемых в них создателем произведения; (4) точности передачи тона и общего настроения изучаемого документа; (5) уважительного и бережного отношения к тексту подлинника.

Глубокой, проходящей через всю жизнь ученого была его любовь к музыке, ставшей в ряде его работ предметом специального научного рассмотрения. Так, исследуя проблему формирования музыкальных способностей, он опирается на музыкальное творчество многих известных отечественных и зарубежных композиторов, анализирует их произведения, стиль музыкальной деятельности, размышления о музыке (Теплов, 2003а; 2003г; 2003д). Особый интерес представляет осуществляемый Тепловым анализ психологического содержания музыки и тех возможностей, которые она открывает для познания психического мира человека. «Музыка, – пишет он, – прежде всего есть путь к познанию огромного и содержательнейшего мира человеческих чувств. Лишенная своего эмоционального содержания, музыка перестает быть искусством» (Теплов, 2003г, с. 8). Возражая против формалистского понимания музыки, оценивающего ее как *«движущиеся звуковые формы»*, Теплов считает, что *«в наиболее прямом и непосредственном смысле содержанием музыки являются чувства, эмоции, настроения»* (там же, с. 6). Обосновывая данное утверждение, он ссылается на многочисленные высказывания выдающихся музыкантов. Так, говоря о сущности музыки, Теплов апеллирует к мнению А.Г. Рубинштейна⁴³ о том, что композитор не столько пишет ноты в каком-то ритме и размере, сколько «вкладывает известное душевное настроение, т.е. программу в свое сочинение с уверенностью, что исполнитель и слушатель сумеют ее угадать» (цит. по: Теплов, 2003г, с. 7). Римский-Корсаков указывал, что настроение – это главная сущность музыкальных впечатлений. Теплов подчеркивает, что музыка не только выражает эмоциональный строй души ее создателя, но и пробуждает глубокие чувства в душе воспринимающего ее человека. Следуя логике Теплова, называющего музыку «языком чувств», можно заключить, что изучение музыкальных произведений и особенностей их восприятия открывает возможность для исследования и описания многообразия эмоциональных переживаний человека, раскрытия их динамики. Причем понимание музыки, ее психологического содержания требует эмоционального вчувствования, сопереживания познающего: «неэмоциональным путем нельзя постигнуть содержания музыки. Понимание музыки... всегда есть эмоциональное понимание» воспринимающего ее (там же, с. 18).

⁴³ Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894) — русский пианист, композитор, дирижер, музыкальный и общественный деятель, основатель Русского музыкального общества (1859) и первой русской консерватории (1862, Петербург), автор опер «Демон» (1871), «Нерон» (1876).

Теплов вскрывает характерные для различных областей искусства психологические средства выражения их содержания: словесное творчество имеет функцию обозначения, передавая свое содержание через значение слов языка, живопись характеризуется изобразительной функцией, добиваясь внешнего сходства с изображаемым, «основная функция музыки – выражение» (там же, с. 14). Но функция музыки не ограничивается выражением; она может также изображать и отражать. Теплов пишет: «...музыка, взятая сама по себе, может только выражать эмоциональное содержание, но в контексте других внемузыкальных средств познания познавательное значение музыки раздвигается до широчайших пределов. Музыка не может дать новых фактических или идейных знаний, но она может в высокой степени углубить имеющиеся знания, дав им новое качество, сделав их знаниями эмоционально насыщенными». Осуществляясь через эмоцию, понимание музыки не заканчивается ею, ибо «в музыке мы через эмоцию познаем мир. Музыка есть эмоциональное познание» (там же, с. 18).

Апелляция к психологическим портретам музыкантов и продуктам их творческой деятельности стала одним из средств выявления содержания музыкальной одаренности, анализа разных видов музыкальной деятельности. Так, рисуя личностный портрет Н.А. Римского-Корсакова⁴⁴ как композитора, Теплов выделяет следующие его особенности: «*музыкальность*», «*сила, богатство и инициативность воображения*», «*богатство зрительных, в частности, цветовых, образов и теснейшая, интимнейшая связь слухового воображения со зрительным*», «*чувство природы*», «*вдохновение*» или способность «*эмоционально погружаться в захватившее его содержание и концентрировать на нем все свои душевные силы*», наличие большого духовно-интеллектуального и эмоционального содержания (там же, с. 19–27).

К анализу творческой деятельности музыкантов Теплов неоднократно обращался и на последующих этапах своей научной деятельности. Об этом свидетельствуют, в частности, хранящиеся в его личном архиве статьи «О композиторах» (Теплов, 2003а), «Творчество М.А. Балакирева» (Теплов, 2003д), впервые опубликованные в 2003 г. В них уточняется понимание музыки как предмета научного психологического исследования. Теплов пишет, что «изучение музыкальных произведений должно прежде всего стремиться к строгой научности». Этому, по его мнению, не мешает принадлежность музыки к вненаучной сфере, ибо «не то важно, каков объект нашей мысли, а то важно, какой характер имеет сам процесс мысли». Изучая музыкальное, поэтическое по своей природе произведение, ученый должен следовать научной логике, переходя от фактов к законам, от частного, конкретного – к обобщенному и отвлеченному. Указанную стратегию он демонстрирует на примере исследования творчества Скрябина⁴⁵, считая необходимым, «насколько возможно полно, изучить его личность, его музыкальную физиономию, психологию его творчества, внутреннее и внешнее построение его произведений, связь его с предшествующими и современными композиторами, его роль в истории музыки» (Теплов, 2003а, с. 262). Это, в свою очередь, требует рассмотрения основных мотивов современной русской музыки, тенденций развития русской национальной музыкальной школы, т.е. того культурного контекста, в котором формировалось творчество композитора. Обращает на себя внимание тот факт, что, наряду с сугубо психологическими показателями, Теплов выделяет само музыкальное произведение и его строение как важную информативную единицу анализа творческой деятельности. Как отмечает М.В. Никешич, предложенный Тепловым подход к изучению творчества Скрябина и сегодня, «по существу, является основой методологии, применяемой в научном изучении творчества как А.Н. Скрябина, так и других композиторов» (Никешич, 2003, с. 366).

⁴⁴ Н.А. Римский-Корсаков (1844–1908) – русский композитор и глава композиторской школы, дирижер, музыкальный и общественный деятель, член «Могучей кучки», автор 15 опер («Снегурочка», 1881; «Садко», 1896; «Царская невеста», 1898; «Золотой петушок», 1907 и др.).

⁴⁵ А.Н. Скрябин (1871–1915) – русский композитор, пианист, профессор московской консерватории.

Живопись как источник психологического знания рассматривается С.Л Малафеевой и Н.Н. Ващило на материале изобразительного творчества в русской культуре XVIII в. (Малафеева, Ващило, 2001). Результаты проведенного анализа позволили выявить серьезные инновационные тенденции в данной сфере, явившиеся результатом социально-культурных преобразований петровской эпохи. Главной из них было появление светской живописи, основанной на национальной традиции и использующей западноевропейский опыт. Предметом исследования в работе выступала портретная живопись в силу ее непосредственной обращенности к человеку, невозможности «существования вне личностного осмысления и отношения к явлениям действительности» (там же, с. 117). Авторы пишут, что «преобладание портрета в русской живописной школе XVIII в. обусловлено извечно присущей русскому искусству ориентацией на человека, получившей благодатную почву для своего развития в период Просвещения» (там же, с. 116). Следует отметить, что сфокусированность внимания на человеке признавалась как отличительная черта русской живописной школы и ее зарубежными исследователями. Как пишет А.Б. Стерлигов, «западноевропейские исследователи русской культуры признавали, что “русские сводят мир к человеку и упорно оценивают мир с человеческой точки зрения”, что “русский антропоцентризм – это и есть главная поэтическая сила в русских произведениях”. Вера в возможность проникновения в душу человека, в ее доступность, хотя и возникла в России с опозданием, лишь в XVIII веке, зато не растрчена до сих пор» (Стерлигов, 1986, с. 6). Интересной представляется мысль авторов работы, что портрет не только изображал конкретного человека – по словам А.Г. Габричевского, «портретную личность» (Габричевский, 1928), – но и воссоздавал «коллективный портрет общества». Поэтому, «вглядываясь в лица людей» как носителей культуры своего времени, можно описать и их индивидуальные характеристики, и воплотившиеся в них особенности эпохи, духа исторического времени. «Возможность реконструкции элементов культуры и общественной психологии периода Просвещения определяется тем, что и художник, и его модель являлись носителями одной и той же культуры» (Малафеева, Ващило, 2001, с. 116).

Справедливо подчеркивается, что портретная живопись должна рассматриваться с точки зрения не только ее познавательной ценности как важного источника раскрытия внутреннего мира человека, но и того огромного воспитательного потенциала, который она несет в себе, побуждая воспринимаящих ее людей сочувствовать и сопереживать изображенным персонажам.

В работе прослеживается эволюция портретной живописи XVIII в., выражающаяся в переходе от условного образа человека к неповторимой индивидуальности, «от человека-модели в парсуне к человеку – социальному типу» в парадных и камерных портретах мастеров петровского и елизаветинского периодов, и, наконец, «к воссозданию человека как личности в портретах художников конца XVIII столетия».

Примечательно, что предметом художественного познания выступали, наряду с выдающимися деятелями эпохи, также рядовые люди:

«уменье найти прелесть в некрасивом лице, обыденное преобразить в чарующий образ было свойственно портрету XVIII века» (Габричевский, 1928, с. 246).

Художники активно утверждали в общественном сознании новое понимание ценности человека, определяющейся не статусом или внешней красотой, а, в первую очередь, сокровищами души. Изображение человека в портретах И.Н. Никитина, Ф.С. Рокотова, В.Л. Боровиковского, Д. Левицкого и др. столь глубоко психологично и реалистично, что именно по ним мы воспроизводим сегодня облик человека того времени. «За образами ученых и философов, воинов и государей, очаровательных женщин и простых крестьян в картинах художников выступают, заявляют о себе реальные живые люди с их слабостями и достоинствами, радостями и печалью. Каждый портрет – это яркий, неповторимый внутренний мир» (Малафеева, Ващило, 2001, с. 137). Таким образом, проведенный в работе анализ убедительно показывает,

что живопись является мощным средством проникновения в психический мир человека, его глубокого постижения.

Примером продуктивного использования культурологических данных в психологическом исследовании выступает работа И.А. Джидарьян, посвященная анализу представлений о счастье в русской культуре (Джидарьян, 1997; 2001). Результаты конкретно-эмпирического анализа дополняются рассмотрением широкой палитры мнений многих известных русских мыслителей, деятелей культуры, выступающих в качестве важного источника изучения рассматриваемой проблемы.

* * *

Говоря в целом об искусстве как особой форме психологического познания, можно выделить ряд моментов.

Искусство – это один из исторически ранних видов творческой и познавательной деятельности. Оно возникло в недрах жизненной практики человека и тесно связано с ней, является тонким и точным отражением ее насущных проблем. Предшествуя в своем развитии появлению науки, искусство является одной из основ ее становления.

Особое место искусства в сфере познания состоит в специфике ее языка как *художественной формы отражения и описания реальности*. Его задача – создать яркий образ реальности, характеризующийся наглядностью и действенностью. Искусство «украшает мир», рисует исследуемые им явления зримо и выпукло.

Представляя отражаемую реальность образно и картинно, оформляя полученное знание в доступной для восприятия и не требующей для его понимания специальных логических систем форме, оно тем самым способствует его введению в широкие слои народа и с этой точки зрения дополняет науку, ограничивающую сферу своего влияния главным образом кругом интеллектуальной прослойки общества.

Являясь чутким индикатором общественных потребностей, настроений, идей, искусство обладает способностью быстрого и оперативного освоения и воплощения их в присущие ему художественные формы, поэтому оно выступает важным источником изучения психологической мысли своего времени.

Искусство не доказывает раскрываемые им явления; по своей природе оно является *рассказывающим, дескриптивным*, относится к нарративной сфере познания. Оно описывает отдельные, частные, часто уникальные случаи; его метод – идеографический. Однако это отнюдь не означает отсутствия в нем какой-либо доказательности и достоверности идей. В основе художественных образов лежит обобщение жизненного опыта творца, его наблюдений за окружающим миром. Используемый искусством прием типологизации выступает в качестве средства воплощения и обобщения художником многообразия жизненного материала.

Искусство антропологично по своей природе, оно обращено прежде всего к раскрытию глубинных структур психического мира человека, представляет собой «*одушевленное*» и «*одухотворенное*» выражение реальности. Человек – главный объект его изучения.

В качестве формы психологического познания искусство обладает серьезной *эвристической ценностью*, опережая нередко научную психологическую мысль в открытии и описании конкретных психологических феноменов. Ярким примером является постановка и глубокое раскрытие в трудах Ф.М. Достоевского проблемы внутриличностного конфликта, его новаторство в рассмотрении вопросов внутреннего диалога, динамики чувственной сферы человека. Реализация указанной функции обеспечивается высочайшей психологичностью выдающихся творцов искусства, присущим им интуитивным стилем мышления, высокой рефлексивностью, позволяющими проникнуть вглубь исследуемого явления, увидеть то, что скрыто за его внешними, поверхностными проявлениями.

Искусство – не бесстрастное отражение мира; оно опосредовано силой таланта его создателя, его субъектными характеристиками, личностной позицией. В отличие от науки искусство непосредственно обращено к миру человеческих ценностей, несет их в себе и активно утверждает. Оно представляет собой сплав познаваемого им объекта и субъективного замысла творца, является объективированной формой выражения его самосознания. Поэтому искусство обладает *двоякой познавательной* ценностью – как художественно-образного описания мира и как отражения внутреннего мира своего создателя, и с этой точки зрения оно представляет собой уникальную модель для изучения личности творца и творческой деятельности.

Искусство обладает огромной силой воздействия на человека, вызывает у него глубокие чувства и эмоциональные переживания, мысли, успокаивает и побуждает к действиям и поступкам, увеличивает душевные силы личности. Оно обладает не только воспитательным, но и психотерапевтическим эффектом.

Психологические представления, формирующиеся в русле мифологии

Одной из сфер накопления психологических идей является мифология. Мифотворчество занимает важное место в истории культуры человечества и в развитии познания. На ранних ступенях развития общества мифология выступала в качестве основного способа познания и понимания мира. «Миф выражает мироощущение и миропонимание эпохи его создания. Человеку с самых ранних времен приходилось осмысливать окружающий мир. Мифология и выступает как наиболее ранняя, соответствующая древнему и особенно первобытному обществу форма мировосприятия, понимания мира и самого себя первобытным человеком... как первоначальная форма духовной культуры человечества» (Токарев, Мелетинский, 1980, с. 12).

В интересующем нас аспекте изучения мифологии особенно важным представляется обсуждение вопроса о природе мифа, предпосылках его возникновения и роли как источника психологического знания. Разнообразные точки зрения на определение природы мифа и мифологического сознания представлены в работах В. Вундта, К. Юнга, Э. Фромма, Э. Кассирера, Ф.В. Шеллинга, А.Ф. Лосева, А.С. Чанышева и других ученых.

В научной литературе возникновение мифа как специфической формы мировосприятия первобытного человека связывается с особенностями его мышления, обусловленного конкретно-историческими условиями существования архаичного человека, характером его взаимодействия с миром. А.Н. Чанышев указывает, что для сознания людей, имеющих мифологическое мировоззрение, характерны «эмоциональность, образное восприятие мира, ассоциативность и а(до)логичность, склонность оживотворять (гилозоизм), одухотворять (аниматизм) мироздание, одушевлять его части (анимизм)» (Чанышев, 1981, с. 17). По мнению С.А. Токарева и Е.М. Мелетинского, предпосылками формирования специфической «мифологической логики» выступают: «во-первых, то, что первобытный человек еще не выделял себя из окружающей среды – природной и социальной, и, во-вторых, элементы логической диффузности, нерасчлененности первобытного мышления, не отделившегося еще отчетливо от эмоциональной, аффективно-моторной сфер» (Токарев, Мелетинский, 1980, с. 12). Следствием этих особенностей психического развития человека было возникновение социоантропоморфического мировоззрения, представляющего проецирование на все явления мироздания свойств, присущих самому человеку. Слабо ориентируясь в мире, но стремясь познать его, человек пытался описать окружающую его действительность в системе доступных ему понятий и образов, экстраполируя на нее то знание о себе, которое уже было обретоено им в процессе жизнедеятельности. Поэтому наиболее точно психологическая природа мифа определяется как «наивное очеловечивание окружающей природной среды и вытекающая отсюда всеобщая персонификация... и широкое “метафорическое” сопоставление природных и культурных

(социальных) объектов». Этим обусловлен и особый характер мифологической фантастики, выступающей как «выражение сил, свойств и фрагментов космоса в качестве конкретно-чувственных и одушевленных образов» (там же). Понимание природы мифа как непосредственной фиксации, воплощения в мифологических образах и сюжетах психологических свойств и способностей человека, системы сложившихся на ранних ступенях эволюции человека психологических представлений превращает миф в чрезвычайно важный источник реконструкции развития психологической мысли. Особая познавательная ценность мифа заключается в том, что он открывает путь для воссоздания тех ранних этапов психического развития человека, когда имплицитно существующее психологическое знание еще не было отрефлексировано и осмыслено и не могло быть зафиксировано в каких-либо иных, более «зрелых» формах.

В научной литературе сложился ряд концепций мифа, в которых по-разному представлены его психологическая природа и функции. Рассмотрим наиболее важные из них.

В философской концепции мифа Ф.В. Шеллинга подчеркивается, что уже в древние времена мифология представляла своеобразную культурную форму, воплощающую в себе единство природы и поэзии. Для Шеллинга несомненным является факт связи мифологии и поэзии; он считает, что искусство во все времена включает в себя мифологию, не может существовать без нее. Тесную связь он усматривает также между мифологией и мышлением, указывая, что миф – исторически начальная форма мышления и подчеркивая особую символическую, чувственную форму выражения мифологических идей.

Источник различий мифов он видит в том конкретном материале, который выступал предметом опозитизированного осмысления: в греческой мифологии им была природа, чем объясняется ее реалистичность, в христианской мифологии – дух, что определяет ее идеалистический характер. С этой точки, говоря о перспективах «новой мифологии» или «мифологии будущего», он обосновывает неизбежную представленность в ней в синтетическом единстве рационального и идеального начал, поэтики и науки, истории и природы. Отличие будущей мифологии будет состоять в ее обогащенности «духом нового времени», в качестве которого он называет «философию природы».

В работе «Историко-критическое введение в философию мифологии» Шеллинг делает акцент на понимании мифологии как результата сознательной творческой деятельности человека. Представляет интерес развиваемый им историко-культурный подход, согласно которому мифотворчество рассматривается в его исторической динамике, обусловленности развитием культуры. Именно своеобразием культурных традиций, сложившимися у различных народов представлениями о богах и героях объясняются, с его точки зрения, различия в создаваемых ими мифах. Таким образом, миф выражает сознание народа и одновременно является показателем его возникновения как некоего единого целого. Соответственно, вместе с развитием сознания народа развивается и изменяется и его мифология.

Э. Кассирер характеризует мифологию как автономную и наиболее древнюю форму символической духовной деятельности человечества. Источники символизма мифа он видит в том, что конкретно-чувственные предметы приобретают здесь функцию знака (обобщения) и символического замещения других конкретных предметов и явлений. Этим определяется и своеобразие мифологического мышления, представляющего синкретичное и неразделимое единство реального и идеального, вещи и образа, тела и свойства. Результатом этого становятся превращение сходства явлений в их причинную последовательность, подмена законов конкретными унифицированными образами, синтеза отношений – их отождествлением, уравниванием части и целого, тотемическим объединением отдельных людей с теми или иными видами животных. И хотя Кассирер видит в мифологии своеобразный способ упорядочения и познания действительности, при этом он отвергает наличие в ней какой-либо истинности и закономерности. Критически оценивая концепцию мифа Кассирера, А.Ф. Лосев отмечает, что, «по его учению, объект мифического сознания есть полная и принципиальная неразличи-

мость “истинного” и “кажущегося”, полное отсутствие степеней достоверности, где нет “основания” и “обоснованного”... По Кассиреру, в мифе нет различия между “представляемым” и “действительным”, между “существенным” и “несущественным”. В этом его полная противоположность с наукой» (Лосев, 1991а, с. 39). Указанные положения концепции Кассирера представляются Лосеву неверными, искажающими природу мифа: «В мифе есть своя мифическая истинность, мифическая достоверность. Миф различает или может различать истинное от кажущегося и представляемое от действительного. Но все это происходит не научным, но чисто мифическим же путем. Кассирер очень увлекся своей антитезой мифологии и науки и довел ее до полного абсурда» (там же).

Близкую Кассиреру позицию занимает Э.Я. Голосовкер, который противопоставляет мифологию науке и точному знанию, определяя ее как искаженную, примитивную форму отражения мира. Особенность мифологического мышления, согласно его мнению, определяется его опорой не на рациональные логические приемы, а на воображение, выступающее в качестве главного определяющего его природу фактора. В связи с этим мифологическое мышление выступает, согласно Голосовкеру, как область фантастического вымысла и исторически ограничивается рамками первобытного или примитивного сознания.

Мифологический сюжет определяется автором как особая «имагинативная действительность», описываемая в системе понятий «игра» и «метаморфоза». Содержащееся в мифологических произведениях знание он называет «энигматическим», характеризующимся использованием своеобразных загадок, посредством которых дается описательная картина событий и явлений. Подчеркивается, что, используя присущую ему семантику, миф отражает строение примитивного сознания, образ мысли, представления и интересы его создателей. На примере отдельных мифов Голосовкер вскрывает лежащие в основе их образов и сюжетных линий способы обоснований и умозаключений, используемые субъектами мифотворчества. Так, в основе абстрактной смысловой конструкции «Афина – мудрость Зевса» лежит, согласно его мнению, апелляция человека к конкретному «вещественному» образу рождения Афины из головы Зевса. Особенность мифологической логики заключается также в отождествлении значимости мифологических персонажей, описываемых явлений и вещей и выполняемых ими функций. Например, герой в мифе определяется функциональным смыслом его действий: он всегда побеждает, является успешным; поражение же или неуспех героя автоматически означает прекращение его существования в данном качестве. Уже приведенные примеры свидетельствуют об информационном богатстве мифа, открывающего возможности реконструировать своеобразие логических структур мышления его создателей, систему эталонных требований, предъявляемых человеку.

В работах Клода Леви-Строса, создателя теории структурной антропологии, миф рассматривается в контексте изучения особенностей первобытного мышления. Подчеркивается познавательная роль мифа как источника раскрытия особенностей сознания человека дописьменных культур. Опираясь на огромный этнографический материал, полученный при изучении мифологии американских индейцев, автор обосновывает своеобразие мифологического мышления, характеризуя его как мышление «на чувственном уровне», конкретное, образное, метафорическое, направленное на переработку уже сложившихся структур знания с целью обеспечения упорядочения событий. Мифологическая логика определяется им как логика тотемическая, «логика калейдоскопа», логика конкретных отношений. Ее основой выступает «механизм медиации», состоящий в поступательном переходе от бинарного противоречия к более узким и конкретным оппозициям. Результатом становится возникновение системы иерархически соподчиненных мифологических продуктов, связанных между собой метафорическими отношениями.

Указывая на своеобразие мифологической логики, Леви-Строс в то же время утверждает, что по характеру интеллектуальных операций она не отличается существенно от логики

современного рационально мыслящего человека: первобытному мифологическому мышлению доступны анализ и обобщение явлений, их классификация. Различия же между ними состоят не в логических процедурах, а в том, о *чем человек мыслит*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.